
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 АВГУСТ 1974

ЗА ГОЛУБОЙ ДОРОГОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2461)

31 АВГУСТА 1974

Александр ГОВОРОВ,
Лимарий СЕМЕНОВ.
Фото Б. КУЗЬМИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

За Волгой у села Красный Яр поля, поля... За самой широкой голубой дорогой Родины вызрел большой хлеб, и в полях сияет соломенное солнце...

В первой бригаде колхоза имени XIX партсъезда, Энгельсского района, Саратовской области, словно и нет особого напряжения, невероятных усилий и видимого накала страды. Люди знают друг друга почти двадцать лет.

Константин Петрович Овсянников — бригадир опытный, Герой Социалистического Труда.

— Силы у нас рассчитаны точно,— говорит он.— В прошлом году получили отличный урожай — в среднем по тридцать пять центнеров зерна с каждого гектара. Этот год, похоже, не менее удачен.

«ОГОНЕК» НА ЖАТВЕ

Это не кадр из фильма, это сегодняшний день Саратовщины.

Вместе с Овсянниковым мы едем в поля. День сегодня нелегкий: с утра лежала крупная роса, запоздали с обмолотом, наверстывать надо.

Я гляжу, как споро работает комбайнер К. К. Ауль — он сейчас лидер. Около трех тысяч центнеров зерна уже намолотил.

— Во сколько сегодня заканчиваете работу?

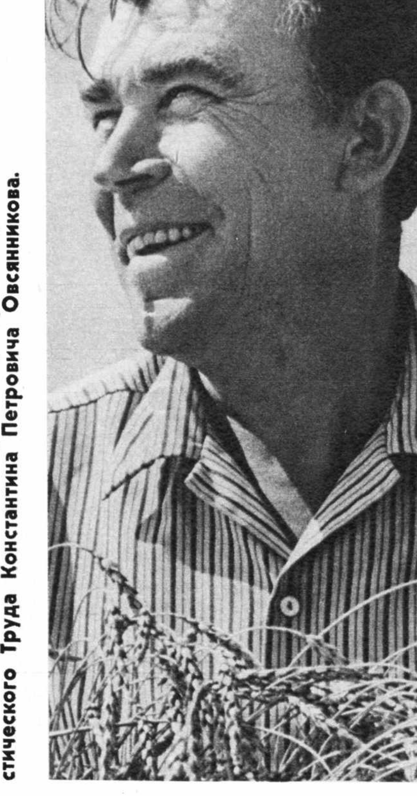
— Не знаю. Возможно, и ночь прихвачу,— с мостика комбайна отозвался Ауль.

Только вечером смогли мы присесть с Константином Петровичем Овсянниковым у ярко освещенного тока, и он спокойно, чуть растягивая слова, рассказал о том, как нелегко дается нынешний хлеб. Весна была поздняя, переменчивая, холодная. Долго прицеливался бригадир к земле и только в ему ведомый момент решился сеять: чутье!

Говорили мы долго, и я узнал о бригадире многое. С большой любовью рассказывал он о людях, с которыми вот уже семнадцать лет выращивает добрые урожаи.

Бригадир показывает мне красный вымпел.

— Это награда особая. Она припасена для рекорда. Торжественно вручим вымпел тому комбайнеру, который возьмет полтыщи центнеров в день. А это, ох, как нелегко...

Хороший хлеб — хорошее настроение у Героя Социалистического Труда Константина Петровича Овсянникова.

Раздумья Героя Социалистического Труда К. П. Овсянникова о земле

1

Лелей ее, и ты потом
Взлелеян будешь ею,
Ласкай ее своим трудом,
Свою родную землю,
И шапку перед ней сними,
И выстрадай желанье,
Пади и крепко обними —
Услышь ее дыханье,
И перетоки родников,
Светло в глубинах бьющих,
И легкий зов
из мягких слов,
К сердцам людей зовущий...
И если это все поймешь
И всей душою примешь,
То никого не подведешь
И сам с земли не сгинешь.

2

Слышатся отлично
Голоса окрест:
— Урожай — приличный!
— Урожай — приличный!
— Хлебушко пшеничный
Будешь вдоволь есть!..

Все мы очень любим
Пышный каравай.
Кланяется людям
Низко,
в пояс,
людям,
Знатный урожай.

И зарею ходят
Клики:
— Люди,
хлеб!..

И над полем поднят
И над миром поднят —
И рабочий молот
И крестьянский серп.

3

Радости, радости! —
Ой ли, людям бодрой.
Сеятелю в августе
Радость — это вёдро! —
Нежно с неба сеется,
Сейся,
сейся,
сейся.
— Ну, хотя бы с северцем,—
Говорю от сердца.
Говорю:
— Ну, солнышко,
Потрудись, родное.
Золотое зернышко —
Впрямь ведь золотое.
Всю страду сутулишься,
Думы глубже прячешь.
Если, день, нахмуришься —
Ну хоть плачь —
и плачешь.
Солнышко, пожалуйста,
Будь же к людям добрым...
Сеятелю в августе
Радость — это вёдро!

ПРАЗДНИК РУМЫНСКОГО НАРОДА

Бухарест. Юбилейная сессия Великого Национального собрания СРР.
Телефото специального корреспондента ТАСС А. Стужина.

23 августа румынский народ торжественно отметил 30-ю годовщину освобождения страны от фашистского ига.

По случаю национального праздника товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, всего советского народа направили Генеральному секретарю РКП, Президенту СРР товарищу Н. Чаушеску и Премьер-Министру правительства СРР товарищу М. Мэнеску сердечные поздравления.

По приглашению Центрального Комитета РКП, Государственного совета и правительства

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПАРИЖА

Париж. 25 августа 1944 года. Фото Камера Пресс — ТАСС.

Он встал из-за стола, застегнул пуговицу на парадном мундире и пробормотал: «Все кончено»,— а затем его, нацистского генерала от инфантерии, военного коменданта Парижа Дитриха фон Хольтица, вывели из комендатуры и повезли на бронемашине через этот ненавистный ему, ощетинившийся сотнями баррикад город, на вокзал Монпарнас. И там, в только что оборудованной штаб-квартире дивизии Леклерка, фон Хольтиц подписал акт о безоговорочной капитуляции своего гарнизона перед выстроившимися парижанами и французской армией и отдал приказ о прекращении гитлеровцами всякого сопротивления. Ему было бы гораздо легче, если бы эту капитуляцию принял лишь французский генерал Леклерк. Но там, в узкой конторской комнате на вокзале, присутствовал еще и самый главный «мятежник», военный организатор всего Парижского восстания. Тот самый Анри Роль-Танги, бывший рабочий-металлист и член интернациональной бригады в республиканской Испании, полковник, коммунист, за голову которого обещали крупную сумму. И который так и остался для оккупантов неуловимым «Ролем».

Было семнадцать часов двадцать пятого августа 1944 года. За семь дней до этого в Париже прогремели первые выстрелы освободительного вооруженного восстания, поднятого по инициативе Французской компартии и по призыву Национального совета Сопротивления... Тысячи восставших парижан, люди самого различного возраста, погибшие в августовских боях, так и не узнали, что героически отдали свои жизни не за одно только освобождение своей столицы от захватчиков, но и за спасение этого великого города от варварского разрушения. Лишь позже, уже в послевоенное время, стало извест-

МИР И НЕЗАВИСИМОСТЬ КИПРУ!

Положение на Кипре продолжает оставаться напряженным. Тысячи жителей остались без крова, десятки тысяч были вынуждены покинуть опасные районы и переселиться на юг острова. Автомобили, автобусы, грузовики и мотоциклы с беженцами заполнили дороги Кипра. Множество машин, у которых кончился бензин, брошено на дороге. Женщины, дети, старики страдают от жары, от нехватки воды и пищи. В настоящее время, по данным кипрских властей, насчитывается около 200 тысяч беженцев. Их особенно много в зоне Ларнаки и Лимасола. Ожесточенные бои принесли разруху, которая царит на всем острове.

Независимость, суверенитет и территориальная целостность республики под угрозой. «Гарантии» стран НАТО Кипру — это лишь маневр, оставляющий лазейки для вмешательства во внутренние дела Республики Кипр.

Всеобщее одобрение за рубежом вызвало заявление Советского правительства о Кипре. Оно предлагает созвать для рассмотрения кипрского вопроса в рамках ООН международную конференцию, в число участников которой наряду с Кипром, Грецией и Турцией вошли бы страны — члены Совета Безопасности, а также, возможно, другие государства, в частности из числа неприсоединившихся. Таким образом, поиски решения велись бы не в узком кругу стран НАТО, за спиной кипрского народа, а на представительном форуме, облеченном высокой ответственностью.

Люди доброй воли планеты решительно требуют прекратить провокации против Кипра, гарантировать мир и независимость молодой республике.

На снимке: в одном из лагерей беженцев в Декелии, близ Ларнаки.

Телефото ЮПИ—ТАСС.

СРР в юбилейных торжествах приняла участие советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

21 августа в Бухаресте состоялась встреча главы советской партийно-правительственной делегации, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску.

Товарищ А. Н. Косыгин передал товарищу Н. Чаушеску дружеские поздравления от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в связи с 30-й годовщиной освобождения Румынии от фашистского ига, а также пожелания больших успехов румынскому народу в деле строительства всесторонне развитого социалистического общества.

Советская партийно-правительственная делегация во главе с товарищем А. Н. Косыгиным присутствовала на юбилейной сессии Великого Национального собрания СРР. С докладом на сессии выступил Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску.

23 августа в столице СРР состоялись большой военный парад и праздничная демонстрация трудящихся. На трибунах находились советская партийно-правительственная делегация, посланцы других социалистических стран, зарубежные гости.

24 августа советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным возвратилась на Родину.

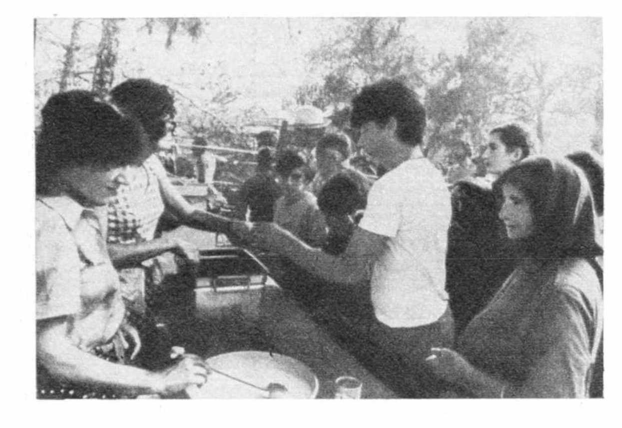
но о секретных приказах, данных Гитлером коменданту фон Хольтицу, о превращении Парижа в груду руин при отводе войск. Выполнить этот приказ оккупантам помешали патриоты. Успешное Парижское восстание стало кульминацией борьбы всего французского народа за национальное освобождение от фашистского ига, приблизило момент полного освобождения всей территории Франции.

Вся Франция широко отметила в эти дни 30-летнюю годовщину освобождения своей столицы от фашистских захватчиков. С большим вниманием встречено в Париже приветствие, направленное по этому поводу советскими руководителями Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным и А. Н. Косыгиным президенту Французской Республики В. Жискар д'Эстену и премьер-министру Ж. Шираку.

— Идеалы свободы и демократии, которые отстаивали борцы движения Сопротивления, живы и поныне,— сказал в беседе со мной Этьен Легро, председатель Национальной федерации депортированных и их семей.

Он рассказал об активной деятельности, которую проводят все французские ветераны войны, бывшие партизаны и узники фашистских концлагерей, для укрепления мира на нашем континенте, о тесных связях участников французского Сопротивления с советскими ветеранами войны. «Мы совместно боремся ради того,— заявил он,— чтобы человечество больше никогда не познало ужасов фашизма, чтобы развивалось широкое сотрудничество между нашими странами, небо над Европой было мирным, а наши дети жили счастливо».

Евгений Бабенко,
корреспондент ТАСС в Париже

ОПАСНЫЕ МАНЕВРЫ ТЕЛЬ-АВИВА

Николай ЛЬВОВ

Пользуясь затишьем, установившимся на Синайском полуострове и Голанских высотах после подписания соглашений о разъединении войск на египетском и сирийском направлениях, Тель-Авив, грубо попирая нормы международного права, развернул необъявленную войну против Ливана. Израильская артиллерия продолжает держать под огнем своих ракет, минометов и тяжелых орудий южноливанские деревни. Тель-авивские стервятники сбрасывают сотни тонн бомб на мирные города и селения. Израильские канонерки и «коммандос» не прекращают ночных рейдов на ливанские порты и лагеря палестинских беженцев, сея разрушения и смерть среди гражданского населения.

Как известно, Израиль прилагал немало усилий для того, чтобы еще до начала Женевской конференции по Ближнему Востоку расколоть единый фронт арабских государств, навязать им сепаратные секретные переговоры как единственно возможный путь для выхода из ближневосточного кризиса. Рассчитывая превратить этот важный международный форум в скрытый закулисный торг, Тель-Авив надеялся протащить свою формулу мира на Ближнем Востоке, которая закрепляла бы существующий статус-кво (то есть сохранение Израилем оккупации арабских территорий) и обходила бы вопрос о признании и обеспечении законных прав народа Палестины. Однако эти попытки потерпели провал, и теперь израильские «ястребы» пытаются путем насилия и террора, доведенных до откровенного геноцида, сломить моральный дух палестинцев, посеять в их рядах отчаяние и страх, заставить отказаться от своих требований, заранее рассчитывая переложить на них ответственность за возможный срыв женевских переговоров.

Одновременно Тель-Авив делает все возможное, чтобы помешать процессу нормализации отношений между западноевропейскими и арабскими государствами. В последнее время Израиль предпринял целое наступление на дипломатическом фронте, стремясь добиться для себя поддержки или, на худой конец, благожелательного нейтралитета со стороны западных руководителей.

Израильские «ястребы» не замедлили воспользоваться обострением обстановки в Восточном Средиземноморье, стараясь лишний раз показать НАТО, что у блока в этом районе мира есть надежный союзник, на которого можно положиться. После того, как Греция вышла из военной организации Североатлантического блока, сначала газета «Едиот ахронот», а вслед за ней и бывший начальник оперативного отдела генерального штаба израильской армии Хаим Герцог выступили с предложением предоставить американскому шестому флоту военно-морскую базу в Хайфе. Из-за кипрского кризиса, заявил Герцог в интервью израильскому радио, Соединенные Штаты могут потерять свои базы в Греции и Турции. Если это произойдет, то по НАТО и обороне самого Израиля будет нанесен серьезный удар. Предоставив американцам право пользования портовыми сооружениями в Хайфе, израильские «ястребы» рассчитывают не только использовать натовских стратегов для оказания давления на тех членов НАТО, которые занимают в ближневосточном конфликте «проарабские позиции», но и включить Израиль в глобальную стратегию Североатлантического блока, что дало бы Тель-Авиву дополнительные возможности для его экспансионистской политики на Ближнем Востоке.

Подтверждением агрессивных намерений Израиля могут служить лихорадочные военные приготовления и разжигание милитаристского психоза. Вся страна превращена в военный лагерь. Приведены в состояние боевой готовности многие части израильских вооруженных сил. Созданы мобильные отряды из числа резервистов, которым роздано оружие. Форсируется ремонт военной техники и танков. Армия оснащается новыми видами оружия. Ожидается, что военные поставки в Израиль в самое ближайшее время будут увеличены. Недавно в Вашингтон «слетал» один из тель-авивских «ястребов» — Шимон Перес, который вел переговоры о предоставлении Израилю ежегодной военной помощи на сумму 1,5—2 миллиарда долларов в ближайшие пять лет.

На Голанских высотах воздвигаются мощные фортификационные сооружения. По сообщениям «Едиот ахронот», новые укрепления будут строиться не только на границе с Сирией, но и с Египтом и Иорданией. Одновременно вдоль ливанской и сирийской границ не прекращается интенсивная концентрация и передвижение израильских войск (до 50 тысяч человек). Сюда же из внутренних районов Израиля подтягиваются танки и другая военная техника. Вдоль побережья Южного Ливана продолжают курсировать военные корабли. Одновременно на оккупированных территориях проводятся самые крупные после 1973 года военные маневры, отрабатывается техника десантирования и атак на объекты, расположенные в «тылу» противника.

Подготавливая общественное мнение страны к возможному возникновению превентивной войны против арабских государств, нагнетая напряженность на границах, израильские руководители, по мнению газеты «Юманите», стремятся предотвратить взрыв в самом Израиле, устранить внутренние раздоры, вызванные политикой «затягивания поясов», угрожающей привести к новому политическому кризису. Однако уже многие в Израиле начинают понимать, что лозунг «Нестабильность — лучшая стабильность на Ближнем Востоке» лишен смысла и что невозможно обеспечить безопасность страны, продолжая политику милитаристского экспансионизма, провокаций и агрессии.

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ,
председатель исполкома Моссовета

МОСКВА

В о время встречи корреспондентов «Огонька» с председателем исполкома Моссовета были процитированы строки из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева перед избирателями. В этой речи он очень тепло сказал о нашей любимой Москве и о москвичах:

«Москва — для всех столица. Она у всех на виду. И отрадные перемены, происходящие здесь, интересуют и радуют весь наш народ.

Четыре года, прошедшие со времени прошлых выборов, были в жизни Москвы по-особому знаменательны. Москвичи практически и, я бы сказал, с хорошим подъемом взялись за решение задачи, выдвинутой XXIV съездом,— превратить столицу в образцовый коммунистический город. Утвержден и начал выполняться генеральный план развития города, в который заложено все, что нужно для улучшения условий труда и отдыха, что может украсить быт людей. Этот план по существу определит облик города таким, каким он будет на пороге третьего тысячелетия».

В свое время «Огонек» посвятил Генеральному плану развития столицы специальный номер. И теперь, продолжая начатый разговор, наши корреспонденты задали В. Ф. Промыслову вопрос:

— Владимир Федорович! Расскажите нашим читателям, что из задуманного уже осуществлено, как воплощаются в жизнь идеи Генплана? В чем суть тех «отрадных перемен» в жизни Москвы, о которых говорил Леонид Ильич Брежнев?

— В своей речи Леонид Ильич Брежнев очень точно определил сущность нашей работы: все для блага народа, во имя советского человека. И дал точный критерий для оценки деятельности городских организаций: «Людям свойственно судить о самых крупных изменениях в жизни общества по тому, что их непосредственно окружает. Они оценивают прежде всего те новшества, которые могут увидеть в своем городе, на своей улице, в рабочей столовой, поликлинике, магазинах, в школе, где учатся их дети».

Четыре года — срок немалый. Давайте поэтому конкретно поговорим о каждой из тех сторон нашей городской жизни, которые упомянул Леонид Ильич. Итак, какие новшества могут увидеть в своем городе, на своей улице москвичи?

Прежде всего новые магистрали, новые здания, архитектурные ансамбли. За минувшие четыре года снесена двадцать одна тысяча обветшалых и малоценных строений. Около двух миллионов человек улучшили свои жилищные условия. Сейчас каждый день в среднем справляют новоселье почти пятьсот семей.

Все, кто интересовался Генпланом, разумеется, хорошо помнят макет Новокировского проспекта — магистрали, которая обеспечит связь главной вокзальной площади Москвы — Комсомольской (к ней сходится почти половина всех линий Московского железнодорожного узла) с центром города. Сейчас начаты работы по прокладке этого проспекта. Осуществляется реконструкция Марксистской улицы. С окончанием строительства второго корпуса гостиницы «Белград» и жилого дома завершится реконструкция Смоленской площади. На Тверском бульваре возведено новое здание МХАТ. Близится к завершению сооружение нового здания Государственной картинной галереи на берегу Москвы-реки и нового редакционного корпуса газеты «Известия» на Пушкинской площади. На Краснопресненской набережной реки Москвы, рядом с СЭВ, возводится величественное здание Совета Министров Российской Федерации.

Сейчас в нашей работе по созданию облика будущей Москвы все более полное выражение находят ленинские идеи о монументальной пропаганде. Академия художеств СССР создала специальный художественный совет по синтезу искусств в современном градостроительстве. Монументальная скульптура и живопись должны стать неотъемлемой частью нашего московского пейзажа. В ближайшие годы будет возведено около тридцати памятников — В. И. Ленину, Ф. Энгельсу, монументы Победы, 50-летия Советской власти и 50-летия образования СССР, обелиск «Город-герой», памятники Я. М. Свердлову, М. И. Калинину, Н. К. Крупской, генералиссимусу А. В. Суворову, писателям И. А. Крылову, А. П. Чехову и многие другие.

Если Генплан в своем роде градостроительская стратегия, то принятое недавно постановление по комплексному благоустройству и приведению в порядок центральной части Москвы (в пределах Садового кольца) — это тактическое решение одной из входящих в Генплан проблем. Я останавливаюсь именно на центре города, это, пожалуй, будет интересно всем, хотя следует напомнить, что одновременно осуществляются намеченные Генпланом работы и во всех других районах столицы.

На Красной площади с большим размахом ведутся работы по ее реставрации — она полностью закончится к ноябрьским праздникам. Затем наступит очередь реконструкции других участков Кремлевской стены и прилегающих к ней сооружений. По своим масштабам реставрационные работы, ведущиеся в Кремле, не имеют себе равных. Завершается восстановление памятников Зарядья. Начата подготовка к ремонту и реставрации фасадов всех зданий на улицах Горького, Герцена, Кропоткинской и других. Старые улицы сохранят неповторимый московский колорит, сотни домов, связанных с историей города, будут восстановлены в своей первозданной красоте — такие, как жилые палаты XVI—XVII веков на Кропоткинской, Дом Луниных на Суворовском бульваре, Дом Меншикова на улице Огарева и другие.

Поскольку кварталы старой Москвы уступают по озеленению новым районам, площадь зеленых насаждений внутри Садового кольца будет увеличена на сто восемьдесят гектаров. Заканчивается реконструкция сада «Эрмитаж», восстанавливается сквер в Карманицком переулке, будет разбит сквер на месте старого здания театра «Современник», еще один планируется на площади 50-летия Октября и т. д.

Это, если говорить о тех изменениях, которые москвичи видят на своей улице, в своем

На Пролетарском проспекте. **Фото Г. Макарова.**

ДЛЯ ВСЕХ СТОЛИЦА

городе. Теперь о том, что изменилось в общественном питании, в торговле, медицинском обслуживании, в народном образовании.

За последние четыре года начали работать сто двадцать две новые школы. Теперь более девяноста процентов ребят учатся в одну смену — представляете, как упорядочился режим школьников, насколько увеличился у них резерв времени для самостоятельных занятий и отдыха.

Все больше внимания уделяется здоровью москвичей. За тот же срок вступили в строй пятьдесят пять новых поликлиник. Количество коек в больницах не просто увеличилось — ведется планомерная борьба и за то, чтобы стала больше средняя площадь больничного помещения в перерасчете на одну койку. Только за девятую пятилетку в общей сложности будет построено лечебных корпусов на тридцать три тысячи коек — это в три раза больше, чем в восьмой пятилетке. Заканчивается строительство комплекса уникальных в своем роде лабораторий Института клинической и экспериментальной хирургии Министерства здравоохранения СССР, ряда корпусов Первого медицинского института, строятся Онкологический и Кардиологический центры и многие другие исследовательские и лечебные объекты.

Расширяется, наращивает мощность торговая сеть. Начали обслуживать население «универсамы» в Теплом Стане, Грайворонове, Вешняках-Владычине, универмаги в Сокольниках, Чертанове и т. д. Уже распахнуло двери новое здание ЦУМа. Только в минувшем году вступили в строй двести двадцать новых магазинов, сто семьдесят столовых, кафе и ресторанов. Более двух тысяч шестисот магазинов работают по методу самообслуживания.

Открыто шестнадцать кинотеатров, Дворец спорта в Сокольниках, гребной олимпийский канал в Татаровской пойме и десятки других крупных спортивных сооружений. Строится Дворец детского спорта.

Много сделано и для развития городского транспорта. На шестнадцать километров удлинились линии метрополитена, начали действовать Центральный автовокзал, станции обслуживания автомашин на улице Зорге и на Варшавском шоссе, проведены большие работы по реконструкции Курского вокзала, перестраивается Ленинградский вокзал, появилось более сотни новых маршрутов троллейбусов, автобусов, трамваев, такси.

Стоит напомнить о том, что Генплан подчинен одной общей идее — созданию практически здоровой городской среды.

В 1972 году в Токио состоялась Конференция мэров крупнейших городов мира. Впервые на таком уровне обсуждались острейшие международные проблемы, которые ставит бурная урбанизация. Советская Москва убедительно показала преимущество социалистической системы градостроительства, которой чужды кризисы, хаотическое развитие, отсутствие четких перспектив.

Частная собственность на землю лишает местные органы власти капиталистических городов возможности распоряжаться ею по своему усмотрению — почти каждый квадратный метр здесь принадлежит какому-нибудь хозяину. У нас же отсутствие частной собственности на землю позволяет исполкому Моссовета принимать решения, руководствуясь исключительно интересами народа, действуя на благо москвичей. Поскольку Моссовет имеет больше прав и влияния, чем мэрия любого капиталистического города, то и обязанности у него значительно шире. Он ведет почти все строительство в столице, отвечает практически за все стороны быта и жизни москвичей. Достаточно, пожалуй, привести только одну цифру: на предприятиях и в учреждениях, подчиненных Моссовету, трудится более 1 миллиона 300 тысяч человек!

Конечно, работа Моссовета не лишена недостатков. Так, еще не решен ряд вопросов, связанных с быстрейшим развитием некоторых звеньев сферы обслуживания, торговли, городского транспорта. Но пути решения этих вопросов четко определены и принимаются все меры для исправления этого положения.

О перспективных планах Москвы на будущее писалось много — недаром наш Генплан привлек большое внимание всех градостроителей мира. Трудящимся столицы нужно сделать еще немало, чтобы воплотить в явь все замечательные проекты и замыслы. В этой работе вместе с городом-героем Москвой участвуют все республики нашей многонациональной страны. Дружба и поддержка советского народа служат для москвичей неисчерпаемым источником силы и помогают им с честью выполнять свои обязательства — сделать Москву образцовым коммунистическим городом и тем самым выполнить задачу, поставленную XXIV съездом КПСС.

Н-ский аэродром. Перед броском в Словакию.

ВОЗДУШНЫЙ МО

А. Е. ГОЛОВАНОВ,
Главный маршал авиации

Фото А. УСТИНОВА.

В последние дни августа 1944 года я, командовавший в то время авиацией дальнего действия, получил срочное донесение от командира 5-го корпуса АДД генерал-лейтенанта И. В. Георгиева о том, что на один из аэродромов в районе Львова произвели посадку 27 самолетов с опознавательными знаками немецко-фашистской армии. Прилетели на них словацкие летчики во главе с заместителем командира восточно-словацкого корпуса. Они сообщили, что в Словакии под руководством Коммунистической партии Чехословакии началось восстание против немецких оккупантов. О полученном донесении было доложено Верховному Главнокомандующему.

Еще в июле 1944 года для выяснения обстановки на территории Словакии туда была сброшена группа парашютистов во главе с советским офицером П. А. Величко, который в начале августа донес, что имеется возможность для организации широкого партизанского движения и что части словацкой армии готовы перейти на сторону Красной Армии.

Вскоре в Словакию по просьбе Словацкого национального совета было переброшено еще несколько групп, каждая из 10—15 человек. В считанные дни они обрастали добровольцами-партизанами, превращаясь в тысячные отряды.

И все-таки сообщение о восстании было неожиданным, и, хотя мы были поставлены перед свершившимся фактом, как и всегда, были приняты немедленные меры по оказанию помощи восставшим.

1-му Украинскому фронту (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев) было предложено срочно дать свои соображения о возможной помощи восставшим, а мне были даны указания немедленно организовать заброску необходимого для них вооружения и боеприпасов.

Маршал Конев предложил нанести силами 38-й армии удар через Карпаты на Дукла — Прешов, чтобы соединиться с двумя словацкими дивизиями, находящимися на этом направлении в глубине обороны, позади немецких войск, стоявших непосредственно перед фронтом наступления 38-й армии.

В состав 38-й армии входил и 1-й Чехословацкий корпус, в командование которым уже во время операции вступил генерал Л. Свобода — ныне президент Чехословацкой Социалистической Республики.

Согласившись с этим предложением, Ставка подключила к опера-

СТ В СЛОВАКИЮ

ции еще и войска 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал И. Е. Петров.

Противник с первого же дня наступления 38-й армии начал экстренно подтягивать резервы с других участков фронта в полосу ее действий. Развернулись упорные и жестокие бои в горах. Дивизии восточно-словацкого корпуса, которые должны были наступать навстречу советским войскам, 2 сентября 1944 года были разоружены немцами. Возможность соединения с восставшими в ближайшее время отпала. Оставалось одно: организовать воздушный мост и с помощью авиации снабжать восставших. Основная сложность заключалась в том, что к этому времени не были подготовлены ни базы снабжения, ни сами военные материалы, необходимые словацким партизанам для ведения боевых действий, а требовалось перебросить многие сотни тонн оружия и боеприпасов.

Решили воспользоваться базой, с которой велось обеспечение югославских партизан. Там имелись значительные запасы военного имущества, его-то на первых порах можно было использовать и для заброски в Словакию, не нарушая при этом поставки югославам. Трудно было и с горючим. Его запасы тоже были рассчитаны для обеспечения полетов только в Югославию.

Верховный Главнокомандующий торопил нас. Он лично следил за выполнением указаний по заброске вооружения в Словакию и обязал представлять непосредственно ему специальные донесения об этом.

Нужно было позаботиться и об оснащении аэродрома «Три Дуба» близ Зволена, где приземлялись наши транспортные самолеты. Ведь, кроме приводной станции, заброшенной нами на этот аэродром, там ничего не было. Поэтому было невозможно принять нужное количество самолетов.

В первой половине сентября, когда стало ясно, что в запланированное время советским войскам не удастся прорваться к восставшим, решили перебросить на помощь им Чехословацкую воздушнодесантную бригаду.

Переброску возложили на АДД.

В начале наших полетов мы получали условные сигналы для приема самолетов на аэродроме «Три Дуба», которые были введены командующим чехословацкими войсками в Словакии и передавались через начальника чехословацкой военной миссии в СССР. Эти сигналы менялись каждый день, как для посадки, так и для сброса. По опыту мы знали, что сигналы нередко путаются, поэтому решили послать на место своих людей, знающих порядки, существующие в АДД по организации и проведению таких полетов, и не раз лично выполнявших такие полеты.

В ночь на 17 сентября на аэродром «Три Дуба» вылетел заместитель командира 53-й авиационной дивизии полковник Б. Ф. Чирсков с оперативной группой. Эта дивизия входила в состав 5-го авиационного корпуса, на который и возлагалась основная ответственность за обеспечение регулярной, бесперебойной доставки в Словакию всего необходимого.

В первую ночь они не были приняты, так как аэродром только что отбомбили немецко-фашистские самолеты. На вторую ночь вся группа Чирскова благополучно приземлилась и сразу же начала организовывать прием самолетов, которые в ближайшее же время должны были прилетать большими группами: до восьмидесяти — ста машин в ночь. Даже в обычных условиях эта задача не проста. А тут рядом у противника аэродромы истребительной авиации, всякий день можно было ждать налета. Нужна была максимальная маскировка в ночных условиях, а значит, предельно малое количество огней на летном поле. Нужна была сверхбыстрая разгрузка прибывающих самолетов и немедленная их отправка, так как большого количества машин аэродром принять не мог, а оставлять на день их было опасно: регулярно этот район навещали разведчики противника.

И все-таки наша оперативная группа под самым носом у противника сумела сделать невозможное. В первые же ночи после прибытия она обеспечивала прием, разгрузку и отправку от восьмидесяти до ста и более самолетов. Они приходили на аэродром волнами по пятнадцать — двадцать машин. Этот конвейер работал, как отлаженный механизм, хотя самолеты противника не раз аэродром бомбили. И наша группа потеряла при этом двух своих товарищей.

Мы доставляли не только стрелковое оружие, но и полковые минометы, артиллерию, автотранспорт, противотанковые ружья, тяжелые пулеметы и многое другое военное снаряжение. Кроме полетов на «Три Дуба», мы сбрасывали вооружение и боеприпасы и в других пунктах Словакии.

В конце сентября немецкие части подошли к Зволену, угрожая захватить город и выйти в район аэродрома. Как раз в это время на аэродром «Три Дуба» прибыло 76 самолетов, которые доставили рядовой и офицерский состав из Чехословацкой бригады с их вооружением.

Прибытие бригады сразу изменило обстановку на этом участке, противник был отброшен от Зволена. Однако гитлеровцы, стягивая значительные силы, стали сжимать кольцо вокруг территории, занимаемой партизанами и повстанческой армией. Против них немцы были вынуждены бросить более шести регулярных дивизий. Силы были неравны.

В середине октября противник повел решительное наступление против повстанцев. 24 октября враг захватил Брезно, потом — Зволен, а за ним и центр восстания — Банску-Бистрицу. Вскоре у гитлеровцев оказался и аэродром «Три Дуба». Мы продолжали полеты в Словакию. Правда, уже без посадок, но все же доставляли оружие и боеприпасы партизанам.

По своим масштабам обеспечение повстанцев в Словакии было одной из крупных операций, проводившихся АДД в период Великой Отечественной войны. В ней участвовали шесть полков 5-го авиационного корпуса и боевые экипажи шести полков 4-го гвардейского авиационного корпуса АДД.

Всего в ходе Словацкого национального восстания наша авиация доставила повстанцам свыше тысячи тонн грузов, в основном вооружение и боеприпасы. Осенью 1944 года во многих действовавших в Словакии партизанских отрядах свыше 40 процентов вооружения было советского производства.

Так мы выполняли свой интернациональный долг.

Советские офицеры с группой словацких летчиков, перелетевших через линию фронта в августе 1944 года.

Портрет Акселя Юнсона.

ВЫСТАВКА ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА В ШВЕЦИИ

Этим летом в Стокгольме, в столице Швеции, состоялась выставка произведений известного советского художника, заслуженного деятеля искусств РСФСР Ильи Глазунова. В центре города в здании Мармур-халле (Мраморный зал) была развернута экспозиция двухсот произведений, среди которых цикл «Русь» — образы истории нашей Родины; иллюстрации к произведениям Достоевского, Блока, Некрасова, Гоголя, Мельникова-Печерского и других писателей; пейзажи русского Севера; работы, посвященные жизни наших современников — людей XX века. Особое место занимали портреты общественных деятелей разных стран и представителей искусства.

Во время пребывания в этой стране художник много работал, создал несколько портретов государственных деятелей Швеции, рисунки, этюды.

— Еще в юности,— рассказывает Илья Сергеевич о своих впечатлениях, связанных с этой поездкой,— я интересовался древними сказаниями, повествующими о подвигах легендарных викингов. Неподалеку от замка Грипсхольм, в двух часах езды от Стокгольма, я впервые увидел руны — камни величиной в рост человека, которые ставились обычно в память о погибших викингах. На них высечены надписи, сообщающие о делах и жизни этих грозных воинов. Одна из них повествует, например, о походах в страну Гардарику — так шведы называли Древнюю Русь.

Суровые фиорды Скандинавии,— продолжает художник,— ледяное сияние прибоя, пустынные дюны, низкое небо с мощными валунами облаков — все это близко духу наших былин и связано с истоками русской истории.

Поэтичен колорит узких улочек старого Стокгольма, его мостовых, носящих следы средневековья. Дворцы и храмы на берегу тихого залива, стоящие на рейде корабли, сочетание далекого прошлого с сегодняшним — все это составляет обаяние современной столицы Швеции.

Но, конечно, самым значительным был для меня момент, когда в залы выставки пришли первые посетители. Пришли, чтобы познакомиться с работами советского художника, а через них — с нашей страной, с нашим искусством.

Открывая выставку, бывший посол Швеции в СССР г-н Гуннар Ярринг сказал, что представленные на ней картины принесли в Стокгольм образы вечной России, красоту русского пейзажа. Эта выставка — окно в духовный мир России, заметил он. Она знакомит зрителей и с великой историей страны и с всемирно известными образами русской литературы. Но это также и летопись современной жизни. Особенно поражают работы, посвященные войне, блокаде. Я уверен, что выставка послужит развитию дальнейших контактов между нашими народами. В лице Глазунова мы имеем замечательного посла советской культуры, сказал г-н Ярринг. В заключение он подчеркнул, что большой интерес представляет чилийский цикл художника, сделанный накануне известных всему миру событий. Покоряют правда и реализм уникального по своей форме художественного репортажа. «Улица Августинас 29 июня 1973 года» — это первая кровь на улицах Сантьяго, кровь шведского журналиста, убитого в день попытки переворота. (Рисунок под таким названием был опубликован в журнале «Огонек» № 44 за 1973 год.)

Три недели экспонировалась выставка. Ее посетили многочисленные представители шведской общественности, которая проявляла большой интерес к русскому советскому искусству. В один из дней в Мармур-халле пришли активисты шведского комитета солидарности с борцами чилийского народа. Вместе с ними были прогрессивные деятели Чили, вынужденные скрываться от расправы хунты. Взволнованные, они говорили о том, что художник силой своего таланта и правдивого, реалистического искусства заставил их заново пережить трагические события, потрясшие весь мир. На память об этой встрече И. Глазунов подарил ее участникам альбом «Чили глазами художника», вышедший в Москве в издательстве «Изобразительное искусство».

— Среди работ, которые я написал в Стокгольме,— говорит Илья Сергеевич,— был портрет Акселя Юнсона, представителя деловых кругов Швеции. Его отец еще на заре становления нашего государства был одним из первых людей Запада, признавших молодую Советскую республику. Он много сделал для укрепления экономических связей с нашей страной. Многим памятны так называемые паровозы Юнсона, которые способствовали восстановлению народного хозяйства, разрушенного гражданской войной и интервентами. Этот портрет, исполненный по заказу Акселя Юнсона, находится в конференц-зале здания его фирмы в центре Стокгольма.

Шведская пресса высоко оценила работы советского художника, успех которого был успехом советского изобразительного искусства.

Одна из каменных рун в окрестностях Грипсхольма.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

«СТРАННЫЙ» ЧЕРУТИ

Джакомо Черути жил в первой половине XVIII века, но уже следующее поколение надолго забыло его имя.

Этот «странный» художник вместо того, чтобы прославлять церковь, знатных синьоров и богачей, писал бедных людей, зарабатывающих на жизнь тяжким трудом, а то и просто нищих. И как писал! С позиций «большого стиля», словно они такие же важные персоны, как именитые князья или кардиналы. Монахиня, пряха, прачка, ремесленники и крестьяне в его картинах монументальны, значительны, занимают на холсте центральное место. Без высокомерия и усмешки, с гуманным участием, удивительным и необычным для его времени, Черути передал трагическую безысходность их жизни.

Он не стал подражать «бамбоччантам» — живописцам, находившим своеобразную экзотику в лохмотьях и в развлечениях оборванцев. Сценки с их грубоватыми, порой плутовскими выходками забавляли богатых заказчиков, ради любопытства покупавших небольшие по размеру картинки. Художники, создававшие произведения на религиозные, мифологические и аллегорические темы, даже завидовали тому, с какой охотой за щедрую мзду приобретаются «низменные» произведения. Пресыщение роскошью требовало острых ощущений, и многие предприимчивые живописцы умело этим пользовались, наводнив страну «бамбоччатами» анекдотического содержания, в которых простонародье жило хоть и скудно, зато беззаботно, не зная горя и тревог.

Джакомо Черути не был бы ломбардцем, если бы последовал их примеру. Он жил и работал в северных областях Италии, где сильны были традиции реалистического искусства, где творил его гениальный предшественник Караваджо, впервые изобразивший простых итальянцев и утверждавший, что живопись «как в зеркале» должна отражать существующую действительность. Черути пошел дальше. Никто, кроме него, не рискнул с таким сочувствием и уважением представить, например, пряху в ветхой одежде. Оторвавшись на минуту от работы, она сидит на фоне унылой, как и вся ее жизнь, стены. С состраданием вглядывается художник в черты молодой девушки, отмечая безысходную печаль, крайнюю нужду, а главное — сдержанное достоинство, которое чувствуется во всем ее облике.

Он создает портрет пряхи в то время, когда в искусстве торжествует цветущее барокко и от художников требуются грандиозные росписи, населенные богами, императорами и античными героями в пышных одеяниях, в блеске и сиянии позолоты. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы решиться показать изнанку мнимого и эффектного благополучия, обнажить социальные язвы эпохи, возвысив своей кистью разоренный, влачащий жалкое существование народ.

До сих пор точно неизвестно, где родился Черути — в Брешии или Милане, у кого учился, под чьим влиянием сформировался, где умер. Сведений о его жизни почти не сохранилось. Известно только, что деятельность его протекала между 1720—1750 годами в Брешии, Падуе и Бергамо. Жанровые свои картины он написал в 1734 и 1738 годах.

«Питоккетто» — «маленький нищий» — называли его современники. Как и к другим художникам, искавшим сюжеты в гуще народной жизни, к нему пренебрежительно относились представители господствующего направления в живописи. Нападки, высокомерные оскорбления сыпались как из рога изобилия. «Страсть к изображению людей бедных, низкого происхождения свидетельствует о грубости характера или же о неумении писать прекрасное и возвышенное»,— говорили одни. Другие в запальчивости требовали исключить из числа художников живописцев «низменных» жанров, к которым причисляли не только бытовые сюжеты, но и пейзажи, портреты, натюрморты. Можно себе представить, как травили Черути, запечатлевшего бедняков, заслуживающих, с его точки зрения, серьезного и доброго отношения.

Ему не простили измены традиционным сюжетам. В сочинениях по истории искусства, вышедших во второй половине XVIII века, имя Черути уже не упоминается ни разу. У него не было последователей. Слишком необычны были его полотна, слишком смелыми, непонятными казались окружающим и художник и тот неизвестный до сих пор заказчик, который покупал его картины. Более того, «живопись реальности» в Италии во второй половине XVIII века исчезла совсем и возродилась вновь лишь в XIX столетии.

В течение двухсот лет Джакомо Черути как бы не существовал в живописи. Его произведения приписывались другим художникам, чаще всего голландцам, испанцам или фламандцам. Только в 1922 году, когда на выставке в палаццо Питти была показана его «Прачка», привезенная из пинакотеки в Брешии, знатоки, отметив ее бесспорные художественные достоинства, заговорили о забытом художнике. Последовала публикация целой серии его картин, а в 1953 году на выставке в Милане уже экспонировались 46 его работ. Так с опозданием в 200 лет один из интереснейших художников XVIII века Джакомо Черути вновь вошел в историю мирового искусства.

Нынешней весной его произведения, присланные из музеев Италии, были показаны в Москве, в залах Третьяковской галереи.

Джакомо Черути. Известен в 1706—1757 гг. ПОРТРЕТ МОНАХИНИ.

Музей Польди-Пеццоли. Милан.

Джакомо Черути. НАТЮРМОРТ С ОМАРОМ. Галерея Брера. Милан.

П. А. ОРЛОВ, кандидат филологических наук

ДНЕВНИК ОДНОЙ НЕДЕЛИ

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Замечательный русский писатель, революционер, философ Александр Николаевич Радищев принадлежит к славной плеяде просветителей XVIII века, объявивших непримиримую борьбу феодально-абсолютистскому строю. Но в сравнении со многими из них (Вольтером, Монтескье, Дидро) его взгляды отличались глубоким демократизмом и революционностью.

Для потомков интересна каждая книга писателя, помогающая глубже и разностороннее представить его творчество. В литературной деятельности Радищева особое место занимает «Дневник одной недели», давно замеченный литературоведами, но еще недостаточно осмысленный на фоне других его произведений. «Дневник» представляет собой одиннадцать коротких лирических записей, наполненных горестными, сентиментальными сетованиями по поводу отъезда из Петербурга друзей писателя.

Читателям, привыкшим судить о Радищеве по знаменитому «Путешествию из Петербурга в Москву», «Дневник одной недели» может показаться чем-то совершенно обособленным, неожиданным и даже чужеродным среди ярко политических произведений первого в России писателя-революционера. Но такое мнение о «Дневнике» было бы поспешным и даже ошибочным. Его можно объяснить лишь тем, что мы не всегда учитываем то особое значение, которое просветители XVIII века, и в том числе Радищев, вкладывали в понятие «дружба».

Радищева, как и Руссо, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, отличает глубокая вера в социальные возможности человека, заложенные в нем, по их мнению, самой природой. Среди общественных связей важное место отводилось дружбе, то есть способности людей устанавливать между собой отношения, основанные в отличие от семьи не на кровном родстве, а на взаимной симпатии, на общности мыслей и чувств. По словам Руссо, дружба — «самый священный из всех договоров». Гольбах считал ее одним из важнейших общественных союзов. Друзья, писал он, «должны проявлять во взаимных отношениях любовь, верность, доверие, ...уметь хранить тайны, утешать друг друга...»

Этими качествами щедро наделен и герой «Дневника одной недели». Он глубоко привязан к своим друзьям. День, прожитый без них, кажется ему вечностью. Ему тяжело возвращаться в опустевший после их отъезда дом. Привычные занятия становятся неинтересными. Но зато их возвращение, о котором сообщается в последней записи «Дневника», дает ему незабываемое ощущение счастья и полноты бытия.

«Частные» добродетели, в том числе и дружба, в сознании просветителей не только не противостояли общественным, но считались их опорой и даже школой. Вторые не мыслились без первых. «Упражняйся всегда в частных добродетелях,— писал Радищев,— дабы могли удостоиться исполнения общественных».

Такое понимание дружбы помогает уяснить связь «Дневника» с другими произведениями Радищева и в первую очередь с «Житием Федора Васильевича Ушакова» (1789). В этой книге описано пребывание самого Радищева, а также других русских студентов, в том числе Ф. В. Ушакова, А. М. Кутузова, в Лейпцигском университете. «Не с удовольствием ли, мой друг... воспомянешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение...»,— обращается автор к А. М. Кутузову. «Житие» и продолжает тему «Дневника одной недели» и вместе с тем возводит ее на более высокую ступень общественной значимости. Это отчетливо проявляется в эпизоде бунта студентов против их «наставника» — майора Бокума.

Разумеется, «бунт» этот — еще не политический акт в точном значении этого слова. Но он осмысляется Радищевым в понятиях, почерпнутых из учения о «естественном праве» человека, и все время сопоставляется с примерами, взятыми из политической жизни.

Студенческий круг представлен писателем как некий «народ», объединенный общими интересами, над которым поставлен маленький тиран — майор Бокум, угнетающий своих подданных незаконными действиями. Все это приводит к тому, что связанные дружескими узами студенты поднимают против своего обидчика «восстание». «Подобно как в обществах,— вспоминает Радищев,— где удручение начинает превышать пределы терпения... так и в нашем обществе... единомыслие протекло всех души, и отчаяние ждало на воспаление случая». Так дружба и борьба с деспотизмом органически слились в «Житии» Ушакова, и «частная» добродетель не замедлила породить общественную.

Дружеская тема не забыта Радищевым и в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790). Оно открывается длинным и прочувствованным обращением к «любезнейшему другу» А. М. Кутузову, которому было посвящено и «Житие Федора Васильевича Ушакова». Предчувствуя суровое наказание за написанную им книгу, писатель ищет вокруг себя людей, способных «подкрепить» его в трудном «шествии». Из бывших лейпцигских товарищей он выбирает Кутузова. «Хотя мнения мои,— пишет Радищев,— ... различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг». К Кутузову обращены и знаменитые слова книги Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала».

Дружеская тема не исчерпана в «Путешествии» адресованием к Кутузову. Привлекает внимание интересная закономерность. Из числа действующих лиц книги автор называет своими «приятелями» наиболее мужественных и благородных людей. К ним, например, принадлежит рассказчик из главы «Чудово», смело обличивший петербургского «начальника» за его черствость и равнодушие к людям, попавшим в беду.

Таким образом, тема дружбы не только не противоречит в творчестве Радищева гражданской, политической проблематике, но, напротив, органически сливается с нею.

Это обстоятельство позволяет видеть в «Дневнике одной недели» не странное исключение из творчества писателя, а одну из закономерных его ступеней.

ПЕРВЫЙ МОНУМЕНТ КРАСНОГО ПЕТРОГРАДА

21 сентября 1918 года в 23 часа 30 минут в книгу дежурного Военного отдела Народного комиссариата по морским делам в Петрограде была записана срочная телефонограмма за № 259.

«Завтра, 22-го сентября, предстоит открытие памятника революционеру... Радищеву. Для участия в торжестве открытия предлагаю выслать от 1-го МБО (морской береговой отряд.— Е. Н.) один взвод моряков с оркестром музыки с таким расчетом, чтобы они к 13 час. 30 мин. прибыли на Дворцовую набережную, угол Зимнего Дворца против Дворцового моста у Адмиралтейства...»

Да, в городе открывался первый советский памятник!

За неделю до торжества журнал «Пламя» писал:

«Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — первый кирпич того здания свободы, которое начато в XVIII веке и потом воздвигалось весь XIX век и завершается нашими днями, днями великого разрушения и столь же великого строительства.

Вот почему в числе первых памятников, которые свободная Россия воздвигает на улицах Петрограда, в монументах прославляя борцов за свободу, одним из первых ставится памятник-бюст Александру Николаевичу Радищеву.

Первому строителю — честь и благодарность!»

23 сентября из Петрограда полетела телеграмма:

«Москва, Кремль, Совнарком, Ленину.

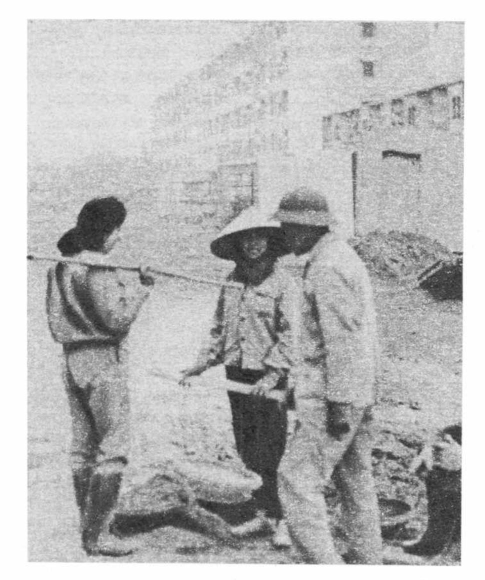
Вчера торжественно открыли памятник Радищеву. Воскресенье открываем Лассалю.

Наркомпрос Луначарский».

Автором монумента был известный скульптор Л. В. Шервуд.

Е. НИКИФОРОВ,
старший научный сотрудник Главного архивного управления СССР

ЧИСТОЕ НЕБО ХАНОЯ

На месте пустыря, перепаханного бомбами, поднимаются корпуса района Чунг Ту, где к середине 1976 года будут жить 17 тысяч человек.

●

2 сентября исполняется 29 лет со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам. Сегодня само слово «Вьетнам» звучит как символ мужества и стойкости, проявленных героическим народом этой страны в борьбе за свою свободу и независимость.

Вот уже второй год над вьетнамской землей мирное небо. И с первых же дней мира республика приступила к созидательному труду.

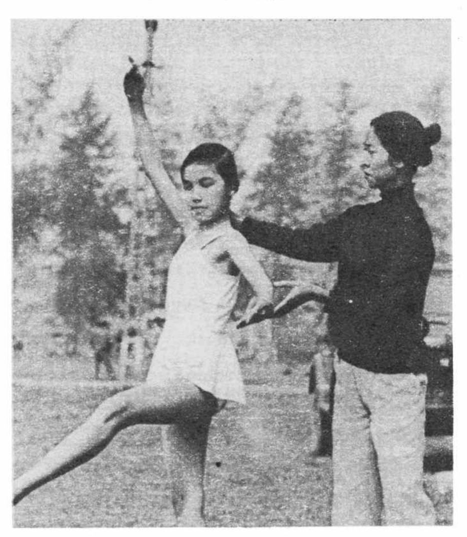
Эти снимки сделаны в Ханое, в один из будничных дней столицы ДРВ.

Фото Н. Цветковой.

Как всегда, многолюдно в центре города.

В балетном училище идут занятия.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

СЛУЖЕНИЕ

В связи с 40-летием I Всесоюзного съезда писателей — этому событию будет посвящен открывающийся 3 сентября пленум правления Союза писателей СССР — наш корреспондент обратился к Георгию Мокеевичу МАРКОВУ с рядом вопросов. Г. М. Марков в беседе сказал:

17 августа 1974 года исполнилось 40 лет со дня открытия в Москве, в Колонном зале Дома союзов, I Всесоюзного съезда советских писателей. На этом съезде Союз писателей СССР получил организационное оформление и с тех пор вот уже на протяжении четырех десятилетий работает как общественно-творческая многонациональная организация писателей.

Значение I съезда писателей настолько велико, что это событие по праву исследователи нашей литературы называют историческим. Съезд проходил при самом деятельном участии основоположника литературы социалистического реализма Алексея Максимовича Горького. Работа съезда воплотила большие достижения советской литературы того периода и явилась демонстрацией преданности писателей ленинской партии, делу социализма.

Подготовка съезда протекала на основании Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, в котором содержались важнейшие положения о развитии литературы в условиях строительства социализма.

В. И. Ленин, наша партия всегда уделяли огромное внимание искусству и литературе. В. И. Лениным были разработаны основополагающие принципы новой, революционной литературы — ее партийность и народность. Начав строить Советское государство, партия неустанно заботилась о духовном богатстве нашего народа, всемерно поднимала роль литературы. К моменту создания Союза писателей в нашей стране в основном завершилось объединение литературных сил на почве признания художниками слова Советской власти, социалистических идеалов. Таким образом, возникновение *единого* Союза советских писателей было подготовлено всем предшествующим периодом развития литературы.

Пафос, пронизывавший деятельность I съезда писателей, состоял в том, чтобы обратить все помыслы советских литераторов на служение народу, партии, строительству социализма.

Союз писателей сплотил в своих рядах большинство литераторов страны. В то время активно работали писатели, которые начали свою деятельность еще в дореволюционный период, которые еще тогда прочно связали свою литературную судьбу с рабочим классом и социалистической революцией. Значительное место в литературе занимали писатели, выдвинутые самой революцией и гражданской войной. Как известно, они создали немало произведений, которые и ныне входят в золотой фонд нашей литературы. Вместе с писателями старшего и среднего поколения к съезду получила признание и талантливая литературная молодежь, за плечами которой был опыт строительства советской жизни в мирных условиях. Вспомним, что к этому периоду уже завершилась первая пятилетка, были решены в основном такие коренные проблемы социалистического строительства, как индустриализация и коллективизация. Советская страна уже существовала как многонациональное государство, объединившее в добровольном союзе многие нации и народности бывшей царской России. Естественно, что съезд писателей не мог не отразить эти особенности в жизни страны. Примечательно и то, что съезд выразил ощущение надвигавшейся опасности фашизма: не случайно такие вопросы, как подготовка Советского государства к обороне, как разоблачение человеконенавистнической фашистской идеологии, заняли в его работе видное место.

Хотелось бы отметить еще одну черту в работе съезда — это огромное внимание трудящихся к нему. Приветствия рабочих коллективов, колхозников, представителей армии, молодежи шли потоком. Короче сказать, Союз писателей возникал в атмосфере всенародного внимания, и само это внимание сделалось одним из краеугольных камней во всей его последующей деятельности.

Очертить путь, который прошел Союз писателей за сорок лет, нелегко. Об этом уже написаны исследования, но и они не воссоздают полностью всей той картины, которая существовала в действительности.

С первых своих шагов Союз писателей развивался как общественная организация, отдающая все свои усилия претворению политики Коммунистической партии. Это нашло отражение в том, что писатели после своего I съезда отправились на самые разнообразные участки социалистического строительства: на заводы, на стройки, в колхозы, в МТС. Жизнь советского народа во всем ее многообразии служила основным источником, который питал их творчество. Разумеется, как теперь, так и тогда книги являлись плодом индивидуального писательского труда. Но нельзя не видеть того огромного благотворного воздействия общественной атмосферы, которая сложилась с первых дней существования Союза писателей. Красноречивейшим доказательством этого являются успехи литературы, сами книги, само творчество писателей. Нельзя не упомянуть о другом важном процессе: о росте нашей литературы как многонационального творческого отряда. На 75 языках наций и народностей пишется ныне советская литература. Добрая половина из национальных литератур возникла после I съезда писателей, в атмосфере горячей заинтересованности, окружавшей творчество национальных писателей, которую создал прежде всего сам съезд.

Тесная связь с жизнью народа, как я уже отмечал, всегда составляла важнейшую черту советской многонациональной литературы. С особенной силой это проявилось в суровую годину Великой Отечественной войны с немецким фашизмом. Одна треть состава Союза писателей того времени в первые же дни влилась в ряды Красной Армии и партизанских отрядов. Хочу подчеркнуть, что значительная часть писателей не дожидалась военкоматских повесток. Писатели шли воевать с фашистами добровольно. И среди них много было товарищей, которые не подлежали призыву в армию: либо по возрасту, либо по состоянию здоровья. 417 писателей из 950, сражавшихся и работавших на фронте, не вернулись после окончания войны. Они пали смертью храбрых. Среди погибших — много писателей известных, выдающихся, находившихся в расцвете своей творческой деятельности.

НАРОДУ

Г. М. МАРКОВ, первый секретарь правления Союза писателей СССР

В период Великой Отечественной войны советская многонациональная литература была вдохновенным певцом героизма своего народа. Огромное число произведений, созданных во фронтовых условиях, в условиях нелегкой жизни писателей в тылу, и поныне имеет многомиллионного читателя.

Послевоенный период связан с приходом в советскую литературу талантливой молодежи, прошедшей боевую школу на фронте. Это теперь уже наше среднее поколение, которое плодотворно трудится в литературе. С той же энергией, с какой писатели помогали народу и партии в борьбе с врагом, они взялись за участие в восстановлении разрушенного фашистскими ордами народного хозяйства, а затем — в осуществлении планов послевоенных пятилеток. Развивая социалистический реализм, провозглашенный на I съезде основным методом советской литературы, наши писатели создали в эти годы много ярких произведений, посвященных рабочему классу, колхозному крестьянству, народной интеллигенции, нравственным проблемам советского общества.

Алексей Максимович Горький говорил на I съезде, что социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество. Это глубокое и яркое определение получило новое подтверждение и осмысление во множестве произведений о послевоенной жизни советского народа, о его настоящем дне.

Отмечая крупные достижения советской литературы, мы вновь и вновь с великой благодарностью и признательностью говорим о заботе и поддержке нашей Коммунистической партии. На всех этапах своей деятельности партия всесторонне способствовала творческому развитию многонациональной советской литературы.

В 1967 году — в год 50-летия Великого Октября — Союз писателей СССР был награжден орденом Ленина.

Осуществляя ленинские заветы, партия помогла Союзу писателей создать обширную, многоязычную литературную печать. Свыше ста журналов и газет выходят в стране с маркой писательских организаций. Созданы и успешно работают издательства Союза писателей. Тиражи отдельных изданий исчисляются многими сотнями тысяч и миллионами экземпляров.

На XXIV съезде Коммунистической партии в Отчетном докладе ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «С продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль литературы и искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры».

На это высокое доверие партии писатели Советской страны отвечали произведениями, воссоздающими современную героическую действительность, образ нашего советского человека — строителя коммунизма. Постигая проблемы, проникаясь пафосом жизни советского народа, стараясь глубже представить себе картину его свершений, писатели отправлялись в различные районы страны на передовую линию коммунистического строительства, чтобы своими глазами увидеть, своим сердцем ощутить атмосферу созидательного труда советского человека. И тут было бы, пожалуй, неправильным, если бы мы стали думать: кому, какому жанру литературы удалось сделать это лучше. Свои большие успехи есть и у прозы, и у поэзии, и у драматургии. В последнее время возрастает роль нашей литературной критики, которая также вносит в борьбу за воспитание человека коммунистического общества заметную лепту.

Все это не означает, что советская литература, советские писатели решили все свои задачи. Наоборот, на литературных съездах, в ходе литературных дискуссий мы всегда с остротой говорим о своих недостатках, так как видим, что, как ни значительны наши завоевания, многие стороны советской действительности еще не воссозданы художественно полнокровно.

Рассматривая сегодняшние заботы советской литературы и оглядываясь на пройденный ею славный путь, хотелось бы сказать еще следующее: литературу по справедливости называют разведчицей будущего. Уже первое классическое произведение литературы социалистического реализма — роман М. Горького «Мать» — знаменовало собою новый этап проникновения в действительность.

Героями классической литературы во все времена были яркие и сильные индивидуальности. Правда, обычно они были «далеки от народа». Павел Власов М. Горького — выходец из народа, передовой представитель своего класса — открыл галерею новых образов. Советская литература в соответствии с правдой жизни развивала эту тенденцию, заложенную великим пролетарским писателем. Ее главным героем стал человек труда, сам народ.

На современном этапе развития нашего общества, когда Коммунистической партией выдвинута задача воспитания гармонической личности, когда повышается роль каждого члена общества в борьбе за торжество коммунизма, изображение героя и коллектива в литературе остается первостепенной задачей писателей.

В едином строю над выполнением задач, поставленных партией перед литературой, с воодушевлением работают художники слова всех поколений — от ветеранов до самых молодых, приходящих на литературное поприще сейчас,— коммунисты, которых у нас в Союзе свыше 60 процентов, и беспартийные писатели.

Если говорить о главных направлениях в деятельности Союза писателей СССР сегодня, то можно свести их к двум линиям. Первая — это продолжение традиционных писательских связей с нашим народом. Тут мы используем опыт, который накоплен старшими поколениями писателей, но ищем и новые формы. С удовлетворением хотелось бы сказать о таких больших, значительных встречах с читателями республик и областей, которые носят ныне название Дней советской литературы. Вот свежие примеры. В июне такие дни прошли в Казахстане. Вместе с нами туда выезжали писатели социалистических стран. Мы посетили 12 областей, были на праздниках чабанов, на слетах полеводов и механизаторов, выступали перед широкими читательскими аудиториями. В общей сложности около миллиона трудящихся были участниками литературных встреч с писателями. Совсем недавно завершились подобные литературные дни в Тюменской области и Коми АССР.

Мы, конечно, понимаем, что нельзя ждать от каждого из писателей в результате такой поездки крупного произведения. Но, во всяком случае, такое общение с трудящимися погружает писателей в атмосферу самой жизни, раскрывает перед ними горизонты этой жизни, знакомит их с трудовыми подвигами наших людей. Не случайно после коллективных таких поездок многие писатели едут в индивидуальные поездки, упорно работают над задуманными произведениями. Рецепта познания жизни писателями нет. И поэтому мы, развивая существующие формы связи писателей с жизнью, будем неустанно искать новые.

В неразрывном единстве с этим хочу сказать о второй линии — борьбе за высокий идейно-художественный уровень литературы. Наше общество достойно самых прекрасных художественных образцов. Если художники прошлого в сложнейших социальных условиях создавали шедевры, которые изумляют нас теперь, то сейчас, когда для творческой работы существуют колоссальные возможности, с писателей, представляющих наше общество, особый спрос. Мы этим постоянно занимаемся, обращая самое серьезное внимание на проведение творческих дискуссий, на обсуждение отдельных важнейших проблем литературы. Такая забота Союза о создании атмосферы требовательности неизбежно оказывает влияние на писателя, на его подход к собственной творческой работе, на его критерии и в конечном итоге служит общему делу — созданию литературы высокого идейно-художественного звучания.

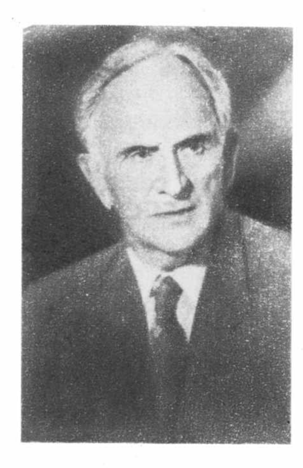
За прошедшие годы небывало возрос и упрочился международный авторитет советской литературы. И хотя наши идеологические противники не раз уже объявляли нас утратившими свое влияние на людей, честные художники всего мира стремятся к нам, чувствуют в советской литературе великую силу в борьбе за достижение освободительных целей, видят место советской литературы в борьбе всех прогрессивных сил за социальную справедливость, демократию и свободу.

Союз писателей СССР ныне участник ряда международных литературных организаций, таких, например, как Ассоциация писателей стран Азии и Африки, Международная ассоциация литературных критиков. Союз писателей СССР осуществляет постоянные контакты с писателями социалистических стран, но не только с ними. У нас установлены постоянные связи с писателями Италии, Ирака, Ливана, Сирии, Перу, Японии, США, Австралии, Франции, Англии и многих других стран. Показательно — и это радует — заметное возрастание читательского интереса за рубежом к советской литературе вопреки козням и клевете наших идеологических противников.

Ежегодно Союз писателей СССР принимает гостей из 60—70 стран, а в иные годы и более — до 80 стран. И сами мы направляем делегации ежегодно в 45—60 стран мира. Это все очевидные показатели растущего авторитета советской литературы, Союза писателей СССР.

Советские писатели — частые участники международных литературных встреч. Их голос всегда слышен, ибо они отстаивают святое дело социализма, интересы нашей Родины, внешнеполитический курс нашей Коммунистической партии.

Записал Д. ИВАНОВ.

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Катя потеряла мужа на втором году войны. Она потеряла не просто мужа, но и сверстника, который рос вместе с ней, учился вместе с ней в школе, окончил ее вместе с ней, оба в одно время поступили в институт, он — в геологоразведочный, она — в медицинский, а полтора года спустя не стало Игоря Несвияжина, не стало того, кого она полюбила на всю жизнь, и теперь нельзя было представить себе, как жить дальше... Но осталась мать Анна Андреевна, потрясенная, может быть, вдвойне судьбой дочери и судьбой того, кого уже давно привыкла считать своим сыном.

В госпиталях не хватало медицинских сестер, Катя прошла ускоренный выпуск, начала работать в одном из госпиталей, медицинского образования так и не закончила, а мать, преподававшая в школе русский язык, стала похварывать, ходила на занятия через силу, потом и этой через силу не стало, и пришлось до времени уйти на пенсию.

Но как только образовалась пустота, этот опасный для деятельного человека вакуум, она и совсем стала вянуть и завяла тихо, почти во сне, не успев даже сказать дочери то, что так нужно было сказать напоследок...

После смерти матери Катя, уже давно ставшая медицинской сестрой Екатериной Ильиничной Несвияжиной, перешла на постоянную работу в отделение одной из клинических больниц, и годы пошли за годами.

Постепенно все — и врачи, и медицинские сестры, и нянечки — стали своими людьми, а, наблюдая больных, Екатерина Ильинична уже пригляделась к мужскому, гордому страданию, подавленности от бездействия, особенно тех, кто привык не только трудиться, но и создавать свое, как это положено каждому творческому человеку. А во время войны, работая в военном госпитале, она научилась не только принимать близко к сердцу страдания человека, но и испытывать боль за его судьбу, нередко порушенную, если человек выходил из госпиталя без руки или ноги или с тяжелыми следами контузии... Их судьба была близко связана с тем, кого она потеряла и кто, несмотря ни на что, остался для нее навсегда живым.

Однажды поступил новый больной, тихий, седеющий человек, два года назад перенесший операцию почки. Леонида Ивановича Травникова поместили в отдельную палату с окном в парк, еще совсем голый, несмотря на весну, и позднее, когда были определены назначения, Екатерина Ильинична зашла к нему перед вечером.

— Поколю вас немного,— сказала она мягко.

— Что ж, поколите,— покорно согласился он.

— А через полчасика принесу вам ужин.

Она выполнила еще ряд назначений, взяла в кухне судок с овсяной кашей, налила в кружку из большого чайника чай и отнесла Травникову.

— Как ваше имя? — спросил он, когда она ставила на стол его ужин.

— Екатерина Ильинична.

— А меня зовут Леонид Иванович.

— Извините, какая ваша специальность? — поинтересовалась она, уже прослышав, что это ученый.

— Я спелеолог, есть такая наука, иначе — изучаю пещеры. Наверно, в их сырости и застудил свои почки.

Екатерина Ильинична не решилась спросить, чему служит его наука, но он сказал сам, словно услышав, о чем она не спросила:

— Пещеры — это не только история земли, но и история существования человека. В пещерах жили люди, рождали детей, грелись у очагов после опасной охоты... кроме того, это были художники, в пещерах и поныне находят их замечательные наскальные рисунки.

— Признаться, о вашей науке никогда и не слыхала.

И было немного странно, что этот тихий, казалось бы, совсем домашний человек провел, может быть, не один месяц в темных глубинах земли...

Позднее, зайдя за посудой, она напомнила:

— Если что-нибудь потребуется, дерните этот шнурочек... у меня на посту загорится лампочка.

— Ничего не потребуется, буду спать.

— Тогда спокойной ночи.

Он потушил вскоре свет, и парк уже совсем по-осеннему вплотную придвинулся к окну.

Впоследствии, проверяя для себя, как все началось, Екатерина Ильинична прежде всего видела этот голый парк и беззащитное окно, которое полосовали ветвями деревья.

А когда в дальнейшем было уже рассказано, что такое спелеология, рассказано и о многом личном, Екатерина Ильинична узнала, что в свою пору ушла от пещерного исследователя его жена: то ли надоели ей пещеры с их холодом, то ли просто прискучил он ей...

Впрочем, Травников сам сказал о себе:

— Со мной скучно.

— Почему же с вами скучно?

— Люблю больше всего побыть с самим собой, а другим нужны люди вокруг, развлечения. Но это естественно, и за это нельзя осуждать. А вообще-то, если призадуматься, даже у пещерного человека есть чему поучиться: во всяком случае, его воле к жизни и мужеству. Подарю вам на память свою книгу, правда, она специальная, но в ней рассказано о стойкости тех, кто на месяцы уединялся в пещерах, чтобы проверить чувство оторванности. Оказывается, человек может подолгу существовать и один, если перед ним твердая цель.

Травников пролежал в больнице почти полтора месяца, затем его отпустили на время.

— Мне предписаны некоторые процедуры дома, не помогли бы вы с этим? К вашим рукам я уже так привык.

— А я к вашим рассказам привыкла.

Травников жил на улице Менделеева, неподалеку от станции метро «Университет», и она записала его адрес и номер телефона.

В тот день, когда Травникова выписали и за ним приехал на своем «Москвиче» один из его сослуживцев, Екатерина Ильинична не дежурила, а утром, придя на работу, увидела в палате Травникова уже другого — тучного, хмурого человека.

И уплыли пещеры с колоннами из сталактитов и наскальные рисунки, уплыло и то, к чему неосознанно потянулась она в своем женском воображении...

А несколько дней спустя она поехала на улицу Менделеева.

— Пометил сегодняшний день красным карандашом на календаре по случаю вашего прихода,— сказал Травников.— Хотя так совестно затруднять вас со всеми вашими другими заботами.

— Иногда нужна и своя, особая забота. Не будем касаться этого, лучше станем просто дружить.

И они стали дружить, а три месяца спустя Екатерина Ильинична приходила уже не только для медицинских процедур, но нередко и с полной хозяйственной сумкой, отменив обеды, которые приносили обычно из ближней диетической столовой.

— Молодость со всем свойственным ей уходит,— сказал Травников как-то.— Взамен приходит потребность в сердечной привязанности. У меня есть сын, Ростислав, он инженер, строит сейчас в Сибири гидроэлектростанцию, и я уже дед. Но все это далеко... так что сами можете представить себе, как мне дорого ваше внимание.

— А может быть, оно понужнее мне, чем вам?

Он ничего не ответил, потом сказал:

— Запретили мне врачи всё на свете, а то самая минута была бы выпить нам с вами по глотку вина.

Екатерина Ильинична жила на улице Димитрова, а двухкомнатная квартира Травникова была сплошь уставлена книжными шкафами, в простенках висели фотографии каких-то горных разломов с темнеющими провалами, одна из пещер была снята при электрическом свете, могучие колонны сталактитов уходили в торжественном блеске, а на фотографии, снятой где-то в Пиренеях, было наскальное изображение лошади, совсем мирной, гривастой сивки...

Теперь в те дни, когда была свободна от дежурств, Екатерина Ильинична уже привычно приходила с полной хозяйственной сумкой, и Травников ждал ее. Он подарил ей свою книгу «Кунгурская ледяная пещера» с фотографиями гротов и их таинственных красот, сделал надпись: «Дорогой Екатерине Ильиничне» — и что еще можно было добавить к этому?

И все же плохо поправлялся Леонид Иванович, больше полеживал, жаловался на слабость, и Екатерина Ильинична и по внутреннему чувству и по медицинскому опыту страшилась этой слабости.

— Милосердие,— сказал он раз,— сестра милосердная, милое сердце... вот она каких глубоких языковедческих корней, ваша профессия!

— Все гораздо проще, Леонид Иванович,— отозвалась она.

А что именно проще: то, что по глубокой душевной потребности она потянулась к нему,— незачем ему и знать это.

Приехал в командировку его сын, прожил у отца несколько дней, похожий на него высоким ростом, сухим, строгим профилем, и хотя и по состоянию духа отца да и порядку в квартире не мог не почувствовать женской руки, однако ничего не выразил, при встрече с Екатериной Ильиничной лишь вежливо поздоровался с ней, и она не знала, доволен ли он, что отец не один, или, наоборот, насторожился.

А месяц спустя Леониду Ивановичу порекомендовали снова лечь в больницу, где он скорее поправится, и стало ненужным ездить на улицу Менделеева...

Теперь уже по своей прямой обязанности она заходила в палату к Травникову, утром — с термометром, позднее — со шприцем, и из разговоров врачей понимала, что пора, пожалуй, написать сыну Травникова... Но тот при-

ехал и сам: может быть, почувствовал что-то, а может быть, кто-нибудь и написал ему.

Он сидел рядом с отцом, когда она зашла в палату, не узнал ее — в белом халате и шапочке, а Леонид Иванович, наверно, и не сказал ему, что это та самая женщина, которая почти полгода делала все для того, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Как-то, когда все стало как бы постепенно уходить, Травников сказал словно не ей, а в пространство:

— Чего мы сто́им со всеми нашими поисками... вот вы в самые глубины сумели проникнуть, и без всякого огня, с одним только сердцем... но какое же это светило!

— Не нужно, Леонид Иванович... я с вами, и всё тут.

Он подержал ее руку в своей руке, смотрел на женщину в белой шапочке, из-под которой видны были русые, чуть седеющие волосы, с голубыми, только чуть привянувшими глазами и розовой кожей еще совсем свежего лица, лишь две прямые складочки над верхней губой были уже пометами времени. Так, держа ее руку в своей руке, он задремал или, может быть, представился дремлющим...

После смерти отца сын передал его книги в библиотеку института, где Леонид Иванович работал, из обстановки кое-что увез с собой, и в квартире поселились родственники его жены.

А год спустя Екатерина Ильинична ушла на пенсию, и кончился знакомый путь в больницу. Остаться на покое она, однако, не смогла, поехала к племяннице в Орск, где та работала костюмершей в местном театре, поселилась у этой доброй, несчастливой Настеньки, которую в свое время оставил с двумя маленькими детьми муж. Теперь обе дочери были уже замужем, одна жила в Калараше, где работала на плодоконсервном заводе, другая — в Ижевске, у каждой давно пошли свои заботы, и Настенька — Анастасия Петровна Ключникова — жила сейчас лишь интересами театра, делала театральные костюмы, иногда и совсем мудреные, если ставили историческую пьесу. По вечерам, после спектакля, Екатерина Ильинична подолгу сидела с племянницей, уже стареющей, не спеша пили чай; а еще так недавно, кажется, живой и веселой, с уложенной поверху косой каштановых волос, была эта Настенька.

Екатерина Ильинична прожила у племянницы лето и зиму, в Орске стояла в летние месяцы сухая, степная духота, а зима началась с холодных ветров, со степи налетела первая метель, и город вскоре утонул в снегах.

— Переезжайте ко мне жить, тетя Катя, я большую комнату отдам вам, а мне и маленькой хватит. В будущем сезоне все наши новые постановки посмо́трите, и так хорошо будет нам с вами.

— Переехать к тебе — значит начать жить только для себя... а жить только для себя я не умею да и не умела никогда.

— Я это знаю, тетя Катя,— отозвалась Настенька покорно.— И ничего-то с вами не поделаешь.

А когда пошла оттепель, и серые, словно невыспавшиеся дни стояли над Орском, Екатерина Ильинична сказала раз:

— Не обижайся, Настенька, но пора мне в путь. Дочкам своим напиши, что кланяется — уж и не знаю, кем прихожусь им, бабкой, что ли... напиши от моего имени, чтобы не забывали мать, я теперь твою жизнь знаю, шитьем костюмов для спектаклей не заполнишь ее, и мне тоже пора подумать, как жить дальше.

Екатерина Ильинична вернулась в Москву в начале холодного, дождливого апреля, несколько дней приводила в порядок свою комнату, а однажды утром села в метро, доехала до станции «Сокол», пересела в автобус и приехала в свою больницу. Новая гардеробщица не знала ее, Екатерина Ильинична разделась, как посетительница, и поднялась на второй этаж с его длинным коридором и палатами по обе стороны. В коридоре, как обычно, стояли металлические каталки, на которых возили в операционную больных, а в конце коридора стояло на своем обычном месте кресло с передачами, но в нем чаще посиживал кто-нибудь с книгой в руках.

За полтора года были уже, очевидно, некоторые перемены: у стола, за которым дежурили обычно по очереди две славные девушки — медицинские сестры Вера и Надя,— сейчас сидела незнакомая пожилая женщина в очках. Зато у второго поста сидела Леля Настурциева, которую Екатерина Ильинична знала еще совсем юной, Леля воскликнула: «Екатерина Ильинична!» — и кинулась целовать ее.

— Ну, как же вы, где вы теперь? Мы просто осиротели без вас в свое время.

— Нигде, Лелечка... а нельзя быть нигде,— сказала Екатерина Ильинична грустно.

И они вспомнили многое и поговорили о многом. Леля рассказала все новости, а когда пошла по палатам, Екатерина Ильинична села в холле в одно из кресел. В круглом шаре-аквариуме шевелили плавниками золотые рыбки, и стремительно, словно ими выстреливали, проносились маленькие, перламутровые, похожие на часовые стрелки.

Некоторое время спустя один из больных подвел к соседнему креслу плохо видевшего или даже полуслепого человека, и тот нащупал подлокотники кресла, прежде чем сесть.

Екатерина Ильинична сначала не решилась спросить, но потом спросила все же:

— Что у вас с глазами?

— С глазами у меня неважно... а тут еще и по другому поводу приходится маяться. Вы тоже на излечении?— поинтересовался он.

— Нет, я медицинская сестра.

— Позвольте тогда представиться: Денис Васильевич Герасимов, горный инженер.

Ей было жаль этого, видимо, деятельного, видимо, побродившего в горах человека.

— На Урале вам не приходилось бывать?

— Урал я излазил. А вы тоже бывали на Урале?

— Нет, просто знала одного человека, написавшего книгу о Кунгурской пещере.

— Если это Травников, то мы с ним встречались... отличный был ученый в своей области.

— Боже мой, как свет мал! — сказала она вдруг дрогнувшим голосом, и Герасимов, уже привыкший к тому, что слух стал заменять ему отчасти и зрение, может быть, почувствовал что-то.

— Теперь, наверно, часто буду бывать

ОРЫВ ВЕТРА

здесь... так что всегда, в случае чего, помогу вам.

— Это так утешительно, что мир не без добрых людей!

Они поговорили еще, потом Екатерина Ильинична отвела горного инженера Дениса Васильевича Герасимова в его палату, тем временем вернулась к своему столу Леля, и Екатерина Ильинична спросила ее:

— Если приходить помогать тебе стану, что на это скажешь?

— Просто ужас как буду рада!

— Ну, тогда всё. Тогда — до завтра.

А у выхода она встретила знакомого врача — уролога Олега Дмитриевича Никольцева.

— Знаете, я и не сомневался, что вы далеко не уйдете,— сказал он, будто видел ее только вчера.— Право, поработайте еще у нас, Екатерина Ильинична... все-таки мы старейшиной считали вас.

Она ответила только: «Спасибо за память»,— а дома долго стояла у темнеющего в холодной сини окна, и все прошло как бы заново. Книга Леонида Ивановича Травникова лежала на своем обычном месте... но к чему размышлять, каких корней слово — сестра милосердная или милое сердце, нужно идти своим путем, только и всего.

Приехав на другой день в больницу, она первым увидела одиноко сидящего в кресле инженера Герасимова. Он сразу же узнал ее по голосу, обрадовался, и она походила с ним по коридору.

— Знакомый глазной врач пообещал, что подберет для меня, может быть, подходящие стекла. Тогда разгляжу вас снаружи, а какая вы внутри — я уже разглядел,— сказал Герасимов.— Завтра будете?

— Да уж куда мне деваться теперь, раз у нас с вами такая встреча!

Она довела Герасимова до его палаты, посидела затем в раздумье возле круглого аквариума, золотая с большими глазами навыкате рыбка вдруг, словно узнав, уставилась на нее и долго стояла так, едва шевеля плавниками... что ж, столько лет проработала она здесь, Екатерина Ильинична, мало ли кто может узнать ее!

Позднее она помогла Леле развезти обед лежачим больным, катила тележку с судками, и один из больных спросил Лелю:

— Новая сестра?

— Новее не бывает,— ответила Леля бойко.

День постепенно стал свертываться, сначала посеял, а потом и полил дождь, и мокрый парк гнулся и словно разметал тучи верхушками берез.

Леле предстояло дежурить всю ночь, и она пристроилась с книгой поближе к настольной лампе.

— Ты про Кунгурскую ледяную пещеру читала когда-нибудь? — спросила Екатерина Ильинична.— Вот будет у тебя отпуск, давайка махнем на Урал, туда тысячи туристов приезжают... Такая красота, эта ледяная пещера.

— Что ж, я бы с радостью!

Вот ее, Екатерины Ильиничны, день и закончен, помогла Леле, погуляла по коридору с инженером Герасимовым, а с двумя старыми нянечками, Валей и Сашей, так хорошо побеседовали, так вспомнили многое, те тоже свыше четверти века работают здесь.

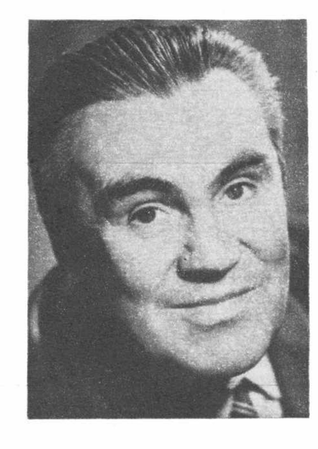
Екатерина Ильинична надела свой плащ, оставленный на одном из кресел в холле, накрыла голову капюшоном и пошла к выходу.

В мокром, мечущемся парке ветер ударял со всех сторон, и таким глухим казался этот парк под холодным, неизвестно с какого полярного моря принесенным дождем. Однако он был частью ее жизни, этот парк, с ним столько было связано, и хоть многое и ушло, многое заступило ушедшее...

Наверное, кто-нибудь, увидев мокрую, одинокую фигуру женщины в плаще с капюшоном, вчуже пожалел ее, не представив себе, конечно, что именно под холодным дождем с ледяными порывами ветра человек может быть особенно благодарен судьбе даже за самые трудные испытания... и так мало нужно для этого: знать лишь, что никогда не жил только для себя, а был с людьми, нередко в самые тяжкие для них минуты, и тогда то, что казалось навеки утерянным, снова рядом с тобой.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ДИВО

Над шумною Москвою горделиво
рабочий полдень крылья распростер.
Всегда прекрасен и похож на диво
любимой Красной площади простор.

На взгорье, над рекою голубою,
как знаки достопамятной поры,
пылают чудодейною резьбою
Василия Блаженного шатры.

Припоминая не одну победу,
вступая в спор с Историей самой,
ведут неторопливую беседу
Пожарский Дмитрий с Мининым Кузьмой.

Седая туча в чистом небе тает,
не ведая заслонов и границ,
над Лобным местом Время пролетает
и падает у Спасской башни ниц.

Куранты бьют. Трепещет флаг, алея.
Не нарушая строгий свой черед,
по каменной брусчатке к Мавзолею
неисчислимо движется народ.

Пуржит ли снег, сечет ли дождик вешний,
мороз ли, зной ли — людям нипочем...
Они идут — и здешний и нездешний —
на краткое свиданье с Ильичем.

НА ВЫСТАВКЕ ЦВЕТОВ В КУРГАНЕ

Зеленый, алый тон,
лиловый, голубой...
Венец,
светляк,
бутон —
земных чудес прибой.
Цветы,
цветы,
цветы.
Плененный август лег
у обнаженных ног
несметной красоты.
Кто ж мог это взрастить,
взлелеять,
уберечь,
умыть,
позолотить,
в разлив зари облечь?
Какому по плечу
волшебнику в саду
достать с небес парчу
и застелить гряду?
Откуда он проник
сюда, умелец-маг,
и развернул цветник —
гвоздику,
флоксы,
мак?
Кто возвеличил тут
под знойной синевой
душистый изумруд
метелки луговой?
Кто,
словно на престол,
восторженно вознес,
торжественно возвел
короны знатных роз?
Кем выведены впрок
для радости людской
в лучистый вешний срок
петунья и левкой?
Кому на ум пришло
у солнца на виду
приветить так тепло
пион и резеду?
В кругу какой семьи
кому это с руки?
Да все это мои
курганцы-земляки!
В любой из малых пор,
в любой из величин
я вижу их отбор,
их ласковый почин.
В любом из стебельков
и в каждом лепестке —
staranье знатоков
с мечтой накоротке.
В разрядке,
в череде —
ума и рук союз.
В поливке,
в борозде —
сноровка,
строгость,
вкус.
И раз, и два, и три
я обозрел цветник.
И певчий дух внутри
моей души возник.
Шагаю и пою!
Как будто побывал
в лазоревом краю
медвяных опахал.
Шагаю, как свирель,
как будто в голове
шумит веселый хмель
экстракта алоэ.

Курган — Москва.
1973 г.

ХОТЕЛ БЫ Я ПОХОЖИМ БЫТЬ...

(Слово о великом Насими)

Пройдет всего лишь шесть годов —
И,
что греха таить,
любой из нас вздыхать готов,
а то и волком выть.
В ином кругу на все лады
стоит почти что плач:
— Как много утекло воды!
— Как время мчится вскачь! —
Шесть лет!
Тот нажил соль в костях
Тот высох.
Тот оглох.
И «Ох!» разносится
и «Ах!»,
и снова «Ах!»,
и «Ох!».
Но в жизни есть другой пример:
над дылью гор и вод
прошло
шесть раз по сто
в карьер,
а человек живет.
И как еще живет!
Весь мир
чтит снег его седин.
И всех скликает он на пир

бескрайних именин.
Каким же дивом надо быть,
чтоб
через
шесть веков
искусством слова полонить
ученых знатоков!
Каких глубоких дум запас
в своей душе иметь,
чтоб
через
шесть столетий
в нас
своим стихом греметь!
Да, наш почтенный юбиляр
был докой славных дел
и тайником волшебных чар,
видать,
как бог владел.
Не пустословил вкривь и вкось,
ценил свой идеал
и в тонкой лирике, небось,
немножко понимал.
И хоть в тиши справлял намаз,
но рифмой зря не тряс,
и социальный знал заказ
никак не хуже нас.
И на собраниях не чах,
и склок не заводил,
и на литфондовских харчах
бесплатно всласть не жил.
Хотел бы я,
зачем таить,
хотел бы,
черт возьми,
хотя б чуть-чуть похожим быть
на старца Насими!

Баку,
сентябрь, 1973 г.

МОСКВА-РЕКА

Москва-река, Москва-река,
не так-то ты уж глубока,
не так быстра, не так светла,
а вот поди ж ты, в плен взяла.
Волненье в сердце не унять —
клянусь тебе в любви опять.
А отчего? Да оттого,
что в день приезда моего
из Зауралья я впервой
был восхищен рекой Москвой.
А почему? Да потому,
что сквозь редеющую тьму
увидел я издалека
ее гранитные бока.
Высокий берег у Кремля
был сделан словно из кремня,
и возвышался над рекой
кремлевских башен грозный строй.
Москва-река, Москва-река!
Провинциала-паренька
ты словно за руку взяла
и за собою повела.
Туда,
в большую жизнь,
туда,
в разлив учебы и труда,
по стрежню радостей и бед,
по перекатам юных лет.
Москва-река, Москва-река!
Лебяжьи стаи-облака,
небесным сродные роям,
с лучистым светом по краям.
Не на твоей ли я волне
учился плавать на спине?
Не на твоем ли звонком льду
коньками вырезал звезду?
И первых робких рифм прибой
вносил в тетрадь вдвоем с тобой,
и жарких чувств девятый вал
тебе на пробу отдавал.
И грусти час,
и счастья миг,
и мудрость первых хитрых книг
вбирал по капле
(я не лгу!)
не на твоем ли берегу?
Не у тебя ли на виду
в Нескучном мартовском саду,
за гребнем
Крымского моста
шептали жадные уста:
«Скажи мне,
любишь или нет?»
«Люблю!
Люблю!» —
звучал ответ.
Москва-река, Москва-река!
Ни тополей, ни ивняка,
лишь гладь встревоженной воды,
да красных
бакенов
ряды.
Да чаек медленный полет
заметно вкривь, а все ж вперед.
Да легкой лодки ход прямой,
да хлопья пены за кормой.
Москва-река, Москва-река!
Призывный посвист ветерка!
Упрямой думой обуян,
плыви и правь хоть в океан.

Москва,
июль, 1974 г.

СЛОВО ПРИВЕТА

И радостно и беспокойно мне.
Как в мире переменчива погода!
В далекой Португалии,
в стране,
где зверствовал фашизм,—
свобода!
Подумать только!
Околел режим
угрюмого насилья и бесчинства.
Поднялся в рост, как вихрь, неудержим
счастливый стяг народного единства.
Взорлил могучий дух людей труда.
По радостной дороге окрыленья
на Пиренеи,
в Лиссабон,
туда
лети мой стих любви и поздравленья.
Привет вам,
горделивые друзья!
Огонь сердец приветным словом тронув,
мне кажется,
что выражаю я
ликующее чувство миллионов.
Мы славим вас, но громко говорим:
доверчивость с беспечностью оставьте.
От верной плоти отличайте грим,
на стражу дела бдительность поставьте.
Крепите братство.
Будьте начеку.
Храните знамя, как зеницу ока.
Фашизм, он с ядом подлости в мозгу,
и может мстить коварно и жестоко.
Народ и армия!
Союз могуч.
В нем сила правды и залог удачи.
К победе,
к счастью самый точный ключ.
Так.
Только так сегодня. Не иначе.

НА СЦЕНЕ ПЬЕСЫ ЗЕМЛЯКА-СОВРЕМЕННИКА

Н. ЗЫБИНА

Омичи приехали на гастроли в Москву в состоянии приподнятом. Театр недавно отметил свой столетний юбилей, и праздничное настроение в коллективе еще не улеглось. И еще — театру удалось хорошо, интересно воплотить на сцене пьесы «своего» драматурга — земляка-современника.

Широко известна «Солдатская вдова» Н. Анкилова. Это спектакль со счастливой судьбой. Он удостоен Государственной премии. А теперь мы увидели и вторую работу театра над новой пьесой Анкилова — «Всего три дня»...

В финале «Солдатской вдовы» перед зрителями веселой вереницей проходят молодые парни и девушки; может быть, это они и вошли теперь в новую пьесу, где Н. Анкилов будто ведет репортаж о том, что довелось ему сегодня увидеть на родной сибирской земле. От его глаз не укрылись ни трудности, ни горькие переживания, ни человеческие ошибки, но они не затемнили человеческих сердец, раскрытых навстречу радости. Так уж устроена жизнь,— вечны законы справедливости и правды; они награждают мужество и осуждают слабость, предательство.

Режиссеры Я. Киржнер и А. Хайкин, как и все актеры, занятые в анкиловских спектаклях, подробно исследуют каждый персонаж, характеры и поступки героев. За каждым образом возникает сложная биография личности — будь то старый, но неутомимый председатель колхоза, Матвей Егорыч Орлов,— его играет в спектакле «Всего три дня» народный артист РСФСР А. Ф. Теплов; или Аграфена Ивановна в исполнении заслуженной артистки РСФСР Е. И. Псаревой — тихая, добрая, но в чем-то виноватая перед людьми за малодушие сына...

Очень хороша Марийка, солдатская вдова, с которой мы встречаемся в трагическую для нее минуту. Актриса Э. Я. Адамовская играет свою Марийку крупно, смело, создавая образ энергичного, стойкого человека. В трудной своей судьбе Марийка все равно не теряет способность быть счастливой. Да и Полинка Т. А. Ожиговой, потерявшая на войне любимого мужа, обретает силы души в служении людям.

В годы фашистского лихолетья оставался на деревне один мужик — командовал стариками да бабами. Народный артист РСФСР Н. Д. Чонишвили в роли Григория Плетнева заставляет зрителей пережить все невзгоды и удачи своего героя, всю его жизнь.

В этих постановках актеры вовсе не стремились «приукрасить» или сгустить события. А зритель уходит со спектаклей с хорошим, приподнятым настроением.

Не случайно пьесы Н. Анкилова все больше привлекают внимание театров. В них не художное, одностороннее изображение современной жизни, а внимательное ее исследование с явными симпатиями драматурга к характерам, стоящим на передовых рубежах нашего времени.

Марийка — Э. Адамовская
в спектакле «Солдатская вдова».

Фото Г. Аверьянова.

Ирина РАДУНСКАЯ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ЛЮДИ И ЛАЗЕРЫ

Пятнадцать лет назад в первомайском номере «Огонька» был напечатан очерк Ирины Радунской «Солдаты науки». В нем рассказывалось о работе докторов физико-математических наук Н. Г. Басова и А. М. Прохорова, сделавших удивительное открытие нашего века,— создавших квантовую электронику.

Что же делается сейчас в лаборатории Физического института Академии наук (ФИАН), где родились чудесные приборы? Об этом нас спрашивают читатели «Огонька».

1

Здесь все крупномасштабно: и сами лазеры и вспомогательные устройства. Лазеры установлены на массивных металлических столах, тянущихся вдоль длинных комнат. Их окружают блоки питания, жгуты электрических проводов, внушительные системы охлаждения. Зеркала, линзы и призмы корректируют, направляют луч лазера; на столах синие защитные очки. Словом, лаборатория как лаборатория.

Многие мощные лазеры, созданные здесь, уже работают на заводах. Они сваривают металлы, которые обычным способом не свариваются, например, титан и нержавеющую сталь. Режут, штампуют, плавят массивные металлические детали, с искусством виртуозов обрабатывают миниатюрные часовые механизмы. Как рассказывает заведующий одним из секторов мощных лазеров профессор Н. В. Карлов, лаборатория приспособила луч лазера даже для раскроя рулонных материалов. Это оказалось экономически выгодным.

— Создание лазеров для промышленности — основная наша задача,— говорит Николай Васильевич.— Но не единственная.

Профессор Карлов выполнил несколько работ, ставших основополагающими в радиоастрономии и радиоспектроскопии. Работал в Крымской астрофизической обсерватории. Потом молекулярные генераторы, мазеры...

— Николай Васильевич, какую перспективную цель вы себе ставите? О чем мечтаете?

— Мне хочется иметь в руках лазерный импульс очень-очень мощный и посмотреть эффекты взаимодействия его излучения с веществом. Это раз. Мне хочется осуществить такую управляемую лазерным лучом химическую реакцию, которая принесет большую пользу людям. Два. Мне хочется получить ясность в вопросе лазерного разделения изотопов. Вот три мои мечты.

Что еще сказать о Карлове? Он обаятелен, молод, хотя приходится говорить о нем как о старом сотруднике — он и заведующий ответственным сектором, и профессор Московского физико-технического института, и секретарь партбюро лаборатории колебаний. Впрочем, мне придется еще не раз говорить «старый сотрудник» о тех, кто начинал свою работу у Прохорова еще студентом и вырос вместе с лабораторией. Это не из-за возраста, а только потому, что все они — наставники молодежи, приходящей в лабораторию сегодня.

2

В Московском физико-техническом институте существует хорошая традиция. Старшие товарищи рассказывают выпускникам о своих лабораториях, и это помогает молодежи выбрать работу по душе.

Так было и в год выпуска Вадима Федорова. Один из сотрудников акустической лаборатории ФИАН так увлекательно рассказал об акустике, что перед удивленным деканом легли заявления студентов с одинаковой просьбой — направить только в эту лабораторию. Лишь Федоров хотел попасть к Прохорову — так он и работает здесь с 1955 года. С 1968 года — в паре с Ф. В. Бункиным, главой теоретического сектора. Федор Бункин окончил МГУ и был аспирантом у С. М. Рытова, одного из ведущих советских физиков-теоретиков, учителя Прохорова. Бункин решил уже немало сложных проблем в новой науке, рожденной лазерами и мазерами,— квантовой электронике.

Последние годы Бункина-теоретика и Федорова-экспериментатора объединяет интерес к проблеме взаимодействия лазерного излучения с веществом. С одной из сторон этой задачи я познакомилась, когда Федоров показывал мне, как работает мощный лазер. Звук выстрела: на металлической мишени появляется порядочная дырка, и все затихает. Будто ничего не произошло. Приблизительно так я все себе и представляла, но заранее была подготовлена к тому, что луча этого лазера не увижу, так как он лежит в невидимой для глаза области света — инфракрасной.

Но даже через синие очки я была ослеплена мгновенно вспыхнувшей молнией, шнуром связавшей лазер и мишень. Что же это?

— Это не лазерный луч, это реакция мишени на световую пулю,— объяснил мне Вадим Борисович.— Ведь на металл обрушивается световой импульс мощностью в несколько мегаватт на квадратный сантиметр — мощность целой электростанции! Металл вскипает, испаряется, и навстречу лазеру устремляются раскаленные до тысяч градусов пары.

Казалось бы, побочное явление, стоит ли обращать на него внимание?

Но такова специфика научной работы — в ней не должно быть ничего необъясненного, случайного. Все должно быть четко и точно. Это на заводе лазер — послушный работник. Здесь он еще не объезженный конь. Но из лаборатории на завод лазер придет прирученным, покорным. Без неожиданностей. Неожиданности достаются физикам.

Видимая молния оказалась не простым и не случайным явлением. Далеко не тем, чем можно пренебречь. Это защитная реакция мишени. И она затрудняет работу лазера. Разряд как бы экранирует мишень от попадания на нее следующей лазерной пули. Он похож на реактивную струю самолетного двигателя, на хвост стартующей ракеты. Над объяснением этого бьются экспериментаторы и теоретики. Профессор Бункин говорит:

— Это лишь часть общефизической проблемы взаимодействия лазерного луча с веществом. Прежняя физика этих забот не знала, никогда еще человек не имел дела с такими интенсивными потоками света. В этой области все вновь. Вот пример: лазерный луч, ударяясь в мишень, перерождает металл, превращает его в совершенно другое вещество — диэлектрик. Как, почему это происходит? Какими методами исследовать новое вещество в момент «катастрофы», как изучить процессы, разыгрывающиеся между мишенью и лазером? Наша задача — построить модель явления, задача экспериментаторов — диагностика процесса. Они фотографируют, изучают спектры, измеряют температуру. И им приходится нелегко: для регистрации таких высокотемпературных, быстротечных процессов нет готовой аппаратуры. Ее надо создавать самим. Ждать помощи некогда — лазер нужен производству.

А сейчас работа по испарению металлической мишени выдвинута на премию института.

3

Рядом с федоровскими владениями — комната, где можно увидеть особенный лазер. Вы, наверно, думаете: очень мощный? Да, мощный. Но главная его особенность в другом. Он, если можно так выразиться о приборе,— голубых, благородных кровей. Излучает одну волну, как звук на одной ноте.

Этот лазер — плод исключительного инженерного искусства и физического чутья доктора технических наук Александра Ивановича Барчукова. До ФИАНа был фронт, служба в полку «Нормандия—Неман». В Барчукове, давнем сотруднике Прохорова, сочетается недюжинный талант инженера-изобретателя и тонкого экспериментатора-физика. Чтобы сделать лазер мощным, надежным, мало указаний теории. Тут есть четкие границы движения вперед. А изобретательским ухищрениям практически нет предела.

Вот результат особого инженерного видения Барчукова: огромный лазер длиною в 100 метров (длина в данном случае способствует повышению мощности) «уложен» на «этажерке», легко уместившейся в комнате. Фантастика, да и только!

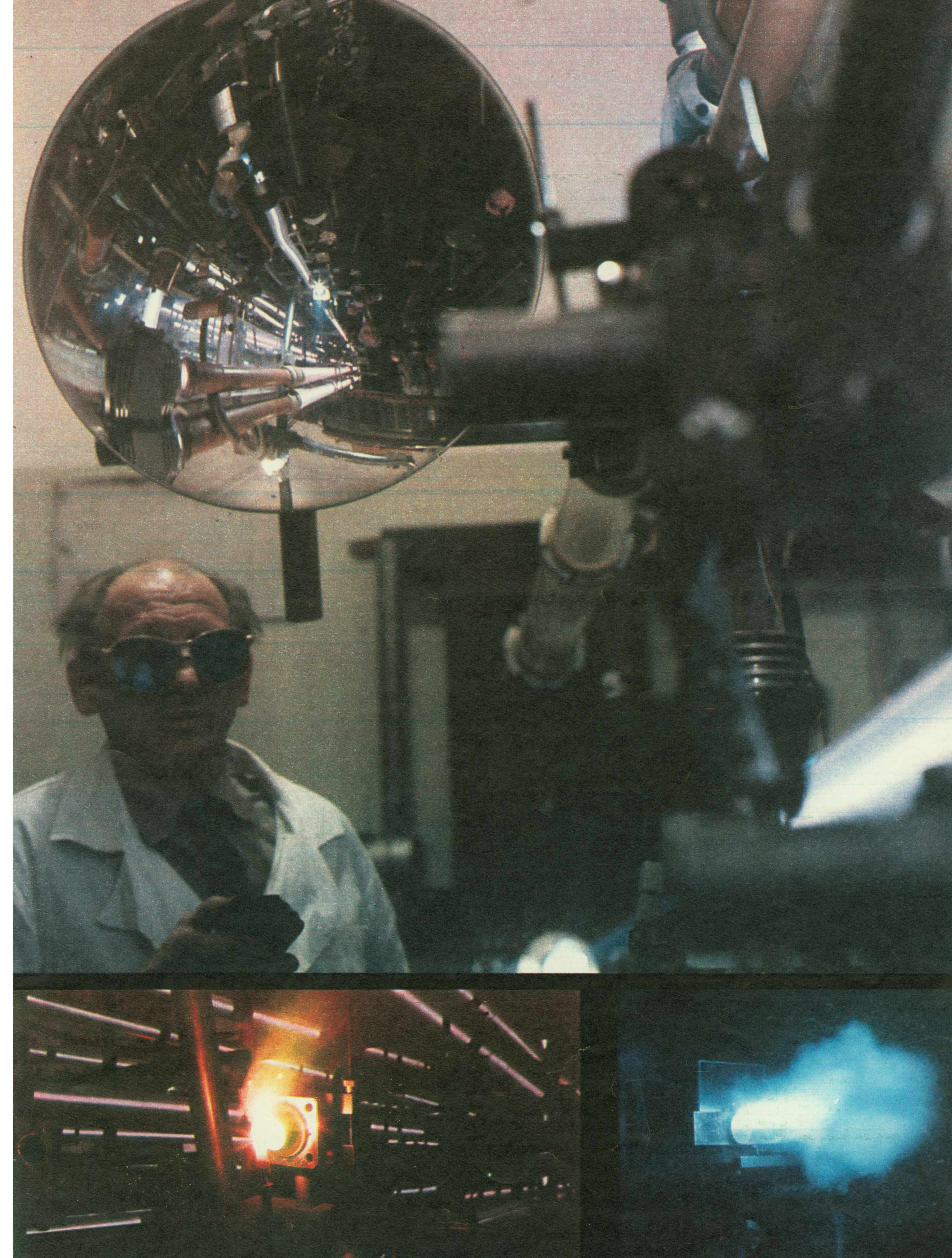
4

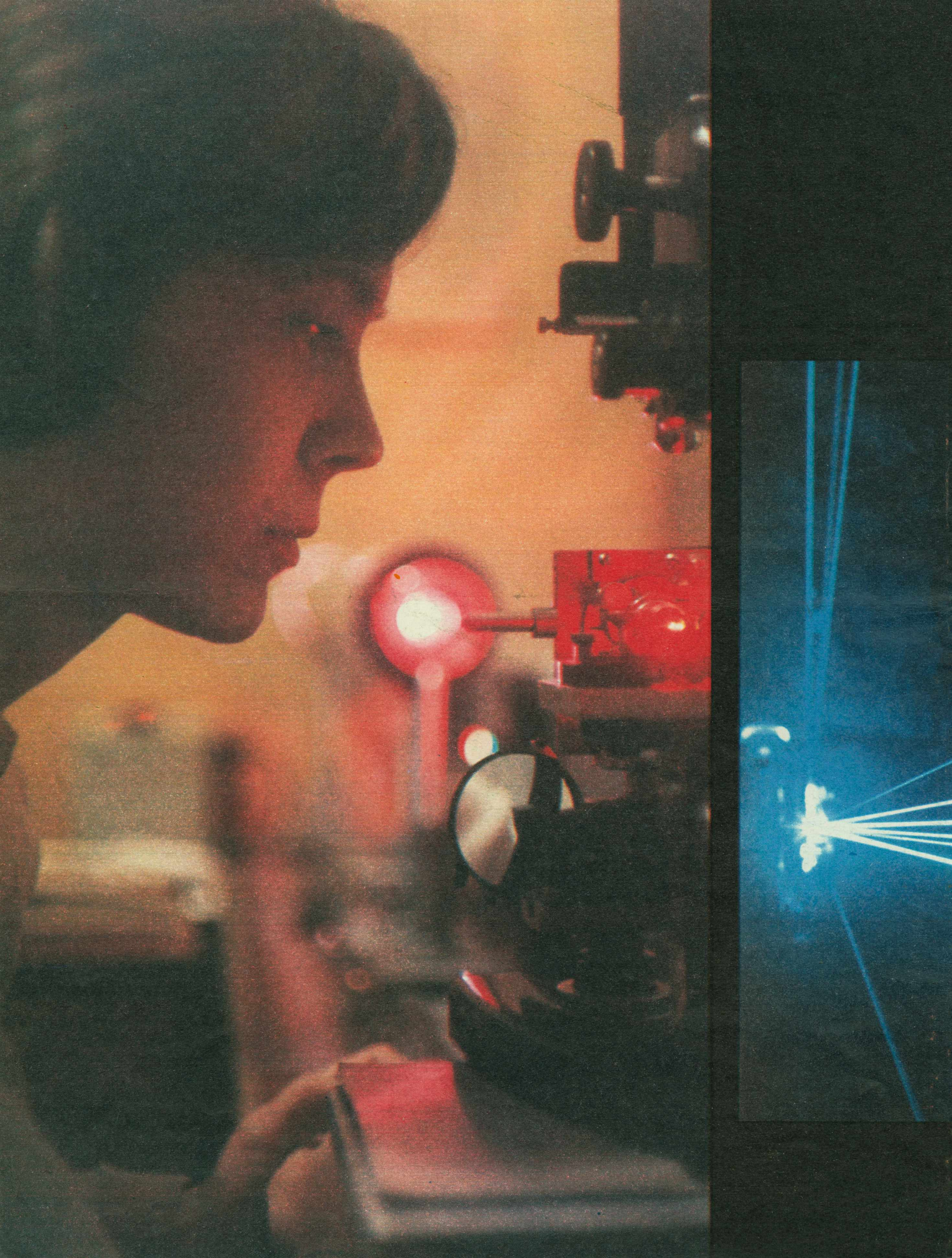
Луч лазера, испаряющий металл, воспламеняющий плазму, может быть нежнее человеческих рук. Проникая под кожу, не повредив ее,

А. И. Барчуков и его уникальный лазер.

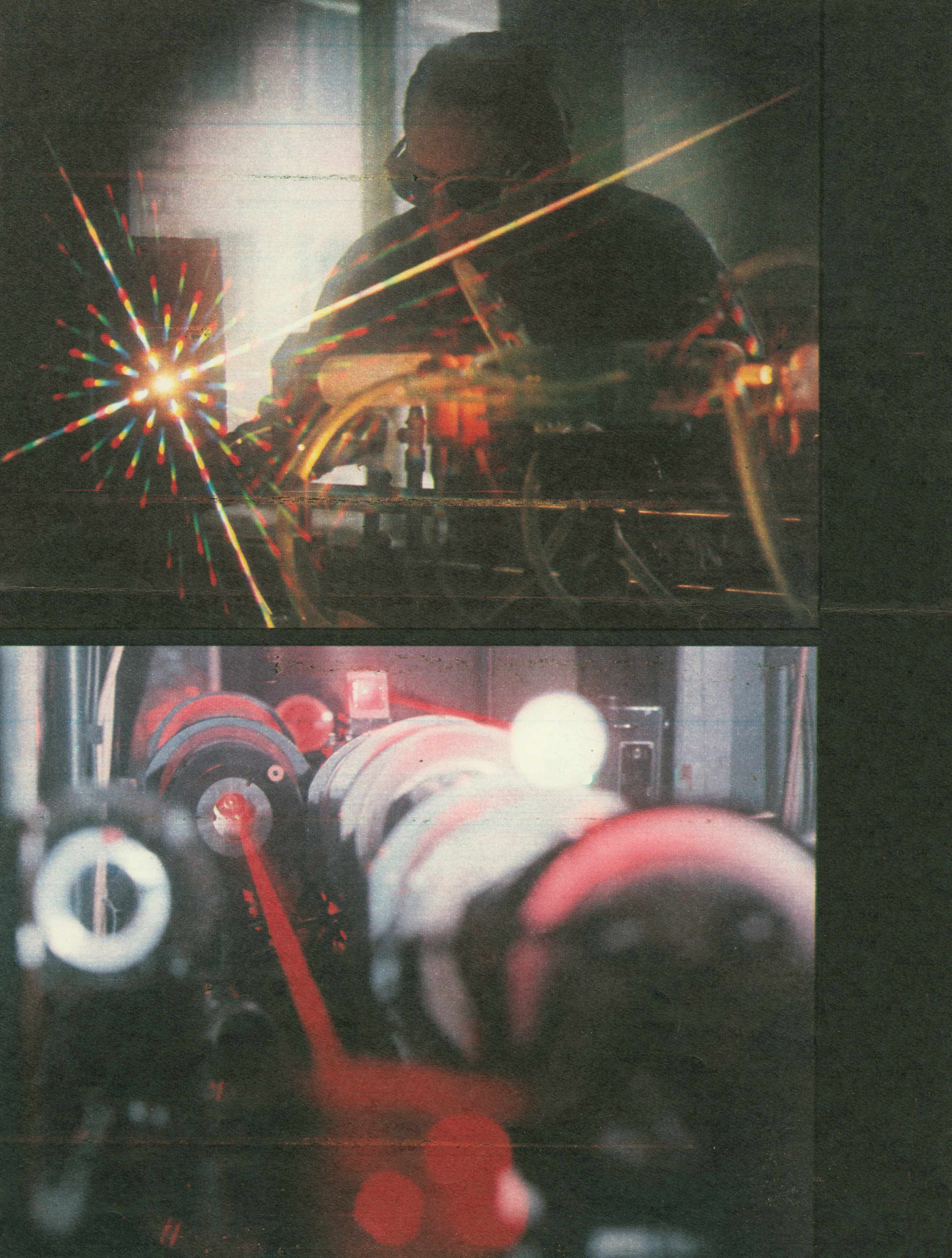
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Оптический генератор — исследователь кристаллов. У прибора В. Ф. Калабухова.— Аргоновый лазер имеет несколько цветных «голосов».— В. Б. Федоров, физик-экспериментатор.

он делает целительную операцию в нужной точке. Руководит внедрением лазера в медицину кандидат физико-математических наук Тамара Михайловна Мурина.

— Наша лаборатория предложила использовать лазер для лечения глаукомы. Сейчас профессор М. М. Краснов уже успешно провел около ста операций. Мы с ним постоянно контактируем и сейчас делаем улучшенный вариант прибора. Лазер работает в импульсном режиме, короткими, частыми толчками и пробивает новый капиллярный проток вместо того, который закрылся в результате болезни.

— И нигде в мире такие операции не проводятся?

— Пока нет, хотя работа Краснова получила большой международный резонанс...

Тамара Михайловна показывает несколько зарубежных газет — там сообщается о работах советских физиков и медиков и говорится, что такие операции будут взяты медициной на вооружение.

Последние годы Мурина часто выезжает в Киев, где в институте имени Гамалеи идут настойчивые эксперименты в области лазерной медицины. Объекты наступления — рак кожи, волчанка, врожденные дефекты кожи. Лазер используется и для поверхностного облучения. Результаты позволяют надеяться на терапевтическое лечение злокачественных заболеваний, родимых пятен, заболеваний сосудов.

Впрочем, родимые пятна — это, оказывается, тоже сосудистое заболевание. Любопытно, что красный цвет петушиных гребешков — результат закупорки сосудов: в гребнях кровь не циркулирует. Под облучением лазера петух теряет свой победный вид — его гребень становится белым.

Использование лазерного луча в качестве скальпеля уже имеет свою историю. Он помог осуществить операции на печени и селезенке — такие операции при помощи простого скальпеля невозможны: ведь эти органы особенно сильно кровоточат. Хирурги говорят: ткань плачет. Лазерный нож режет и одновременно заживляет — кровотечения не возникают.

— Тамара Михайловна, с каким инструментом вы работаете?

— Наш лазер работает на особом кристалле — флюорите с диспрозием, который создан у нас в лаборатории, в секторе В. В. Осико. Кристалл определяет волну, на которой работает лазер,— 2,36 микрона. А эта волна обеспечивает все те эффекты, которые мы наблюдаем в наших медицинских экспериментах. На других волнах пока не обнаружены те лечебные результаты, которые дает наш лазер.

Много времени в лаборатории ушло на «воспитание» кристалла. Был он капризен в работе, неустойчив. Его облучали гамма-лучами, вводили добавки — теперь он вполне надежен. Как видно, он даст начало новому семейству лазерных материалов, которым суждено трудиться на медицинском поприще.

Слушая Тамару Михайловну (кстати, она депутат Октябрьского районного Совета), наблюдая ее мягкую, почти домашнюю манеру поведения, я думала о том, как сложна, обязывающа ее профессия. Ведь Тамара Мурина кончала Бауманское училище, диплом делала под руководством Прохорова на фиановском ускорителе, а сейчас участвует в сложнейшем синтезе физики и медицины. Сколько же этой женщине надо работать над собой, чтобы объять такой диапазон знаний, сказать свое слово в науке...

5

Одна из легенд о Прохорове: у него особое чутье на перспективность работы, он заранее знает, какая идея пойдет, какая — пустая трата времени.

Это было в 60-х годах. Вся лаборатория занималась лазерами. А Наталью Александровну Ирисову лазеры не интересовали. Ее занимали загадочные вещества с необычными свойствами — сверхпроводники и сегнетоэлектрики. Наибольшую информацию о них можно получить, облучая эти вещества волнами крошечной длины — короче миллиметра.

Интересы Ирисовой расходились с интересами лаборатории. Кроме того, предстояло столько хлопот, что она и сама была не рада, что взялась за субмиллиметры. Не было никакой аппаратуры для исследований в этом диапазоне волн.

— Рос сын, я разрывалась между работой и домом, а тут еще все удивлялись, почему Ирисова возится с вроде бы совершенно ненужной темой. Но Александр Михайлович нас поддерживал и не давал в обиду даже тогда, когда я сама начинала сомневаться. Нужен размах и интуиция Прохорова, чтобы понять в самом начале наших опытов, что эти исследования принесут практическую пользу.

В 1974 году институт выдвинул работу, в которой принимала участие Наталья Александровна, на соискание Государственной премии.

Как видно, Прохоров понимал возможности Ирисовой лучше ее самой. Ведь он знает ее уже свыше тридцати лет, познакомились, когда Прохоров вернулся в институт после фронта и ранения, а Ирисова, студентка второго курса физфака, работала там лаборанткой.

Исследования, вызывавшие недоумения сотрудников, привели буквально к чуду: они породили серию приборов, ставших совершенно необходимыми многим лабораториям. Да и вообще лазерщикам. Одни из приборов измеряют параметры субмиллиметрового излучения: мощность, энергию, длину волны. Другие помогают манипулировать с излучением. А последний — радиовизор — назван так потому, что на его люминесцентном экране можно увидеть всю пространственную структуру излучения лазера, даже если он работает в диапазоне не видимых глазом волн. Об этом лазерщики могли только мечтать.

Сегодня такие приборы выпускает наша промышленность. На них получены патенты. Иностранцы, посещающие лабораторию колебаний, подолгу задерживаются в секторе кандидата физико-математических наук Н. А. Ирисовой.

6

Дело не только в интуиции Прохорова, главное — в доверии к коллегам. Он считает, что ученый прежде всего должен заниматься тем, во что верит, что его влечет. Результаты будут. Практического характера или фундаментального — не так важно. Людям нужно и то и другое. И то, что пойдет в дело сегодня же, и то, без чего не обойтись завтра.

Вот это доверие помогло родиться в лаборатории колебаний и другим замечательным открытиям. Одно из них — сюрприз для... ювелиров. Да, в лаборатории, где из радиофизики родились лазеры, где обсуждались и создавались теории и приборы, имеющие отношение к самым высоким сферам современной физики, были созданы драгоценные камни, подобные бриллиантам. Фиановские бриллианты самого различного цвета — по заказу. Этих драгоценностей природа не знает, не знал их и человек. Они родились в ФИАНе и поэтому получили название фианиты. Спрос на них велик. Они уже продаются в ювелирных магазинах, их будут экспортировать в другие страны.

Повторяю: фианиты родились в лаборатории, где совершенно не думали о потребностях ювелиров, а были заняты фундаментальными исследованиями. Теперь можно сказать, что фианиты появились здесь именно поэтому. Только глубокое изучение свойств кристаллов натолкнуло на способ их получения.

Вячеслав Васильевич Осико, доктор физико-математических наук, не думал о дамских украшениях. Он настойчиво искал новые материалы для лазеров. Делал рубины, гранаты, сложные кристаллы, стремился сочетать в своей работе самые современные методы и приемы. Александр Михайлович с большой серьезностью и терпением относился к поискам Осико, предоставив ему и нужные средства и помещения — у Осико отдельный корпус и большой штат сотрудников.

Неожиданный научный выход дали работы еще одного старого сотрудника — Виктора Георгиевича Веселаго. Во-первых, он создал самую мощную в Европе магнитную установку — сооружение в три этажа,— на которой ведутся важнейшие исследования свойств вещества. Эта работа, так сказать, в русле тематики лаборатории. А вот и другая, выдающая романтический стиль научного мышления Веселаго, она из области теории относительности, имеет пока мало сторонников. Но среди них — не больше не меньше, как один из великих могикан: французский физик Луи де Бройль, который независимо пришел к тем же выводам.

И еще одна работа доктора физико-математических наук Веселаго, которая выделяет его как ученого с оригинальным самостоятельным мышлением: он «сочинил» необычайные вещества с необычайными свойствами и придумал ситуацию, в которой такие вещества могут существовать. Пока нельзя говорить о практическом выходе этих идей, но ведь в науке все начинается с вопроса «А что будет, если?». Изучаются необыкновенные свойства вещества, а потом уж думают, как реализовать условия, при которых осуществимы такие свойства.

7

Я еще ничего не рассказала о самих героях очерка «Солдаты науки», о тех пионерах, которые проложили дорогу квантовой электронике,— Н. Г. Басове и А. М. Прохорове.

Солдаты науки, как и положено, беззаветно выполняют свой долг. Солдаты стали генералами. Да, Басов и Прохоров уже маршалы науки. Они академики, члены главного штаба науки — Президиума АН СССР, лауреаты Ленинской и Нобелевской премий, Герои Социалистического Труда.

Н. Г. Басов за это время создал свою мощную лабораторию, о ней у нас еще будет специальный разговор. Николай Геннадиевич стал директором Физического института АН СССР, куда он пришел студентом-практикантом и где совершил свой научный подвиг. Недавно академик Н. Г. Басов избран депутатом Верховного Совета СССР.

А. М. Прохоров возглавляет физические исследования в нашей стране; он академик-секретарь Отделения общей физики и астрономии АН СССР, главный редактор Большой Советской Энциклопедии и по-прежнему заведует лабораторией колебаний, где были созданы молекулярные генераторы.

Правда, сегодня о его коллективе уже трудно говорить как о лаборатории — в нем уже сотни людей вместо прежних десятков. Теперь это крупный научно-исследовательский центр с современными лабораториями и мастерскими, которыми заведует Дмитрий Константинович Бардин, тот самый рабочий паренек, который вместе с Басовым и Прохоровым своими руками делал первый мазер. Тогда все трое были одновременно и головой и руками. Сегодня к услугам сотрудников не только чудеса механики, но и уникальные оптические детали, зеркала, призмы, линзы — буквально сокровища сверкающего хозяйства Владимира Никитовича Луканина.

Фронт работ лаборатории колебаний так внушителен, что пришлось строить Прохорову специальный, хорошо оборудованный корпус. В эти дни коллектив в полном составе переезжает в новое здание. В Физическом институте АН СССР их теперь два. Одно — басовское. Другое — прохоровское.

Александр Михайлович Прохоров по-прежнему самый высокий человек в лаборатории. Это, как видно, навсегда — отыскать ему пару по росту можно разве что в баскетбольной команде. По-прежнему, несмотря на занятость, он доступен. В срочных случаях его можно, как говорят сотрудники, «отловить» на лестнице или в коридоре и обсудить горящую проблему. Но теперь это делается осмотрительно — его берегут, ограждают от мелочей. Он по-прежнему доброжелателен и с готовностью отзывается на улыбку и шутку. Но о нем самом уже ходят легенды — он вступил на стезю маститости.

— Наша лаборатория, как видите, выросла, но дело, конечно, не в количественном росте. Главное — существенно изменилась тематика,— рассказывает А. М. Прохоров.— В те годы важнейшим для нас был молекулярный генератор, от него пошло все мазеростроение. Новый этап — развитие квантовой электроники, создание лазеров, исследование вещества, применение лазеров в различных областях науки и техники.

Прохоров — сторонник фундаментальных исследований. Без них, считает он, невозможен нормальный рост науки и техники.

Я спрашиваю:

— Александр Михайлович, на что вы нацеливаете лабораторию — на связь с промышленностью или на разработку новых научных принципов?

— Как правило, лишь хорошо подготовленный в теоретическом плане ученый может создать новые технологические процессы, новые материалы, все то, что действительно является потребностью практики. Фундаментальные исследования с неизбежностью приводят к выходу в практику, и наоборот, принципиально новые задачи техники, например, космической техники или энергетики, неизбежно приводят к постановке фундаментальных исследований в физике, математике и других областях науки.

Прохоров считает, что нормально развиваю-

В. Г. Михалевич сваривает тугоплавкие металлы.— Под лучом неодимового лазера вещество чувствует себя как на Солнце.

щаяся физическая лаборатория должна вести работы в перспективных, поисковых областях, постоянно поддерживая контакт с промышленностью, учитывая фундаментальные направления и развитие народного хозяйства, потребности общества.

А как создать такую возможность? Во-первых, расширять диапазон исследований. Во-вторых, идти вглубь. В-третьих, растить молодое поколение. Как видите, все в этом мире держится на трех китах.

8

Знакомясь с работой и жизнью лаборатории колебаний, я подумала о ее сходстве с ветвистым деревом. От ствола идут мощные ветви первого поколения — это те сотрудники Прохорова, которые составляли старую небольшую лабораторию времен рождения молекулярного генератора. Сегодня они руководят коллективами, сравнимыми по масштабам с прежней лабораторией. От этих ветвей идут крупные ветви следующего поколения: молодежь, работающая здесь по десять — пятнадцать лет; и новые побеги уже тянутся ввысь — вчерашние студенты, пришедшие в лабораторию после окончания вуза.

На четвертом этаже нового здания две двери с табличкой «Кафедра взаимодействия излучения с веществом». Это базовая кафедра Московского физико-технического института, который в основном и дает новые кадры лабораториям типа прохоровской. Заведующий кафедрой — А. М. Прохоров. Ее преподаватели: профессора Н. В. Карлов, Ф. В. Бункин, В. Г. Веселаго, доцент Т. А. Шмаонов. Студенты уже начиная с четвертого курса работают в лаборатории. Те, кто прикипает сердцем, остаются здесь работать и после окончания института.

Идет семинар. На нем присутствуют прохоровцы всех поколений. Доктор физико-математических наук А. А. Маненков, известный важными работами по созданию новых лазеров и разрушению вещества; доктор физико-математических наук В. К. Конюхов — создатель газодинамических лазеров; вся группа кандидата физико-математических наук Л. А. Кулевского, работающая над перестраиваемыми лазерами.

Многие участники семинара награждены премиями и высокими наградами. М. Щелев, А. Малютин, Р. Серов и В. Коробкин — лауреаты премии имени Ленинского комсомола; Е. Дианов выдвинут на соискание Государственной премии СССР 1974 года; Е. Виноградов — лауреат премии имени А. С. Попова; Г. Козлов отмечен Золотой медалью ВДНХ; Таня Мандельштам заслужила всеобщее уважение спектральными исследованиями во многих областях; В. Сычугов и Е. Золотов получили интересные результаты в области интегральной оптики; В. Миляев изучает экситоны в полупроводниках; В. Ширков известен созданием тонкопленочных покрытий.

Тема семинара: «Повышение эффективности труда ученых». Рассматриваются отечественные и зарубежные материалы. Особенно оживленные споры вокруг любопытной работы двух американских ученых. Тигран Арамович Шмаонов перечисляет выводы, к которым они пришли в результате многолетних статистических исследований:

— Продуктивность работы ученого зависит от внутренних и внешних стимулов. Она максимальна при принятии решений совместно с коллективом... Продуктивность растет при регулярном общении с определенным кругом коллег — не слишком малым, не очень большим... Умеренное количество дополнительных нагрузок не снижает научную продуктивность... Она даже повышается при сочетании научной работы с педагогической и административной деятельностью... Максимум пользы ученый приносит, думая о работе, а не о карьере...

Споры, сравнения. Один приводит подтверждающий пример из жизни лаборатории, другой подчеркивает спорность некоторых положений. Смех. Сосредоточенность. Раздумья...

Что же делает этот коллектив единым организмом, единой семьей? Тематика. Общность интересов. Увлеченность наукой. Взаимопонимание и понимание общей цели. Дружба. Конечно, не та, прежняя дружба, которая объединяла маленький коллектив, когда можно было уместиться на нескольких байдарках в летних походах или за одним столом. Теперь в лаборатории четыреста человек, но сплоченность и дружба не ослабли. Общность коллектива стала, пожалуй, осознанней, целеустремленней, может быть, даже еще более крепкой. Их цель — сделать свой труд более эффективным, принести максимум пользы своей Родине, выдержать соревнование с другими коллективами и у нас и за рубежом.

Над этим думает каждый в отдельности и все вместе.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Люди, которых природа сделала своими избранниками и наделила редкостным, вроде бы уж и неземным, дарованием, всегда кажутся нам, простым смертным, немножко странными, порою даже чудаковатыми. Речи их нередко смущают нас ослепительно новизной заключенных в них мыслей, и мы, не желая либо не будучи в состоянии проникнуть в их глубину, торопливо и испуганно отмахиваемся от них, как от недоброго наваждения. По этой причине, надо полагать, многие делегаты II съезда советских писателей поначалу словно не поняли выступления всемирно известного Александра Довженко... Белый как лунь, лобастый, со своим беркутиным носом, он подошел стремительно к трибуне и сейчас же заговорил о чем-то таком, что никому, казалось бы, не могло прийти и в голову в том 1954 году, когда еще полстраны не было вызволено из руин только что отполыхавшей страшной войны, когда люди жили еще впроголодь, плохо одетые и обутые, когда бесконечный ряд сложных и сугубо земных, казавшихся иногда неразрешимыми вопросов стоял перед ними,— он же заговорил о космосе, о человеческом разуме, проникающем и уже проникшем в немыслимые глубины мироздания, о том, что, материализованный, разум этот не нынче — завтра взмоет ввысь и побратается сперва с Луною, а затем и с другими небесными телами. Он говорил это, а в зале многие слушавшие его, считавшие себя, конечно же, очень умными, очень образованными люди снисходительно улыбались — куда, мол, это его занесло?!— переглядывались, в удивлении пожимали плечами. Голос мудреца был уже еле различим среди нетерпеливых покашливаний. Он ушел на свое место в президиуме, сам пожимая плечами, не понимая, отчего такими редкими, как бы только из вежливости, хлопками встретили слушавшие окончание его речи, составлению которой в уме и на бумаге он отдал несколько бессонных ночей. Высокий лоб его покрылся испариной, острый взгляд сердито воткнулся в шелестящий все еще перешептыванием зал. Довженко хмурился, был не в духе, и понять его можно. Но так же можно было понять и тех, кто не понял его речь. Не каждому дано перекинуться мыслью своей далеко в завтрашний день планеты по имени Земля,— это дано людям масштаба Довженко.

В 1957 году, ровно, стало быть, через три года после того, как прозвучала «странная», удивившая всех его речь, откуда-то с заоблачных высей над миром прозвучало легендарное «пи-пи-пи» первого искусственного спутника Земли — человек вырвался в космос. Хотелось бы в ту пору хоть одним глазком глянуть в лица тех, кто перешептывался и иронически перемигивался в зале заседаний писательского съезда...

Близкое, завтрашнее проникновение в просторы Вселенной провидел в тот день не ученый — это было естественно,— а художник, более всего, казалось, если иметь в виду все его творчество, озабоченный делами Земли, родной своей Земли, далеко не в планетарном, космическом ее смысле. Мне не раз приходилось в разное время и по разным поводам говорить и писать об Александре Довженко, об этом удивительном художнике, имя которого произносится с глубочайшим уважением во всех уголках мира, и, думается, не только потому, что он был и есть великий художник, но, может быть, еще более и прежде всего потому, что ни один из его современников с такою яростною силой и бойцовской хваткой не выступал защитником Земли, ставшей обителью бесчисленного числа живых существ, Земли, ставшей колыбелью человечества и по

Съемки фильма «Щорс» под Черниговом в феврале 1937 года.

этой причине, возможно, единственной в своем роде среди иных миров, среди других планет Вселенной... Он, Довженко, за свою жизнь написал и создал множество литературных и кинематографических полотен — разных и под разными заглавиями. Однако всем его творениям можно без особого труда подыскать одно общее имя — Земля.

То теплая и влажная, курящаяся паром, исполненная жаждою материнства; то охваченная огнем и полымем, задыхающаяся в чаду и копоти; то вновь ожившая, вся в буйном, шальном цветении; то опять в гейзерах взрывов, в дыму, в заревах все пожирающих пожарищ и все-таки вечно живая, жизнежаждущая и жизнетворящая — такой она предстает перед нами в довженковских произведениях.

Земля...

Художник видел ее и в горе и в радости. Была она к нему и ласковой, была и суровой, но он был постоянен в отношении ее. Мудрый сын ее, малая частица, он ни разу не изменил ей. Один из ранних его фильмов, прозвучавший как бы камертоном для всех последующих его творений, так и назывался — «Земля». А вспомните, каким кадром начинается лента «Щорс»: огромное поле цветущих под солнцем и похожих на маленькие светила подсолнухов, и вдруг над всем этим радостным земным цветением черный султан взрыва... Потом «Мичурин». Ведь это же опять Земля. А потом «Поэма о море», которую с большим основанием и по справедливости следовало бы именовать Поэмой о Земле. И «Повесть пламенных лет» — в ней снова узнаем ту же великую довженковскую героиню — это опять Земля.

Прочтем строки, набросанные трепетною рукой мастера:

«Раннее утро. На высоком берегу Днепра —

украинское село. В неподвижной воде отражаются громады облаков... Спокойные цветущие сады. Купы яблонь окутаны нежными лепестками соцветий. Взрыв. На фоне почерневшего неба дрожат оголенные ветви яблонь. Новый мощный взрыв погружает все в темноту...»

«...Земной шар вращался в межзвездном пространстве. Дымилась планета от Нордкапа до Черного моря, а над ее идеальной сферой носились самолеты, извергая из своих чрев тысячи бомб».

Земля. Земля. Земля.

О ее прошлом, о ее настоящем, главное же, о ее грядущем — горячие, беспокойные и высокие думы художника. Александр Довженко мерил все земные дела какой-то своей, непривычной для нас, обыкновенных людей, мерой, мыслил необычайно крупно и необыкновенными категориями. Твердо, основательно стоя на земле и, конечно же, не хуже нашего зная ей цену, он мог сам подняться и нас поднять над землею, с тем, однако, чтобы мы не отрывались от нее, а видели больше, шире, дальше. Думается, что, не поняв этого, мы

ДРЫЙ Н ЗЕМЛИ

А. П. Довженко с женой Ю. И. Солнцевой.

никогда не смогли бы понять и природы довженковского романтизма.

Довженко верил в народ, в так называемого простого человека, верил беспредельно — мне бы хотелось подчеркнуть это слово — и не той снисходительною верой, предполагающей либо барское поощрительное похлопывание по плечу, либо мещанское умиление, а той, какою веришь в подлинного творца жизни. Помнится, сколько споров и нареканий по адресу создателей фильма, а значит, в первую очередь по адресу самого Довженко вызвала сцена, где в уста рядового солдата вложены слова, которые, казалось, впрок мыслителю, философу, но не рядовому человеку.

«Кончилась мировая война! — говорит, обращаясь к себе и ко всем людям на белом свете, солдат Орлюк.— Стою с автоматом на пороге новой эпохи и думаю: какую могучую темную силу мы победили, будь она проклята!»

Допускаю, что, выйди такие строчки и такие слова из-под пера художника иного склада мышления, иного масштаба, а не из-под пера Довженко, они бы могли прозвучать и неубедительно, и даже с фальшивинкой. Но перед нами Довженко, беспредельно искренний Довженко, который может естественно в мыслях своих слиться с народом, коллективный разум коего всегда бесконечно высок и глубок.

«Я не генерал,— говорит далее Орлюк, а мы видим рядом с ним взволнованное, одухотворенное высокой и гордой мыслью лицо Довженко, как бы тихо, про себя, повторявшего: «Добре, добре, солдат!» — Я и не генерал, конечно, и не маршал — простой сержант Иван Орлюк, колхозник с Приднепровья, обыкновенный, так сказать, победитель в мировой войне...»

Крестьянин, землепашец, волею судьбы ставший Победителем в мировой войне, он уже не обыкновенный, не рядовой, а Великий рядовой. И ему-то художник мог без колебаний поручить высказать самые великие думы. Вот в чем дело. И в этом весь Довженко.

Я был счастливым свидетелем момента, когда после просмотра новой ленты Довженко Иван Семенович Козловский, сам проникновенный художник с тонкой и остро восприимчивой душой, потрясенный увиденным на экране, вдруг воскликнул в благоговейно притихшем зале:

— Грандиозно... страшно... и какие мы все... маленькие!

Слово «маленькие» вырвалось, конечно, в минутном замешательстве, в состоянии восторженного шока, что ли,— не более того. И, думаю, понимать его надо в том единственном смысле, что появилась не просто новая картина, но появилось, а точнее, явилось на экран нечто из ряда вон выходящее, не умещающееся поначалу в нашей голове, ошеломляющее, когда, оглушенный увиденным и услышанным, ты в самом деле кажешься самому себе маленьким и беспомощным, потому что не успел разобраться во всем, что увидал и что творится в душе твоей.

Реалистические сцены во всех без исключения созданиях этого необыкновенного художника испытывают на твоих глазах удивительные превращения, порою обретают формы сказочные, былинные, вырастают в крылатые символы. В одну минуту, например, ты можешь увидеть раненого солдата, рядом с ним — окопная грязь, кровь, дымный смрад, картина обыденная, граничащая с настораживающим даже натурализмом. И вдруг на наших же глазах мгновенно все переменяется, прежнее исчезает, покрывается иной картиной, не картиной будто, а видением... Разлив Днепра, утонувшие по грудь, словно бы вошедшие в воду искупаться, деревья; они тут же кувыркаются, опрокидываются, отразившись своими вершинами в прозрачной водной глади, по которой скользит, как белая лебедь, рядом с белыми же облаками лодка, сама уж похожая на ту лебедь, и в лодке той — бледный и прекрасный, забинтованный ослепительно белой повязкой солдат, тот самый, которого мы только что видели в безобразном хаосе войны. Что это, сказка? Нет, быль. Самая трезвая, самая невыдуманная. В бреду раненому может привидеться и не такое, могут явиться и не такие чудеса!

Едва ли не все произведения Довженко посвящены самым драматическим дням нашей истории. Смерть и разрушения — чуть ли не над всей Землей. Но не смолкает песня, не затихает смех, не угасает любовь — начало всех начал. Жизнь празднует свою победу даже там, где смерть, кажется, готова уже объявить себя победительницей.

Война откатывается к рубежам, с которых ее послали на нашу землю. Люди возвращаются к своим пепелищам. Вот идет в свое село молодая женщина с грудным ребенком на руках. На всякий случай она возвращается ночью к родимому гнездовью: ей еще не верится, что там нету ворога. Ночь, однако, лунная. Далеко видно вокруг. Женщина с ребенком на руках встречает у родного порога свою мать. Послушаем, что они говорят.

«— Здравствуй, мама... А Павло? Не слышали Павла? Не вернулся Павел?»— это молодая женщина — о муже. Старая отвечает, что дома ее Павел.

— Дома? Где он?! Павел!

— Стоит на площади... Тихо иди, доню, набирайся сил».

Молодая подходит к памятнику. Авторская ремарка:

«Она положила у подножия дитя, а сама обняла его, припала к бронзовой груди и застыла, как бронза:

— Где ты, смерть? Где ты, красавица, ласточка моя? Пожалей меня. Где ты бродишь, гуляешь с другими, черная моя сестра? Приди, усмехнись мне... не хочу я жить! Павел, Павел! Что мне осталось на свете?

— Утешься, женщина. Пока есть молодость, исполни свой закон. Пусть плачет надо мною материна старость.

— В чем мой закон, в чем утешусь?

— В трудах, в любви, в детях».

В заключительных кадрах фильма, из которого взят этот эпизод, мы видим на вспаханном поле сеятелей, бросающих в парную, курящуюся, кричащую о жажде материнства землю семена. На горизонте уже грудятся тучи, грозовые облака, но не войны, а мира. Вот сейчас вспыхнет молния, грянет гром, и на землю спустятся теплые, благодатные дожди. Проклюнутся семена и выбросят из земли под лучи солнца стремительные жальца всходов. Жизнь торжествует. В громовых раскатах, в ослепительном блеске молний, в шуме дождя на весь белый свет звучат торжественные слова:

— Нет! Не прекратится бытие, лучшая из планет наша Родина — Мать-Земля! Исчезнем мы, сменяясь на твоем лоне поколение за поколением, как волны в океане. Но, исчезая, всегда будем говорить: «Слава тебе! Слава твоему хлебу, винограду и вину, слава приходу и уходу, весне и осени, дням и ночам, росе вечерней и утренней росе, любви и труду и дорогоценной крови, пролитой во имя свободы и братства народов, во имя постижения главной тайны жизни на тебе — тайны нашей человеческой всеобщности. Мы твои дети, и мы твоя мера: ты прекрасна!»

Это голос Довженко. Он долго будет звучать в наших сердцах. И в сердцах тех, кто придет нам на смену. Голос мудрого сына Земли.

Утро на Оке...

Зина Васильева, проводник.

Хозяин... Начальник пристани Спасск Дмитрий Котов.

Капитан «плавучего отдыха» — Александр Белов.

У порога родного дома Александра Александровна Есенина.

НА РЕКЕ

Михаил АЛЕКСАНДРОВ
Фото Г. РОЗОВА.

— Рыбалка у нас для хорошего человека не заказана! — говорит инспектор рыбоохраны Анатолий Аксенов.

ЗИНА

Пассажирские пароходы плывут по Оке не торопясь. Не их дело спешить. Они знают свои маршруты, свою обязанность: кругосветка Москва—Горький—Москва. Везут людей особых — отдыхающих, которым сейчас нужнее всего на свете покой, тишина, созерцание. Значит, какая задача! Показать людям, как хороша светлая речная ширь, как спокойны зеленые берега, то взбегающие березовым лесом на холм, то стелющиеся неоглядным низовьем.

— Зина, мне бы еще чайничек!
— Найдем...

Диву даешься терпению молоденькой проводницы Зины. Ведь вот, например, пожилой пассажир из третьей каюты в десятый раз уже осаждает проводницу просьбами да вопросами: помоги ему окно открыть, подай на всякий случай второе одеяло — ночи-то на реке свежи... Теперь чайник ему понадобился. А что тут скажешь: у человека, видать, привычка — пить чай ко времени и не ко времени. Не попьет чайку, расстроится. Он, может, бобыль, одинокий. Дома сам себе устраивает нехитрый и неуютный холос-

тяцкий быт. Как же не помочь ему душой согреться на отдыхе?

— Скажите, Зина, сколько времени стоим в Константинове?

— Долго, два часа... Хотите сходить к Есенину? Вполне успеете. Дом их против пристани. Как подниметесь на горку, перейдете улицу, он чуток правее, за палисадником. Найти легко, там всегда народ, экскурсанты... Кстати, может быть, увидите Александру Александровну, сестру поэта. Она каждое лето приезжает домой...

Навестить Сергея Есенина очень хочется и женщине из двенадцатой каюты. Но как быть с дочкой? Конечно, уложит Оленьку спать, самое время ее дневного сна...

— Так и сделайте, мамаша!

— А вдруг без меня проснется? Сами понимаете, ребенок...

— Ну и что же. Я пригляжу...

Плывет пароход «Лесков» сквозь ветерок и солнце. На всех его палубах, от нижней до верхней, сидят в шезлонгах пассажиры, дышат вволю сквознячком, пахнущим рекой и травами. Уже завелись знакомства и слышны там и здесь негромкие разговоры, душевные и откровенные, как всегда в дороге.

А этот бедняга никак не успокоится! Глаза злые и несчастные, голос сух и колюч:

— Как же, товарищ проводник, можно идти в рейс, не проверив, работает ли радио? Просто удивительно!

Зина слушает сварливого гражданина, не прерывает, даже согласно кивает. Уж она-то знает: есть и такие, нервные да усталые, нельзя их строго судить. Попадают они в покой с разбега, он непривычен. Они и по палубе не ходят, а бегают озабоченные, будто тут надо куда-то спешить. А радио в каютах отлично работает, просто в эти часы по расписанию перерыв. И Зина спокойненько все объясняет пассажиру и, кроме того, сообщает ему, желчному, что если захочется вечерком посмотреть телевизор, так есть и телевизор в матросской столовой:

— За футбол не болеете? Сегодня транслируют два матча... Видно у нас не очень здорово, но ребята наладят...

И желчный гражданин уже не желчный. Думаете, ему самому приятно быть раздраженным и колючим? Совсем нет:

— Это, знаете, неважно, если помехи в изображении... Они неизбежны на реке с ее поворотами... Надо регулировать антенной: я покажу ребятам, как это делается... Вас, кажется, зовут Зиной? Ну, вот и познакомились...

Зинаидой Васильевой зовут проводницу парохода «Лесков». Их тут, на борту, четверо. Несут они в очередь свои дежурства, или, как по-корабельному называется, вахты, хлопот — хоть отбавляй.

— А без приветливости в нашем деле нельзя,— сказала мне Зина.— Как можно? Люди у нас отдыхают...

СЛУЖАТ РЕКЕ

— Происшествия? Тьфу, чтобы не сглазить: покуда серьезных не было. Разве что отстанет какой пассажир на пристани. Так это тоже небольшая беда: посадят человека на «Ракету», глядишь, к следующей нашей остановке догнал.

— А если отстал без документов, без денег?

— Ну и что? Верят людям у нас на реке... И денег не берут: какие ж деньги, когда «авария»?

Капитан Александр Константинович Белов только что встал на ночную вахту. Небо к ночи затянуло, темень, на западе погромыхивает.

— Пройдет стороной,— окает капитан,— разве что прихватит краем... Так на чем мы остановились?.. Да... Значит, ранило меня, мальчишку, под Сталинградом. Повалялся по госпиталям. Демобилизовали вчистую. Пошел работать на реку, матросом, потом — рулевым... У нас вся родня с незапамятных времен служит реке, по отцовской и по материнской линиям. Два деда были капитанами, отец капитанил, ну вот и я, и все здесь, на Оке и на Волге. Думаешь иногда: правильно ли это, что наша семья вроде как замкнулась в одной профессии? Образование есть у всех, дел разных в стране много. А мы, чудные, только и знаем одно: пароходный извоз да зимой ремонт в затоне. Не могу даже сказать, где у нас дом. Пожалуй, здесь, на борту. С начала навигации до белых мух так вместе и работаем: мы с женой и сын с женой. Моя жена Нина Александровна, проводница, настолько привыкла вести хозяйство на борту, что иначе и не говорит, как «у нас того-то не хватает, хорошо бы нам то-то и это переделать»... Будто у нас не служба, а и в самом деле дом, только и разница, что больно большой: двести сорок человек каждую кругосветку возим...

Справа по борту, за излучиной, засветилось в темени заревце. Рулевой потянул в рубке за рычажок, и над сонной рекой, множась далекими отголосками, басовито пропел пароходный гудок.

Александр Константинович надел капитанскую фуражку, привычно проверив ребром ладони, правильно ли сидит, извинился: «Сейчас будем приставать...»

Я спустился палубой ниже. В длинном коридоре с номерками кают на дверях было тихо: спали пассажиры. В тамбуре, на плюшевом диванчике, сидела немолодая проводница. Она что-то штопала. Увидев меня, подняла голову, улыбнулась, спросила: «Не спится? Это ничего, бывает в первые день-два... Потом-то будете спать — не добудишься...» «А вы что же? Дежурите?..» «Как вам сказать... Бельишко, видишь, постирали неаккуратно: вон здесь дырочка и там... Пассажир обидится... Разве это порядок?..»

На корме стояла, обнявшись, молодая пара. Я их узнал, видел днем, когда они с сынишкой гуляли в Константинове, на берегу. Это о них мне рассказывал только что капитан: «Вторым помощником на «Лескове» Валерий Качалов, грамотный штурман, окончил недавно Горьковское речное училище... Он здесь тоже всей семьей. Жена у него — медик, врач, нужный на борту человек...»

Семейная традиция, плавучий дом... В самом деле, не оттого ли так по-домашнему тепло на борту парохода?

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

В небольшом служебном кабинете начальника пристани Спасск Дмитрия Семеновича Котова разговаривает, перекликается вся Ока. Ее рабочий, хлопотный день в разгаре, и слышишь, как требует причала для разгрузки баржа с ячменем, как диспетчер Рязанского порта предлагает плавучему крану, едва тот закончит переработку груза в Исадах, перебазироваться в Киструс...

— Николай Иванович, здорово! Как у тебя с погрузкой?

— Тонн двести еще... Давай тоннаж!..

Беспрерывно работает рация. На этом участке реки пристань Спасск — головная. Практически это значит: все, что происходит на Оке на многие километры вниз и вверх по реке,— погрузо-разгрузочные работы, движение пассажирских пароходов, малые рейсы катеров и «Ракет», снующих от берега к берегу,— все это входит в емкое понятие — «навигационный план», который надо выполнять точно каждый день. И тут уж нет да и не может быть у начальника головной пристани своих и не своих географических границ: это, мол, дело — мое, а то — соседа... Река-то с ее хозяйством общая.

— Дмитрий Семенович!— врывается в потрескивающий разрядами эфир озабоченный тенорок,— свяжись с пятьдесят четвертым, узнай, где идут сейчас, почему молчат?..

— Слышу тебя, Дмитрий Семенович, слышу!— солидно похрипывает минуту спустя голос пятьдесят четвертого.— Иду с тремя баржами леса вверх...

И так каждый день, с рассвета до вечера. Трудится, перекликается, входит без спроса, без очереди в служебный кабинет начальника «тихой» пристани боевая и напряженная жизнь реки.

Да если бы еще только это... Вот заходит к Дмитрию Семеновичу хмурый человек. Пришел, развел руками: «Как хочешь, не смогу выйти в рейс... Барахлит катерок... Так что звони, пока не поздно, в Дом пионеров, скажи: на сегодня их экскурсия отменяется...» «Ну, так уж и отменяется!— спокойно говорит Дмитрий Семенович.— Нельзя... Ребята, небось, неделю целую о поездке толковали, готовились, а мы с тобой — отменяется? Ну-ка пойдем, поглядим вместе...»

И уходят. Мне видно, как они идут по мосткам на пассажирский красивый катер, разговаривая на ходу. Оба коренастые, крепкие, настоящие речники-волгари. Не знаю, почему, но я уверен, что ребята из Дома пионеров обязательно поедут на свою экскурсию. Раз начальник пристани Котов обещал... В райкоме партии говорили: «Это кронштадтец — характера железного и души большой... И жизненный опыт у человека — на десятерых. С семнадцати лет на водном транспорте, потом, в девятнадцать, ушел на войну, защищал Кронштадт и Ленинград... К нам, на пристань в Спасск, пришел матросом, с четырьмя классами. И ведь хватило воли — зимами учился, окончил семилетку, техникум, стал судоводителем. Наш Дмитрий Семенович, кажется, все на свете умеет!.. Хозяин, каких поискать...»

Часа два они там провозились на катере, который стоял, покачиваясь, у пристани. Что там делали, не знаю, не могу сказать. Только когда пришли строем на дебаркадер пионеры, веселые, шумные, полные нетерпеливого ожидания речных, солнечных чудес, ждать им не пришлось ни минуты. Начальник пристани уже спокойно сидел в своем служебном кабинете, полном голосов работающей Оки. С кем-то выходил на связь, кто-то его вызывал: «Слушаешь меня, Дмитрий Семенович?..» Правда, руки у начальника были в машинном масле.

Белый катер гуднул, как положено, трижды, отчалил, развернулся, пошел туда, к Проне, к лесным зеленым берегам и песчаным пляжам. Ребята в пионерских галстуках, плещущихся на ветерке, махали нам руками и кричали что-то веселое.

Было на реке очень солнечно.

СИЛА ПРИМЕРА

Академику медицины М. П. Чумакову.

Уважаемый Михаил Петрович! Я с огромным интересом прочитал очерк «...Как будто в бурях есть покой!», опубликованный в № 22 «Огонька». Большое спасибо вам за то, что так сумели сформировать и сложить свою жизнь. Для меня это имеет очень большую практическую ценность. И вот почему.

Я инженер-физик по образованию. Работаю в области радиотехники. В ноябре прошлого года (сейчас мне 27 лет) я оглох. Сразу и полностью. В одну ночь. Судя по всему — навсегда. Так передо мной встала задача, аналогичная вашей, но в значительно более легком варианте (в остальном я железобетонно здоров): научиться радоваться жизни! Заново построить самого себя! Глухота — это одиночество на людях. Это очень страшно. Я сомневался в перспективности моей борьбы: очень мало убедительных примеров в истории. С другой стороны, моя драка с самим собой за самого себя стоила большой крови моим близким. Так что вопрос вставал и так: имеет ли смысл мучить их и себя, будет ли от этого какая-нибудь польза?

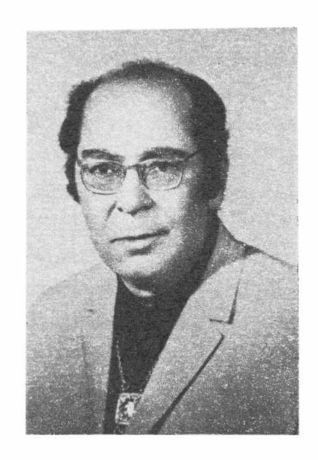
Это не было истерикой. Лишь попыткой твердого расчета. Ваш пример показал мне, что можно со всем этим справиться. Можно стать нужным, необходимым, даже незаменимым. Значит, задача разрешается принципиально, и вопрос только в том, сумею ли решить ее я. Значит, моя борьба не будет проявлением лишь инстинкта самосохранения. Может быть, со стороны это странно и даже смешно, но для меня последнее соображение оказалось решающим. Оно позволило мне остаться человеком в моих собственных глазах. Я не бездарен, и от меня будет польза. Я вам это твердо обещаю. Еще раз большое спасибо вам от меня и от многих десятков таких же, как я. От тех, кто мог искать поддержки только в себе, а нашел ее в вашей мужественной жизни и борьбе.

Сергей ТИХОМИРОВ

Ленинград.

Абд ар-Рахман аль-ХАМИСИ (Египет)

МУЗЫКА ЛЮБВИ

ПАМЯТИ ДАВИДА СИКЕЙРОСА

В Москве звучала музыка любви.
Она жила в паденье снега,
что белой страстью падал с неба
на Ленинский проспект,
жила в движении людей
порывистых и гордых
и согревавших чудный город
своею нежной добротой
не только к ближним,
но и к дальним,
к таким, как я, живущим за морями.
Да, было чудное родство меж нами...
В Москве звучала музыка любви.
И пели в моем сердце соловьи
о том, что выпрямляет души
звонкий свет свободы,
что люди здесь особенной породы
и нету равных в целом мире им.
Я медленно шагал под небом снежно-голубым.
И вдруг известье — молния печали.
Я не поверил. Мне опять сказали,
что ты ушел, да-да, ушел.
В какую дверь? Но разве это важно?
Ушел мой друг. Ушел борец отважный.
Давид Сикейрос... Жуткий миг.
И горло мое ранит крик,
который я не выплесну наружу.
И твердый Мексиканца лик
собою заполняет мою душу.
Да, смерть сильна.
Но в памяти людской
ей не под силу утвердиться.
Он умер. Он для нас живой.
Погас. Но освещает наши лица.
И жизни золотая птица
меня уносит
в тот прекрасный день,
когда плыла по Нилу тень
горячего заката
и мы, два друга,
два солдата
высокой правды,
шли медленно
над древнею волной.
Виолончелью мне казался
голос твой,
поющий ненависть к тиранам,
а грудь вздымалась огненным вулканом,—
дыханья ветер ребра сотрясал.
Словами, словно кистью, рисовал
ты яркую картину.
И видел я:
народная река
смывает угнетения плотину...
Давид Сикейрос,
верный друг мечты,
не верю я в падение звезды.
Оно лишь злая выдумка незрячих.
И мысленно я набираю номер твой.
И в трубке — голос. Ты живой!
Ты будешь жить!
Твоих картин заря
не кончится закатом.
И даже мертвые моря
она разбудит
огненным набатом.
Ярчайших красок
песня о борьбе
продолжит свой полет
над миром.
И ты останешься в сердцах
живым, неувядающим кумиром.
Над Ленинским проспектом —
белый снег.
И льется с неба в сердце свет
звезды по имени Сикейрос.

ФАРУЗ[1]

Я — Фаруз,
я — Фаруз,
я — очи Египта,
в короне столетий —
два изумруда.
Я был, и я буду.
Я — Фаруз!
Я — парус,
и вихрь — родня мне.
Я создан из страсти
берега к морю.
Объятия волн
и жаждущей суши
теплом согревают
озябшие души.
Я — Фаруз,
я — Фаруз!
Рассветы мои,
как цветущие ветви,
а ночи мои,
словно чаши хмельные.
Я вдаль отправляю
крылатые лодки,—
летите, родные,
летите, родные,—
пока не надвинется
черною тучей
флот Александра,
смертью груженный.
Дерево жизни.
Огонь вместо кроны.
Каждый мой сын —
полыхающий ветер,
дочери — яростней
огненной лавы.
Прими в себя, бездна,
незваного грека
вместе со славой,
бессмертною славой.
Но слишком неравными
были силы.
Последний защитник
у края могилы.

* * *

Багровые волны.
Кровавая пена.
Ликуют греки.
Молчит сирена.
И смерть вручает
бессмертья орден
в бою погибшим,
а не ордам.

Перевел с арабского Георгий АШКИНАДЗЕ.

[1] Фаруз — селение, захваченное войсками Александра Македонского. На его месте возник порт Александрия.

СО СМЕРТЬЮ НЕ СОГЛАСЕН...

Евгений Павлович — Г. Тараторкин, Борис Иванович — А. Папанов в фильме «Дела сердечные».

О службе «Скорой помощи» рассказано много. Как сделать так, чтобы зритель словно впервые понял, сколь нелегок и прекрасен этот труд? Перед постановщиком фильма стояла непростая задача: ведь он снимал не подвиг, а просто будни...

Необыкновенность будничности и определяет главное в фильме «Дела сердечные», поставленном режиссером А. Ибрагимовым по сценарию В. Кунина и С. Ласкина на студии «Мосфильм».

Город, знакомый и неузнаваемый, сказочный и обыкновенный, открывается с первых же кадров фильма. М. Пилихина не только один из авторов фильма, коим по праву считается оператор: она создает образ города, образ Москвы в только ей присущей манере.

Мчится по ночному городу, мигая пронзительно-желтым огнем, «рафик» с цифрами «03» на борту; это тридцать третья инфарктная бригада едет на вызов. Вызовов в эту ночь будет много. Нам и суждено увидеть лишь эту ночь и, наблюдая за ее событиями, разобраться, что же станет главным в буднях этих усталых людей, без устали спешащих на призыв о помощи...

«— Я постоянно ловлю себя на несогласии со смертью»,— немного позже скажет, быть может, несколько патетично, но очень убежденно врач Евгений Павлович — один из тех, кто составляет бригаду.

Ощущение своей постоянной нужности людям, важности своего дела — вот, пожалуй, главное в этих четверых. Лида, Наташа — фельдшеры, Борис Иванович — шофер, Евгений Павлович — врач; таков маленький коллектив тридцать третьей со своими хлопотами и заботами, радостями и огорчениями.

Есть здесь даже и любовный треугольник — Лида любит Евгения Павловича, он любит Наташу. А Наташа хоть и неплохо относится к Евгению Павловичу, но, похоже, пока больше всех любит себя. Четыре судьбы, четыре интересные актерские работы. Евгений Павлович — Г. Тараторкин играет героя, не скрывая своей любви к нему. Герой интеллигентен в самом высоком значении слова.

Борис Иванович А. Папанова — один из тех, кому в трудную минуту не приходится долго объяснять, где и чем надо помочь: в нем можно быть уверенным — не подведет.

Е. Маркова показывает свою Наташу мягко, даже с некоторой симпатией... Такая Наташа, какую играет актриса, оставляет нам надежду, что она когда-нибудь поймет наконец то, что составляет смысл жизни Евгения Павловича, Лиды...

В исполнении А. Шурановой Лида — человек очень цельный; благодаря игре актрисы мы видим женщину со своими привычками, взглядами, вкусами, со своей неуютностью, неудачной любовью, но вполне удачной работой, удачным делом.

Тема работы, тема вполне конкретного дела — главная в картине. И воплощена она постановщиком фильма со скрупулезной точностью и внимательностью к деталям, к их изображению.

Л. ЛУКЬЯНОВА

ПРЕМЬЕРА «КОЛДУНОВ»

Пьеса М. Сторожевой «Колдуны» опубликована в одном из прошлогодних номеров журнала «Театральная жизнь». Действие происходит в маленькой деревушке Колдуны, отделенной от станции многими километрами дорог. Жизнь здесь течет размеренно, спокойно, и кажется, что треволнения сегодняшнего века обходят ее стороной. Однако, чем дальше читаешь пьесу, тем больше убеждаешься, что жизнь колхозной бригады отражает изменения, которые нынче происходят в нашем обществе. В «Колдунах» речь идет о том, что земле нужны не просто рабочие руки — нужны люди, преданные ей.

Вероятно, именно своей остротой, современным поворотом темы и привлекла пьеса коллектив театра в городе Вышний Волочек, поставившего «Колдунов» на своей сцене (режиссер П. Пружанский).

Театр правильно передал настрой пьесы. В центре спектакля — человек, немало выстрадавший, но навсегда сохранивший любовь к земле. Образ Александра получился значительным, самобытным и ярким.

В разговоре со своим племянником Александр (артист О. Грязнов) произносит: «Потвоему, в деревне живут одни бесталанные? Нет, Евгений, земле тоже нужны таланты. Талант — ключ от любого дела, от земли — тем паче».

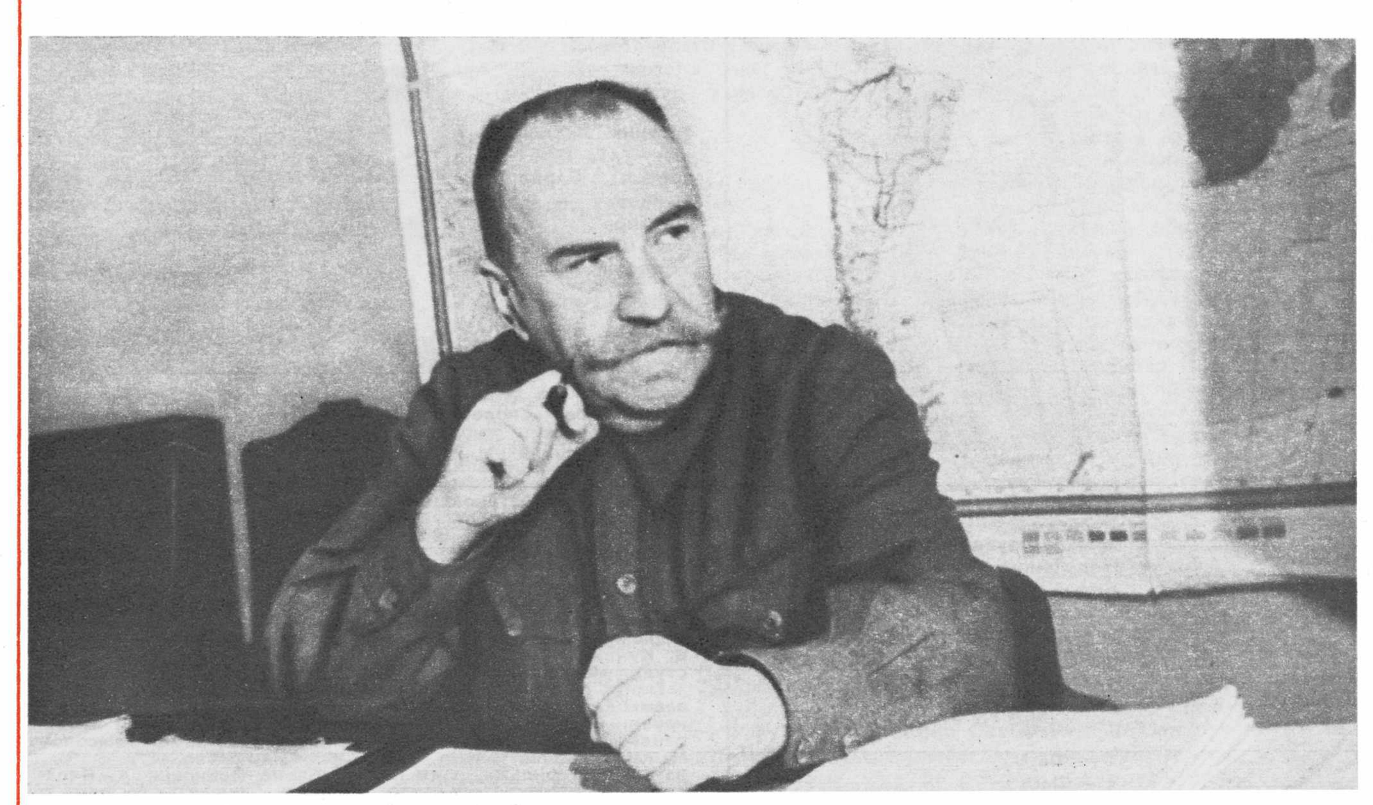
Б. САМАРИН

На снимке: О. Грязнов в роли Александра.

Фото И. Шлугер.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. В. ВИШНЕВСКОГО

А. В. Вишневский в годы Великой Отечественной войны.

ПОДВИГ УЧЕНОГО

Александр Васильевич Вишневский стоит в саду между двумя зданиями: одним — приземистым, старинным и другим—17-этажным, стекло, алюминий, воплощение современнейшей архитектуры. На хирурге — рубаха с короткими и широкими рукавами (так удобнее работать), треугольник передника, сильные руки вытянуты чуть-чуть вперед. Предстоит операция. Очередная. Одна из многих тысяч.

Таким воплотил знаменитого врача Сергей Коненков. К слову, были они оба — и ученый и художник — одногодками: обоим в нынешнем году исполнилось бы по сто лет. Но их объединял не только возраст — «способность различать малейшие нюансы света и оттенков, как у лучших художников, чувство формы и гармонии тела, как у лучших скульпторов». Это сказано о медике. И о нем же: «Нужно было видеть хотя бы только раз высокое мастерство этого хирурга, посмотреть, с каким искусством анатома-художника он производил сложнейшие операции, чтобы понять, как велика заслуга Александра Васильевича перед страждущим человечеством».

Но бывают и неудачи. Мне приходилось слышать о них и от Александра Васильевича. «Понимаете,— говорил он,— у вас, литераторов, напишешь плохо — покритикуют, побранят, конечно, неприятно, а у нас плохо — это смерть, смерть человека, который больше всего на свете надеялся именно на тебя...»

Тут, однако, уместно добавить кое-что о надежде. За шесть месяцев на одном лишь из наших фронтов Великой Отечественной войны медики вернули в строй столько солдат и офицеров, что из них можно было бы сформировать несколько десятков дивизий! Один из членов союзнической миссии, услышав об этом, воскликнул: «В руках русских хирургов русский солдат в безопасности!»

К числу таких кудесников принадлежал и Александр Васильевич. Всю войну, несмотря на преклонный возраст, оперировал он раненых, причем наиболее тяжелых. Таков уж был характер этого человека. Но главная его заслуга в другом. За несколько десятилетий до войны он предложил ряд таких методов хирургического лечения, что казалось, заранее в точности предвидел, с какими трудностями столкнется человек со скальпелем в руках на полях грядущих сражений. Продумал все до мельчайших деталей. Замыслы, о которых здесь идет речь, зародились в Сибири, Сарапуле, Самаре, Казани, в глухих сельских и участковых больницах, где трудился он земским врачом. Впрочем, бывал Вишневский и за границей в научных командировках, работал в клиниках Берлина, Гейдельберга, Парижа, в Пастеровском институте у великого И. И. Мечникова.

Справедливости ради надо заметить, что новации Александра Васильевича далеко не всегда встречали у его коллег на родине положительный отклик. Мало того, измученный бесконечными нападками «доброжелателей», он иногда, приступая к очередному сообщению о своем научном открытии, а было их у него много, предупреждал: «Заранее знаю, что мои слова встретят у многих из вас взрыв негодования». Произносилось это обычно негромким и почти бесстрастным голосом. За этой фразой, кроме переживаний и горечи, стояла твердая уверенность в правоте своего дела. Но не только в этом заключалась отвага ученого-хирурга.

У Александра Васильевича тяжело заболела жена, требовалась сложная полостная операция. Муж предложил жене свою помощь. Она дала согласие. В помощники себе он взял сына Александра, уже тогда доктора наук, профессора, хирурга. И вот стояли они вдвоем: отец и сын — над самым близким и дорогим для них человеком. Кроме первого укола маленькой тонкой иглой, больная ничего не должна почувствовать. Таков один из методов местного обезболивания, изобретенного Александром Васильевичем. Операция прошла блестяще.

Хирурги с мировым именем, например Кристиан Бернард, пересекают океан, чтобы познакомиться с идеями и открытиями известного русского ученого в институте его имени, которым руководит сын Александра Васильевича, ныне столь же, как и отец, знаменитый.

Года два тому назад прохожие обратили внимание на зрелище, напомнившее далекое фронтовое время. За оградой двух зданий по Большой Серпуховской появились каталки, носилки, забинтованные люди, санитары, медсестры. Шла съемка нового фильма о Великой Отечественной войне? Нет. Институт переезжал из старого в новое здание. А в далекие военные годы подобное зрелище было обычным: с вокзалов, аэродромов днем и ночью мчались сюда, на Большую Серпуховскую, в клинику, санитарные фургоны с ранеными фронтовиками.

В дневнике сына ученого я прочитал такие строчки: «Послал в Москву отцу замечательного парня, летчика с начальной формой гангрены». Таких парней Александр Васильевич «получал» тогда великое множество и в конце концов был вынужден переселиться в клинику, ночевать у себя в кабинете. В том же дневнике написано: «На фронте меня остановил солдат и сказал: «Я лежал в Москве в госпитале ВИЭМ. Ваш батюшка делал мне операцию, вынимал осколок. И во время операции спрашивал, не видел ли я случайно на войне вас. Вот и встретились».

Оказывавшиеся проездом в Москве фронтовые хирурги обязательно забегали к своему учителю на Большую Серпуховскую.

«Отец живет у себя в кабинете, мать, жена, дети и сестра в Казани, все живы и здоровы. Отец рассказывает о своих работах по лечению инфицированных ранений коленного сустава. Завтра будет оперировать. Посмотрю. Спать легли тут же, в кабинете. Утром смотрел операцию отца». Это запись из того же дневника. Но такие же строчки можно встретить в блокнотах сотен врачей.

И в заключение еще один штрих характера этого ученого. Изучая жизнь родоначальника династии Вишневских, я прочитал отчет Александра Васильевича об уникальных операциях во время первой мировой войны. Отчет был сделан А. В. Вишневским на собрании ученых-хирургов. И когда я напомнил об этом Александру Александровичу, он подтвердил, что когда-то отец приносил из госпиталя осколки, пули, удаленные из тел русских воинов. За годы Великой Отечественной войны хирурги Вишневские провели не одну такую операцию, сохранив жизни тысячам и тысячам героев, защищавших Родину от фашистских захватчиков.

З. ХИРЕН

Джакомо Черути. ДВОЕ НИЩИХ, Пинакотека Тозио и Мартиненго. Брешиа.

Джакомо Черути. ПРЯХА.

Собрание Финарте. Милан.

Эрнест ЛЕМАН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЛАДКИЙ ЗАПАХ УСПЕХА

2

Небо мрачнело, гром гремел все ближе. Я прибавил шагу, чтоб успеть в редакцию «Глоб» до дождя. От тротуаров поднимались испарения, воздух был насыщен выхлопными газами. И все равно здесь дышалось легче, чем в помещении, провонявшем старыми газетами, грязными стенами и дешевой туалетной водой Глории. В новой конторе у меня непременно будет толстый ковер, роскошная мебель из мореного дуба и вообще весь воздух будет пронизан сладким запахом успеха.

Поднимаясь в лифте на двадцать второй этаж, я снова почувствовал в горле этот ледяной ком напряжения, который всегда появлялся перед тем, как взять в руки гранки очередной рецензии Хансекера. Каждый раз теплилась надежда, что он и меня не забыл... Ну, а если и забыл? Я знал, что все равно не перестану ему угождать... Только скоро все изменится. Неуверенность останется в прошлом. И даже Мэри окажется, по-видимому, не нужна.

Когда я вошел, Мэри говорила по телефону. Она увидела меня и просияла.

— Он?— Я указал пальцем на телефон.

Мэри покачала головой и прошептала:

— Он еще спит.

Я слонялся по комнате, разглядывал развешанные на стене фотографии Хансекера, играющего в гольф с тузами Бродвея и Голливуда, намеренно не глядя в сторону гранок на столе.

Наконец Мэри повесила трубку.

— Привет, дорогуша.

Я повернулся и угостил ее поцелуем.

— Случайно проходил мимо.

— Да?— Она встала, с беспокойством заглядывая мне в глаза.— Случайно?

Я заключил ее в объятия, почувствовав при этом, что моя рубашка насквозь промокла от пота.

— Как дела, голубка?

— Капельку сержусь,— пробормотала она. Ее губы были солоноваты на вкус. Я разжал объятия и отошел к окну.— Почему ты не пришел, Сидней? Я прождала тебя дома всю ночь. Ты ведь обещал прийти. Что случилось?

Я вытер губы рукавом.

— Засиделся допоздна в конторе,— сказал я, обращаясь к окну.— Ведь ты сама знаешь, что такое работа.

Честно говоря, она еще этого не знала.

— Но, Сидней, разве ты не мог по крайней мере позвонить мне и сказать...

— Детка!— Я посмотрел на Мэри.— В такую жару и — спорить!

Она тут же оказалась возле меня, умиротворенно улыбаясь и теребя мой галстук.

— Я не спорю, дорогой. Просто хочу, чтоб ты знал, как я по тебе скучаю, когда ты не звонишь, вот и все. Конечно, глупо тебе об этом говорить, но такая уж я, Сидней,— она вдруг отвернулась,— дуреха.

Я взглянул на свои часы.

— Ну...

— Ты не хочешь посмотреть рецензию?

Я пожал плечами.

— Ладно.

Я медленно приблизился к столу, стараясь чтобы каждое мое движение участвовало в хорошо продуманном ритуале безразличия, и взял гранки.

Сколько б я ни убеждал себя, что это всего лишь листок бумаги, испещренный буквами, что эти слова, как и вчерашние заголовки газет, скоро будут забыты,— все без толку. Ведь я знал, каким весом обладают повсюду эти слова. Видел, как яростно воюют друг с другом так называемые здравые люди за каждый ломтик этой молодой, разрастающейся империи успеха.

Однако сегодня я не собирался себя в этом убеждать. Бегло просматривая рецензию и отыскивая знакомые буквы, с которых начинались фамилии моих клиентов, и не найдя ни одной из них, я, можно сказать, не почувствовал обычной горечи оставленного за бортом. Теперь горечь была сдобрена оптимизмом и приукрашена мечтами о будущем. Меня подвергали наказанию, я знал об этом, но не возражал. Единственным убедительным для меня образом мне давали понять, что это будет моим уделом до тех пор, пока я не освою науку угождать Хансекеру.

Я не собирался затягивать с освоением этой науки.

— Когда он сегодня утром лег?— спросил я, не поднимая глаз от рецензии.

— В десять тридцать,— ответила Мэри.— Ты б его только послушал сегодня, Сидней. Он...

— Значит, сегодняшних дневных выпусков он не видел, да?

— Нет, не видел. Он отправился прямо спать. В одиннадцать я звонила ему домой, и Никко сказал, что он крепко спит.

— Понимаю.

— Ты б только послушал его сегодня утром, Сидней. Как его беспокоят Сьюзен и этот парень! Минут тридцать об этом говорил, хоть у самого в голове уйма важных забот. У меня рука с трубкой онемела. Сегодня он советовался со мной, не послать ли ее на годик за границу. Ты ведь знаешь, что она собирается бросить колледж. И я, честно говоря, ее не обвиняю. По-моему, это здорово — быть влюбленной, пока ты молода. Мне кажется, если двое друг друга любят, они непременно должны пожениться. Верно, Сидней?

— У-гу,— буркнул я, не отрываясь от гранок.

— Не могу понять, что шеф может иметь против Стива. Ну и пусть он беден, пусть молод и еще только пробивает себе дорогу. Какое это имеет значение? Для меня бы не имело. Плевать я на это хотела, Сидней...

— Что касается рецензии...— я поднял голову,— кто является пресс-агентом Херби Темпла?

— Херби Темпла? Насколько мне известно, никто. А что?

— Тогда откуда такая реклама?— Я указал рукой на гранки.— Как это сюда попало?

Она, казалось, ничего не понимает.

Я зачитал:

«Прошу извинить нас, если вы знаете более веселого комика, чем Херби Темпл из «Викинг-шоу». Мы лежали замертво от смеха и других фамилий не расслышали».

— А, это! Шеф позавчера видел его и стал мне нахваливать, а я сказала: «Почему бы вам не упомянуть его в своей рецензии? Могли бы сделать доброе дело». Он так и сделал. Вот и все.

Я хмыкнул.

— С каких это пор он утруждает себя присутствием на выступлениях тех, кого восхваляет?

— Не наглей.— Она надула губы. Потом улыбнулась:— В конце концов он мой босс, а я и так многим рискую, допуская тебя к гранкам.— Улыбка исчезла.— А ведь похоже, мне до конца дней будут нужны и босс и работа.

Я швырнул гранки на стол.

— Побежал.

— Так быстро?

— Дела, дела.

— Сидней...— окликнула она.

— Пошли. Проводишь меня до лифта.

— Может позвонить телефон.

— Он-то спит.

В коридоре она взяла меня под руку.

— Сидней, что-нибудь... не так?

— Не так? Что ты подразумеваешь под этим «не так»?

Она отвела глаза.

— Ну, понимаешь... между нами.

Я нажал кнопку.

— Конечно же, нет, душка.

— Мне кажется, в тебе происходят перемены.

Я засмеялся.

— Старею.

— Я тоже,— кивнула она, но не улыбнулась.

Окно в конце коридора озарилось вспышкой молнии.

Если не потороплюсь, меня может захватить дождь.

С неба уже срывались крупные капли. Я вскочил в такси и дал водителю адрес своей конторы.

— Постойте,— спохватился я,— не возражаете, если мы проедем по 54-й улице?

— Вы же из своего кармана будете платить, не из моего,— пожал он плечами.— Да мне хоть через Канарси.

Теперь небо разверзлось потоками ливня, и прохожие суетились в поисках укрытия.

— Что вы думаете об этих «Доджерсах»?— спросил водитель.

— У вас нет случайно газеты?

— Конечно, есть. Пассажиры их всегда оставляют. Вот.

Он протянул мне газету.

Я развернул ее на странице, рекламирующей зрелища.

— В ней еще нет последних результатов. Но я могу вам сказать, что «Янки» и «Гиганты» проиграют. «Брукс»... ну, те выиграют. Семь к одному, что они побьют «Пиратов».

«Викинг-шоу» начиналось в 6.38.

Через окошко я вернул газету водителю.

— Спасибо.

— Как они сейчас играют, так, глядишь, черти, второй вымпел отхватят. Что вы на это скажете?

— Что?

— Эти «Доджерсы». Так они смогут и...

— Меня не интересует бейсбол,— отрезал я.

— Я только говорю...

— Послушайте, мне это совсем неинтересно,— перебил я.— Может, помолчим?

Продолжение. См. «Огонек» № 35.

— Хорошо, мистер.— Он обернулся и посмотрел на меня.— Хорошо.

— Пожалуйста, около «Элизиана» помедленней.

— Как прикажете.

Нахохлившиеся прохожие столпились под навесом «Элизиана», с надеждой ожидая такси. Справа от входа стояла рама от афиши, где последние четыре недели красовался неотразимо прекрасный мягкий профиль Стива Далласа, с простой подписью в одном углу: «Каждый вечер... В обед... За ужином». Все в «Элизиан рум» было выполнено с большим вкусом, даже афиша. В основном это и предлагал Эмиль Ван Клив — иллюзию, что каждый посетитель автоматически приобретает хороший вкус, присущий этому заведению. Иллюзия в любую минуту могла развеяться, как дым, поэтому лелеять ее надо было очень заботливо.

Теперь рама пустовала. Стива Далласа убрали. Его смыло зловонной волной скандала.

— Поехали,— бросил я водителю.— Полный вперед.

Хорошо, что он не обернулся. Должно быть, я представлял собой глупое зрелище: мужчина с улыбкой на потном лице, развалившийся на заднем сиденье медленно ползущего сквозь августовский ливень такси.

Улыбка исчезла, когда я шел по коридору в свой кабинет.

Вошел я стремительно, будто нуждался в инерции, чтоб взять с ходу трудный барьер. А уж потом будет слишком поздно оглядываться.

Она увидела меня сразу.

— Сьюзен, душка...— У меня пересохло во рту. Она встала с дивана.— Ты давно меня ждешь?— Я взял ее за руку. Она оказалась холодной.

— Нет. Я хочу с тобой поговорить.

Голос был еще холодней.

— Ну, конечно же. Сейчас буду твой. Через пару минут. Посиди здесь.

Я осторожно посадил ее на диван и повернулся к Глории.

Та была как мел.

— Пройдите, пожалуйста, ко мне,— бесцветным голосом сказал я.

Она вошла вслед за мной. Я притворил дверь и повернулся к ней.

— Разве я не предупреждал вас, что меня не будет весь день?— злобным шепотом прошипел я.

— Я ей говорила,— оправдывалась Глория,— но она мне не поверила. Сказала, что подождет.

— Могли бы мне позвонить. Вы ведь знали, где я.

— Но... Я не думала...

— Ах, вы не думали? Вы вообще никогда не думаете. Вот в чем ваша беда. Так вот послушайте: вам лучше поторопиться и подумать... о своем будущем.— Я отвел глаза.— Я же так больше не могу.

Она всхлипнула.

— И нечего плакать. Не поможет,— отрезал я.

Она молча стояла передо мной.

— Только этого мне сегодня не хватало — слез.— Ее губы дрожали.— Ну, что ж, валяйте, теперь уже слишком поздно: пригласите ее войти.

— Да, мистер Уоллес.

Она поспешила к двери.

Я повесил пиджак и ослабил галстук, словно это могло облегчить мое положение.

Она решительным шагом вошла в мой кабинет.

— Сьюзен, душка, я весь в твоем распоряжении.

Так и веяло холодком от ее черного платья и загорелого лица, обрамленного золотыми волосами.

— Тебе повезло: я передумал и решил вернуться. Садись и рассказывай. Что ты делала? Обо всем мне расскажи.

— О, Сидней.— Она подошла ко мне и заглянула прямо в глаза.— Зачем ты это сделал? Как ты мог совершить такую глупость?

Я выдержал ее взгляд. Она была все так же очаровательна, только в лице застыла суровинка. Провести лето в Нью-Йорке, с Харви...

— О чем это ты?

— Не надо,— нетерпеливо перебила она.— Не надо. Думаешь, я не знаю? Думаешь, Стив не знает? Во мне уже перекипело. Я поражаюсь, что ты надеешься, будто тебе это пройдет, будто это что-то изменит в наших отношениях.

Я зажег сигарету.

— Тебе должно быть известно, что Харви не любит, когда ты сюда приходишь,— напомнил я.— Ты ведь знаешь, как он рассердится.

— Перестань, Сидней.

— Что перестань?

— Перестань строить из себя жалкое подобие моего брата. Тебе это не дано — не те способности. Вот я и пришла предупредить тебя: не строй из себя второго Харви Хансекера.

— Ты считаешь, что держишь себя пристойно?

— И вот что еще: у тебя хватает наглости самому делать грязную работу. А может, это потому, что ты еще не слишком большая шишка и не можешь себе позволить нанять чернорабочих? Или тебе не хватает опыта? Но это дело наживное.

— Присядь, Сьюзен,— предложил я, чувствуя в груди тяжелые удары сердца.— Ты действуешь мне на нервы, расхаживая взад-вперед, как дикий зверь.

— Сяду, когда мне захочется!

— Ты ведешь себя, словно ребенок,— сказал я,— словно маленький ребенок, который злится, что не все делается, как он хочет.

— Все это касается меня!— резко обернувшись, с жаром воскликнула она.— Это ведь моя жизнь! Мы со Стивом любим друг друга и собираемся пожениться. Да, мы поженимся! — Она бросила это прямо в меня.— И вот тебе мой совет, Сидней: ты это брось, не трать зря силы. Нам ты помешать не сможешь. Нам ничто не сможет помешать. Мы поженимся, даже если теперь Стив не сумеет заработать на эстраде ни одного доллара. Он откажется от своей карьеры. Займется чем-нибудь другим, чем угодно. Ни ты, ни Харви никогда нас не поймете. Так что, Сидней, не вздумай нам помешать. Предупреждаю тебя! Все это имеет для меня слишком большое значение!

Она отвернулась и закрыла лицо ладонями. Теперь передо мной был испуганный ребенок, маленькая девочка, произносящая длинные, умные речи. Я выбрал момент, чтоб подойти к ней и обнять ее за плечи...

— Послушай, деточка,— примиряюще заговорил я.— Послушай меня.

Она судорожно вздрогнула и вырвалась.

— Не трогай меня!

— Хорошо, Сьюзен, не буду.

Я пожал плечами, подошел к окну и стал наблюдать за уходящей тучей. Теперь она висела где-то над Лонг-Айлендом, и с неба падали последние капли. Казалось бы, в комнате должно посвежеть, но ничего подобного: тут было жарко и душно, как никогда. Я сел за стол и снова попытался ее вразумить:

— Ты должна кое-что понять относительно Харви.

Она обернулась.

— Так объясни же мне!— с вызовом воскликнула она.— Конечно же, мы не росли с ним в одной семье, и я никогда не слышала, что говорят о нем другие, и, наконец, не провела с ним в Нью-Йорке все лето! Я ведь всего лишь его сестра... Итак, объясни мне, Сидней.

Я покачал головой, не принимая ее вызова.

— Будет хуже всего, если ты дашь понять Харви, что он совершил ошибку. Если хочешь одержать над ним верх, ты должна оставить для него лазейку, позволить сохранить свое лицо.— Я на мгновение замолк.— Ну, и я искренне убежден: он понимает, что вел себя не совсем умно...

— Не надо.— Она затрясла головой.— Не надо.

— ...и если ты дашь ему время, время и возможность с честью отступить, я уверен...

— Как, Сидней?— Она с насмешкой взглянула на меня.— Как ты все это себе представляешь?

— Предположим...— Я встал.— Если б ты на какое-то время уехала...

— Ну, ну, я слушаю.

— ...путешествовать по Европе. Ты ведь там никогда не была, верно? Или даже вокруг света...

— Восхитительно!— Она разразилась злым смехом.— Прямо-таки зря таланты пропадают! Вам обоим пора на сцену.

— Послушай...— С меня было довольно.

— Нет, ты послушай, Сидней.— Она положила ладони на стол. Ее глаза сверкали.— Ты все еще глубоко заблуждаешься, недооценивая меня. Я вижу, что меня ты знаешь так же плохо, как знаешь Харви.

Я рассмеялся прямо ей в лицо. Даже в жар бросило. Это я-то плохо знаю Харви? От такого и в духоту бросит в жар.

— Может, тогда ты мне о нем расскажешь?

— Ты не видел его лица в тот первый вечер нашей встречи в «Панаманиане», когда Стив подошел к нашему столику и пригласил меня потанцевать?

Если б только она ему отказала в тот вечер...

— Неужели ты не помнишь, Сидней, что с ним было, когда я случайно встретилась с тобой на Пятой Авеню и попросила повести меня куда-нибудь перекусить, а ему об этом кто-то доложил?

Да, я помнил. Он взбесился, взбесился неизвестно почему.

— Я так и не пойму, какое все это имеет...

— Очень жаль, что тебя в тот вечер с нами не было. О господи, когда я об этом подумаю... я вспоминаю... Мы тогда жили в Чикаго. Мне было пятнадцать, и один парень провожал меня домой с вечеринки. Харви открыл дверь в тот самый момент, когда мы целовались в парадном. Того парня звали Фредди Мидли. Этого я никогда не забуду. Никогда не забуду взгляда Харви, его вопля. Он бросился на бедного парня и стал колотить его головой о каменный пол, будто хотел убить. Это было ужасно, Сидней. И он бы обязательно его убил, даже не сознавая, что делает, если бы на крики не прибежал лифтер. А мне Харви не сказал ни слова. Ударил по щеке и закрылся у себя. Потом несколько недель со мной не разговаривал.

— Сьюзен, послушай...— Я ерзал на стуле.

— Сидней,— она приблизила ко мне лицо,— почему ты думаешь, что Харви вообще когда-нибудь захочет, чтоб я вышла замуж?

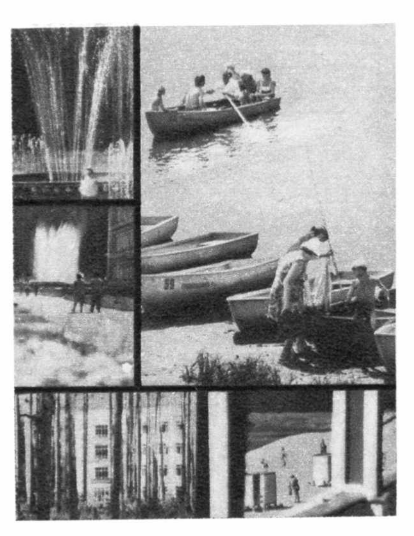
— Не мели чепухи.

— Неужели ты думаешь, до него когда-нибудь дойдет, что я уже не та пятнадцатилетняя девчонка и что он больше не сможет запрятать меня в сундук? До каких же пор мне быть сверкающей иконой, непорочной девой? Взгляни на меня, Сидней.

Я не мог этого сделать.

— Почему он всегда устраивал меня в шко-

К ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Недалеко от города Горького в сосновом лесу, на берегу притока реки Ветлуги — Старицы, расположен дом отдыха автомобилестроителей «Лесной курорт». Здесь можно отдыхать всей семьей, с детьми. Недавно тут вступил в строй еще один корпус — четырехэтажный, каменный, с комфортабельными комнатами. К услугам гостей — пляж, водная станция, спортивные площадки, большая библиотека.

Фото Дм. Бальтерманца.

лы для девочек, те же самые монастыри? Почему он, когда я захотела поступить в колледж с совместным обучением, настоял, чтоб я шла в женский колледж?— Она дотронулась до меня рукой.— А почему он, когда я этим летом приехала в Нью-Йорк, не разрешил мне жить в отеле? Зачем он разорил свой великолепно обставленный кабинет и превратил его в мою спальню? Чтоб я все время находилась под присмотром его бдительного ока?!

Я молчал.

— Почему, Сидней?— требовала она.— Скажи мне, п о ч е м у?

Передо мной возникло искаженное гневом лицо Хансекера, а в ушах стояли вопли жертвы и тот отвратительный звук, когда ударяют головой о каменный пол.

— Что значит это твое почему?— Я придал своему лицу выражение отчаянного гнева.— Он всегда печется о твоем благе — вот почему. Да потому, что он тебя любит!

— Любит!— вырвалось из нее как вопль.— Он всегда мне то же самое говорит. Послушайся моего совета, Сидней, я теперь всем даю этот совет: сделай все от тебя зависящее, чтоб не оказаться младшим ребенком в семье. Чтоб твои родители не были для тебя лишь смутными воспоминаниями и заботливо ухоженными могилами. Братья в родители не годятся. Особенно такие, как Харви Хансекер. Вот почему я стараюсь навсегда от него избавиться. Пусть он сживет Стива со сцены. Пусть загонит меня на край света и лишит сомнительной выгоды называться сестрой знаменитости. Я выхожу замуж, Сидней. Завтра!

Я вскочил со стула.

— Завтра!

— Да!— Она истерично расхохоталась.— Удивлен, а? Я не собиралась тебе об этом говорить.— Она взяла в руки свою сумку.— Харви я ничего не скажу.

— Ты убьешь его.

— Тебе, Сидней, я сказала только потому, что вижу, как плохо ты разбираешься в людях. Ты считаешь, что нас еще можно вспугнуть, и способен совершить любую глупость. Только все без толку. Так пусть же теперь развеются все твои сомнения!

Она вручила мне бумагу.

Это было свидетельство о браке. Оно вступало в силу завтра. Я уставился на ужасные в своей неотвратимости слова, отпечатанные на бумаге.

— Сьюзен, послушай...

Мне не хватало воздуха.

— Перестань! — перебила она.— Скажи: «Я тебя поздравляю», пожелай мне счастья. Прошу тебя. Я хочу, чтоб хоть кто-нибудь мне это сказал. Хоть раз. Прошу тебя.

— Тебе так хочется испортить парню жизнь? Ведь Харви никогда не успокоится. Знаешь, что будет с Далласом, пока Харви выдохнется? Неужели надеешься, что этот парень сможет в таких условиях тебя любить?— Я быстро подошел к ней и взял ее за руку.— Не делай этого, голубушка. Обожди немного. Дай мне время, я поговорю с Харви. Только дай мне время. Не убегай с этим парнем. Харви тебе никогда не простит...

— Никогда не простит м н е? Или т е б е? Вот что тебя так тревожит.

— Сьюзен, ты должна мне пообещать...

— Сидней.

Я умолк.

Она жалила меня своим взглядом.

— Брось играть с ножом,— сказала она.— Ты для этого не создан. Обрежешься.

Она вырвала свою руку и выскочила за дверь.

Я вышел вслед за ней.

— Ты сама не знаешь, что делаешь...

— Впервые в жизни я это знаю!— обернувшись, крикнула она.— И я никогда не прощу тебе, Сидней, что ты не пожелал мне счастья. Ты еще не знаешь, на что я способна!

Я стоял и смотрел ей вслед, этой хрупкой девчонке, игравшей во взрослую игру. Я не догнал ее, потому что от этого могло быть только хуже: в таком возрасте их лучше не трогать. Вся беда, что в таком возрасте они живут не головой, а сердцем, пока их не научит жизнь.

Я повернулся к Глории:

— Соедините меня с Ирвином Спэном.

— Что-нибудь...

— Побыстрее.— Я прошел к себе и сел за стол. У меня дрожали руки. Я думал о том, что будет, если окажется, что у Стива Далласа отсутствует здравый смысл. А у меня было предчувствие, что он у него отсутствует — парень был слишком молод. Но долой сантименты.

Я ждал. Наконец вошла Глория.

— Мистер Спэн не желает с вами разговаривать,— сказала она, при этом как-то странно меня разглядывая.— Он говорит, что это бесполезно. Говорит, пытался это сделать, но безуспешно, и теперь ему вам нечего сказать.

— Ладно,— тупо ответил я.

— Звонила Мэри, пока у вас было... совещание...

Я поднял голову.

— Она сказала, что мистер Хансекер проснулся. Через час он завтракает у Бейба Сканлона.

Я взглянул на свои часы.

— Он хочет, чтоб вы позавтракали вместе с ним.

— Хорошо,— кивнул я, уставившись невидящим взглядом в окно.— Я там буду.

Сейчас самое главное вести себя так, будто все в порядке и идет, как задумано. Дело еще не закончено. Еще предстоит пасть до...

Я снял с вешалки пиджак.

— Мистер Уоллес?

— В чем дело?

— Теперь я могу уйти домой?

— Нет. Я вам еще позвоню. И когда вы, Глория, возьмете трубку, молчите и только слушайте. Ясно? Только слушайте.

— Да, мистер Уоллес.

Почему это я должен себя недооценивать, раньше времени поднимать руки? И почему бы не заглянуть по пути к «Викингам»?

Продолжение следует.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА.

ЗА СТРОКОЙ

Б. КРАВЦОВ,
прокурор РСФСР,
Государственный советник юстиции I класса

Судебный процесс по делу бандитской шайки, несколько лет орудовавшей в Ростове-на-Дону, привлек внимание широкой общественности. В печати уже рассказывалось и об этой шайке и о героизме советских людей, самоотверженно вступивших в борьбу с бандитами.

Корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский попросил прокурора РСФСР Б. Кравцова прокомментировать это необычное уголовное дело, высказать свои соображения об ответственности тех, кто стоит за строкой приговора.

В зале суда, где происходил судебный процесс, сидели сотни людей. На их лицах — гнев, возмущение, боль, стыд. И тяжкие раздумья: кто они, эти подонки, чьи руки обагрены человеческой кровью? Как, в каких условиях могла сформироваться эта волчья стая?

Вячеславу Толстопятову было 20 лет, когда он отбывал уголовное наказание за изготовление поддельных денег. Предстояло отсидеть в колонии 4 года. Срок не малый. Было достаточно времени подумать и одуматься. Но он не одумался. По вечерам осужденный лежал с закрытыми глазами на тюремной койке и мечтал только об одном: как бы «исправить» ошибку, доказать себе и людям, что преступления можно совершать безнаказанно. Важно только, по его мнению, найти надежные маскировочные средства. Уповая на возможность избежать наказания за будущие, еще не свершенные, но задуманные чудовищные преступления, Толстопятов в 1964 году вышел на свободу и вернулся в Ростов. Четыре года он потратил на изготовление огнестрельного оружия: автоматов, пистолетов, ручных гранат, патронов. И на формирование бандитских групп. За несколько лет шайка, созданная Толстопятовым, совершила 14 нападений на инкассаторов Госбанка, кассиров предприятий и учреждений, водителей автомашин. Грабеж государственных средств во многих случаях сопровождался убийством и ранением людей. И все время Вячеслав Толстопятов оставался во власти иллюзии, что есть средства, с помощью которых можно оказаться могущественнее тех, кто стоит на страже правопорядка.

Иллюзии, как известно, лопаются подобно мыльным пузырям. Никакие уловки и ухищрения не помогли. Банда была поймана и преступники предстали перед судом. Организаторов и наиболее активных бандитов приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества.

На этом можно было бы поставить точку. Но я вновь хочу напомнить о ходе мысли Толстопятова: «Преступления, если все заранее предусмотреть, можно совершать безнаказанно. Тебя не поймают...»

Конечно, в основе каждого преступления лежат так или иначе сложившиеся обстоятельства социального, психического, психологического порядка. Но есть еще один сопутствующий им немаловажный фактор, о котором мы порой забываем в своей профилактической работе,— это та самая иллюзия, во власти которой находятся толстопятовы: блюстителей закона можно перехитрить. Никто еще не подсчитал, сколько людей погибли, изуродовали свою жизнь, покоряясь этому зловещему самообману, выдавая желаемое за действительное. Такова инерция мышления преступника, мышления, которое легко впитывает обычные ошибки следствия. А их бывает немало. Следствие — это всего лишь инструмент, при помощи которого устанавливается истина в пределах объективных возможностей, существующих в реальной жизни, независимо от воли и сознания человека. Но не всегда правильно и в тактическом и в организационном отношении используются эти возможности. Иногда в расчет берутся явления, лежащие на поверхности. Отсюда и срывы. Вот это и дает повод иным преступникам уповать на отвратимость наказания. А ведь в общем-то каждый преступник оставляет видимый или невидимый след, который можно и должно обнаружить. Вот эти мысли вновь и вновь приходят на ум в связи с судебным процессом в Ростове-на-Дону.

...К моменту вынесения приговора Вячеславу Толстопятову исполнилось 33 года, но практически он еще не занимался общественно полезным трудом. Время от времени он устраивался на работу — только для видимости, для отвода глаз. Работать было некогда — организация бандитских вылазок требовала много времени. Рядом с ним его старший брат Владимир. Этот человек с обрюзгшим лицом, вытянутым носом, узкими и злыми глазами на суде не отрицал существования банды, но все время повторял: «Сам людей не убивал, был занят изготовлением двигателей «без топлива» (имеется в виду оружие). Владимиру Толстопятову уже под пятьдесят. Он всячески пытался умалить свою вину и всю ответственность свалить на брата. Действительно, сам он не стрелял в людей, которых грабили, сам он не убивал тех, кто становился на защиту государственной собственности и жизни граждан. Все это делали другие участники шайки, но делали они это при помощи автоматов, гранат, которые приготовил Владимир Толстопятов. Если младший брат, Вячеслав, неустанно напоминал бандитам, что «измена группе будет преследоваться смертью», то старший, Владимир, выполнял не менее коварную роль. Он старательно изо дня в день прививал звериные инстинкты вновь завербованным членам шайки. Один пример. Вечером 22 октября 1968 года шайка совершила вооруженное нападение на магазин № 46 Первомайского района города Ростова. Налетчикам, которые в магазине открыли беспорядочную стрельбу из автоматов и пистолетов, удалось завладеть дневной выручкой. Случайно оказавшийся около магазина пенсионер Чумаков пытался задержать грабителей, но был убит выстрелом из автомата Вячеслава Толстопятова. После этого бандиты не собирались около недели. Бесстрашие Чумакова вывело их из равновесия. И в эту пору своеобразного психологического кризиса бандитов утешал и подбадривал старший Толстопятов: «Нужно расправляться с любым, кто станет на нашем пути, расправляться огнем и мечом».

Еще один штрих. Автоматы, серые маски, белые балахоны, защитные очки, оглушительная стрельба — все это должно было вызвать у людей страх, панику, подорвать волю к сопротивлению. И эту задачу выполнял Владимир Толстопятов. Он одним из первых оказывался в толпе, которая, как снежный ком, разрасталась на месте происшествия, жадно вслушивался в разговоры собравшихся, запоминал высказывания, догадки, предположения людей, следил за действиями милиции и следственных органов. Резонанс от каждого налета был огромен. Город был полон тревожных слухов, разных догадок. И старший Толстопятов через знакомых, близких выяснял реакцию людей. Главари банды хотели потуже связать между собой всех участников преступлений, убедить их в том, что гнев, возмущение и ярость ростовчан отрезали пути к отступлению. Есть лишь один выход: усилить конспирацию. И снова иллюзия отвратимости наказания: пущенная в ход машина страха действует безотказно. С другой стороны, «разведданные» Владимира давали шайке возможность перестраивать свои планы. У подонков была, разумеется, своя растленная логика. И эта «логика» побудила Вячеслава заявить на суде: «Придя в камеру, я невольно задал себе вопрос: «Почему же я должен отвечать за всех? Ведь грабили и убивали все мы вместе».

Не менее зловещим участником банды был и Владимир Горшков. Его квадратный подбородок выделялся на широком и тупом лице. Нервными, резкими движениями языка он то и дело облизывал свои толстые, распухшие губы. На тайных ночных сборищах Горшков почти не участвовал в детальном обсуждении бандитских дел. Он лишь постоянно твердил: банду надо вооружить более современным оружием, надо искать кассиров и инкассаторов, которые не могли бы оказать серьезного сопротивления.

21 апреля 1969 года Горшков вместе с другими совершил нападение на работников химзавода, пытаясь захватить у них 108 тысяч рублей, которые они получили в Госбанке для выплаты заработной платы рабочим и служащим. Работники завода Коваленко и Топчиев, рискуя жизнью, оказали героическое сопротивление. Тогда Горшков открыл огонь из автомата и тяжело ранил их.

16 декабря 1971 года вместе с некоторыми участниками банды Горшков напал на бригаду инкассаторов Госбанка и захватил более 20 тысяч рублей. Один из кассиров был зверски убит.

7 июля 1973 года Горшков вместе с другими налетчиками захватил 125 тысяч рублей у кассиров проектного института «Южгипроводхоз».

ПРИГОВОРА

На месте преступления оказался рабочий Мартовицкий, который преградил путь злодеям. Выстрелами Горшкова и Вячеслава Толстопятова он был убит.

Кто мог подумать, что Горшков, молодой еще человек, скромный кладовщик объединения «Ростоблприборбытремонт», с хорошей производственной характеристикой, окажется активным участником бандитских налетов? И тут уже надо во весь голос говорить о социальных уроках этого процесса. Ведь волчья стая жила, крепла, действовала среди наших людей, среди членов советского общества, в котором сложилась самая гуманная система нравственных норм, утвердилась самая прогрессивная мораль.

Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мораль, которой мы руководствуемся,— сплав беззаветной преданности идеалам коммунизма и высокой гражданственности, любви к своей социалистической Родине и братской солидарности с трудящимися всех стран, коллективизма и непримиримости к нарушениям общественного долга. Наша коммунистическая мораль по праву наследует и развивает гуманистические нормы нравственности, выработанные человечеством. Трудолюбие, честность, скромность, чувство собственного достоинства, товарищество, взаимное уважение — все это неотъемлемые черты морального облика советского человека».

Миллионы и миллионы советских тружеников наделены этими прекрасными качествами, нормы коммунистической нравственности стали нормами советского образа жизни. Но они утверждаются в трудной, суровой борьбе с теми, кто еще не избавился от страшных пережитков прошлого. И там, где бескомпромиссная борьба с этими пережитками ослаблена, где верх берут либерализм, вольное или невольное потворство тунеядству, стяжательству, угодничеству, нечестности, расхлябанности на работе и в быту, пьянству, моральной неустойчивости, там создается благодатная почва, на которой цветут пышным цветом сорняки, паразиты. А от них лишь один шаг до толстопятовых, горшковых. Анализ уголовных преступлений, совершаемых в нашей стране, показывает, что все начинается или с пристрастия к регулярным выпивкам, или с нашего снисходительного отношения к разгильдяйству, к нарушениям трудовой дисциплины, к тунеядству. Ведь толстопятовы не родились преступниками. Началось с того, что Вячеслав, вкусив плоды «сладкой жизни» тунеядца, почувствовал себя даже в некотором роде героем. Никто ему осуждающего слова не сказал, а уж о мерах более строгих и говорить не приходится. Даже в суде он, куражась, пытался представить себя этакой особой личностью, которой закон нипочем. Вячеслав цинично заявлял: «Закон для человека, что флажки для волка...» Еще в юношеском возрасте будущий бандит с презрением относился к людям, дерзил старшим и считал, что «настоящие парни» — это герои западных низкопробных кинобоевиков, для которых нет закона, нет норм общественного порядка — бей, насилуй, истязай, убивай, живи так, чтобы тебя боялись. Замечу, что, увы, порой и некоторые наши кинокартины, некоторые книги советских литераторов, вопреки благим намерениям авторов, способствуют утверждению далеко не лучших нравов среди подростков, с которыми нам потом приходится встречаться в зале судебных заседаний.

И еще один горький урок. Большинство членов банды числилось на работе, но практически они почти никогда не бывали на своих рабочих местах. В процессе предварительного следствия и в суде выявилась мрачная картина: на некоторых предприятиях отсутствовал какой бы то ни было контроль за соблюдением трудовой дисциплины. Обстановка беспечности позволяла негодяям творить свои грязные дела.

Появление в семье преступников новичка, да к тому же еще молодого человека,— это, как правило, результат поражения коллектива в борьбе за души людские. Как Горшков попал в банду? Его исподволь обрабатывали братья Толстопятовы. Медленно, но верно. Учли моральную неустойчивость Горшкова, настроения, материальные недостатки в семье. Товарищи по работе и не заметили, как человек замкнулся, отошел от коллектива, перестал интересоваться его жизнью. Так он попал в цепкие лапы Толстопятовых. А на руках — хорошая производственная характеристика.

Методы вербовки Сергея Самасюка оказались еще более простыми. С ним Вячеслав Толстопятов познакомился в 1963 году, когда отбывал наказание. Самасюку тогда было 22 года. Он тоже находился в колонии, его осудили за посягательства на общественный правопорядок. Толстопятов сразу понял, с кем имеет дело, и с ходу предложил Самасюку: «Когда освободят, приезжай в Ростов. Квартиру подыщем». Самасюк, появившись в Ростове, стал частенько захаживать к Толстопятовым и легко разгадал их планы. Он сам предложил свои услуги, заявив при этом: «Лучше умереть на мешке с деньгами, чем на пивной бочке». По иронии судьбы он действительно умер на мешке, в котором находилось 125 тысяч рублей, захваченных у кассиров проектного института «Южгипроводхоз». При налете он был сражен метким огнем работника милиции.

На какой почве «произрастал» этот негодяй, сам ринувшийся в объятия бандитов? Знакомая по многим уголовным делам биография. Этот сравнительно молодой человек уже более десяти лет не работал, систематически пьянствовал, дважды лечился как алкоголик, несколько раз его судили. Он давно потерял связь с обществом, с людьми. Его сероватобледное, землистое лицо, потухшие, водянистые глаза как нельзя лучше выражали полную опустошенность подонка. А началось с малого: бросил работу, стал пить... И никто не потревожился за судьбу оступившегося человека. Так формировалась волчья стая.

Банде Толстопятовых нужны были автоматы, гранаты, патроны. Где их взять? Нашелся некий Денскевич, который фактически стал подручным и пособником закоренелых преступников. Он по чертежам братьев Толстопятовых изготовлял детали для ствольных коробок автоматов, кольца для крепления стволов и ударно-спусковых механизмов, гильзы, латунные пули. На суде, переминаясь с ноги на ногу, он старался смотреть в сторону, боялся взглянуть в зал, где сидят люди. А среди них были и такие, которым неловко слушать все, что говорил Денскевич, человек, продавший за деньги честь и совесть. По большому счету они ведь тоже в ответе. Денскевич творил все эти гнусности, работая рядом с ними.

На скамье подсудимых и инженер Зарицкий. До ареста он работал заместителем директора Ростовского объединения «Ростоблприборбытремонт». Что привело его в эту бандитскую компанию? То же, что и Денскевича: страсть к наживе. По заданию Толстопятовых и Самасюка он предоставлял самого широкого характера информацию об условиях работы кассиров в учреждении, где он сам служил: число сотрудников, сумма денег, получаемых в банке; день и час доставки денег; расположение кассы и т. д. «Подарок» был обещан богатый. Если, конечно, удастся операция...

Рядом с Зарицким и Денскевичем на скамье подсудимых врач Дудников. Он знал, что во время одного из бандитских налетов Горшков получил тяжкое ранение. Знал Дудников и другое — город встревожен: когда же наконец обезвредят банду? Радио и телевидение передали специальное обращение следственных органов к населению — помогите изловить бандитов. Вот тут бы и откликнуться. Дудников пошел иным путем — стал тайно лечить раненного во время перестрелки Горшкова и тем самым помог бандитам скрыться.

Мы не случайно поставили рядом Дудникова, Зарицкого и Денскевича. Они не организаторы банды и непосредственно не принимали участия в убийстве людей. Но это с их помощью стали возможными убийства, грабежи и другие тягчайшие преступления. Если бы ктонибудь из них сообщил органам власти о злодейских намерениях банды, преступления были бы предотвращены.

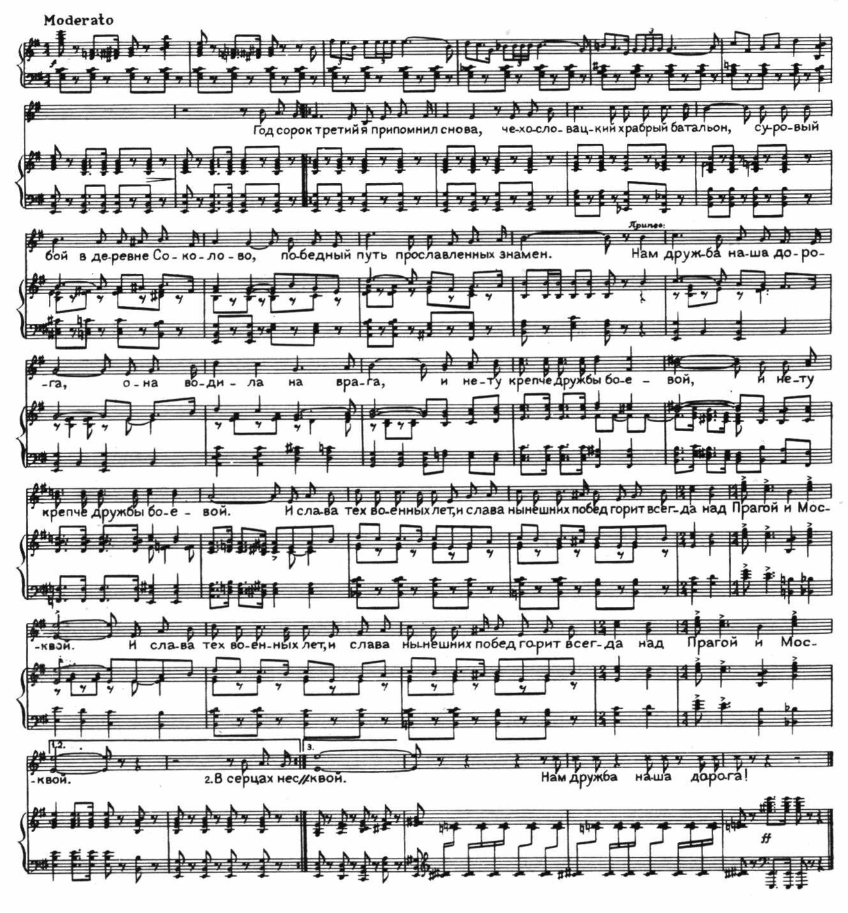
* * *

Я уже говорил о некоторых уроках судебного процесса в Ростове. Хочу в заключение еще раз напомнить: там, где ослаблена наша идеологическая, воспитательная работа, где трудовой коллектив не заботится о нравственном воспитании каждого труженика, там начинают действовать толстопятовы и горшковы; там, где мы не замечаем, как иные юноши и девушки в стремлении подражать буржуазным нравам, проникающим к нам из-за рубежа, доходят до того, что готовы за деньги, за модные джинсы продать честь, достоинство, совесть, там вольготно чувствуют себя толстопятовы и горшковы; там, где нет дисциплины, порядка на производстве, где безнаказанно орудуют хапуги, там и могло случиться такое: на государственном предприятии тайно делали для бандитов оружие.

Суд не выносил частного определения. Но в адрес Ростовского обкома партии прокуратура направила соответствующее письмо. И меры были приняты незамедлительно. Руководители предприятий, начальники ряда цехов и мастера привлечены к строгой партийной ответственности.

Партийные и советские органы Ростовской области в связи с судебным процессом проводят большую воспитательную работу. В центре внимания — воспитание непримиримости к малейшим нарушениям правопорядка, укрепление государственной и трудовой дисциплины, решительное устранение условий, способствующих антиобщественным проявлениям.

Судебный процесс в Ростове еще и еще раз напомнил, сколь важна поставленная партией задача: широко, активно использовать все средства политического, общественного, культурного воздействия, в том числе литературу и искусство, для воспитания советского человека в духе высокой гражданственности, идейной убежденности, нравственной чистоты.

Музыка
Бориса АЛЕКСАНДРОВА.
Стихи Сергея БЕНКЕ.

НАМ ДРУЖБА НАША ДОРОГА

Песня советско-чехословацкой дружбы

Год 43-й я припомнил снова,
Чехословацкий храбрый батальон,
Суровый бой в деревне Соколово,
Победный путь прославленных знамен.

Припев:

Нам дружба наша дорога,
Она водила на врага,
И нету крепче дружбы боевой.
И слава тех военных лет,
И слава нынешних побед
Горит всегда над Прагой и Москвой!

В сердцах несли мы доблесть и отвагу.
Мы вместе шли сквозь тысячи преград.
И как друзей, встречала Злата Прага
Нас, верных долгу, ленинских солдат.

Припев.

И пусть в веках живет и крепнет дружба.
Плечом к плечу идем в одном строю.
И нам беречь единство наше нужно,
Оно родилось в праведном бою.

Припев:

Нам дружба наша дорога,
Она водила на врага,
И нету крепче дружбы боевой.
И слава тех военных лет
И слава нынешних побед
Горит всегда над Прагой и Москвой!

СНОВА ХОККЕЙ

Олег СПАССКИЙ

Днем над льдом катка ЦСКА клубится такой туман, что с трудом разбираешься в том, что происходит у дальних ворот: слишком еще велика разница температур. За стенами дворца палящее солнце, а здесь — иссиня-жемчужный лед.

Впрочем, вы догадались, что жарко и здесь. Не капли, а ручьи пота текут по лицам форвардов и защитников. Хоккеисты готовятся к новому сезону. Он будет обычным, или, как принято говорить, очередным (у всесоюзного чемпионата солидный порядковый номер — двадцать девятый) и все же не совсем обычным. Все-таки матчи с канадскими профессионалами не стали пока еще рядовым явлением. Пока это — событие в мире спорта.

Во всяком случае, канадцы в этом убеждены.

Возможно, читатель припомнит, что в сентябре 1972 года в Канаде, а затем и в Москве состоялись первые в истории спорта матчи канадских профессионалов со сборной СССР. Эти матчи вызвали большой интерес, и я жалею, что мы, так успешно сыгравшие в тех матчах, посвятили им меньше внимания, чем они того заслуживали, не издали, в частности, книгу (и это при нашей щедрости на печатные листы, когда речь идет о хоккее). Канадцы же выбросили на книжный рынок самые разнообразные издания.

Несколько цитат из тех, что попали мне в руки.

Вот самая скромная. Она принадлежит трем авторам, один из которых — знаменитый вратарь Кен Драйден: «Серия матчей означала многое для очень многих, но для большинства из нас она стала подтверждением того, что мы считали давно установленным фактом: Канада в хоккее лучшая в мире». (Замечу в скобках, что из восьми матчей один закончился вничью, в трех выиграли наши мастера и в четырех канадцы, причем в последнем они еще за восемь минут до финального свистка проигрывали и вырвали победу за 34 секунды до конца матча. Естественно, что итог серии расценили повсюду как ничейный, но только не в Канаде.)

Вот другая книга. Джон Голь «Болельщики сходят с ума (Чудо Поля Хендерсона)»:

«Наша национальная гордость и спокойствие — в силу причин, которые никогда не смогут быть разъяснены членораздельно — зависели от восьмой игры серии... Настоящий герой — это человек, который появляется из хаоса — вдруг, неожиданно, чтобы повернуть ход истории. И это именно то, что Поль Хендерсон, изящный молодой человек из Онтарио, совершил в четверг в Москве». (Вы, видимо, поняли, что именно этот хоккеист забросил решающую шайбу.)

А как вы оцените такие строки? «Три последних матча (их выиграли канадцы.— О. С.) поднялись из спорта в мифологию, в легенду... Поль Хендерсон стал героем Канады, объектом всеобщего поклонения и восхищения, память о котором сохранится навсегда».

Вот что такое хоккей для канадцев!

Предлагается объяснение этого феномена. Цитирую авторов книги «Двадцать семь дней в сентябре»: «Это было нечто большее, чем просто спортивное событие, потому что для канадцев хоккей больше, чем спорт. Это наша национальная игра, часть нашей культуры, нашей истории, нашей национальной сущности. Хоккей — то единственное, о чем мы всегда можем сказать: «Мы лучшие в мире». У советских людей есть их писатели, музыканты, ученые. Наши герои...— хоккеисты».

Бесспорно, здесь лишь одно: матчи советских мастеров с канадскими профессионалами действительно вызвали громадный интерес. И не только в Канаде. И вот теперь новые встречи. На этот раз не с командой НХЛ — Национальной хоккейной лиги, как два года назад, а со спортсменами, представляющими недавно созданную ВХА — Всемирную хоккейную ассоциацию, объединяющую профессиональные спортивные клубы Канады и Соединенных Штатов.

Наши любители спорта увидят не только легендарного Бобби Халла, но и приезжавших в Москву в сентябре 1972-го хоккейных асов — Френка Маховлича и Поля Хендерсона, того самого Хендерсона, который, по мнению канадских журналистов, спас в Москве честь канадского хоккея (все они изменили НХЛ, соблазненные более солидными гонорарами).

Вполне понятно, что предстоящие встречи на канадском и советском льду сейчас в центре внимания любителей хоккея. Нам предстоит много волнующих минут. Но, не забегая вперед, хочется окинуть взглядом еще спокойные хоккейные арены, оценить те изменения, которые произошли в игре за последнее время.

Прежде всего о переменах организационных. Популярный приз газеты «Известия» отныне будет разыгрываться по новой формуле. Команды не соберутся, как бывало в Москве. Теперь четыре ведущих

европейских сборных — СССР, Чехословакии, Швеции и Финляндии — встретятся в шестикруговом турнире. Команды сыграют три матча на своем поле и три — на льду соперника. Таким образом, борьба будет продолжаться не шесть-семь дней, а шесть-семь месяцев.

В нашей сборной за два года произошли изменения и в характере игры и в составе. Сменилось руководство главной команды страны, теперь ее возглавляет Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР, наставник новых чемпионов — клуба «Крылья Советов». Помощники его хорошо известны в хоккее, сами в прошлом защищали честь сборной. Константин Локтев, возглавляющий ныне ЦСКА, много лет проработавший с многолетним наставником армейских хоккеистов Анатолием Тарасовым, и Владимир Юрзинов, воспитанник Аркадия Чернышева.

В самый последний день июля тренеры обнародовали список кандидатов в сборную. В новом составе нет многих ветеранов, тех, кто выступал в первой серии матчей с канадскими профессионалами. Зато в команде немало новых имен.

Пути тренерской мысли неисповедимы, и сейчас я не стану гадать, кто из молодых будет в сентябре и октябре играть с хоккеистами ВХА, но дебютанты в нашей сборной, несомненно, будут.

Лучшие команды теперь стали исповедовать «открытый», удалой хоккей. Взгляните на турнирную таблицу последнего чемпионата страны. Со счетом 7:7, 7:6, 8:6, 7:5 заканчивались матчи не новичков, не аутсайдеров, а ведущих клубов.

Не будем обманывать себя: «открытый» хоккей возник не только потому, что окрепла игра нападения, но и в связи с неудачами защиты. Чуть ли не в каждом матче минувшего сезона вратари по десятку раз оставались в одиночестве против нападающих и часто не одного, а двух или трех, в то время как помощники вратаря — защитники застревали у противоположных ворот.

Однако обилие голов связано не только с промахами защитников, их увлечением атакой, но и с новыми хоккейными ритмами. Уходит в прошлое неторопливый розыгрыш шайбы, движение нападающих «вкругаля», по свободному льду, медленный пас на клюшку партнера. Сейчас лучшие форварды устремляются не туда, где нет соперников — в углы поля, к бортам, они, напротив, ищут единоборства, стремятся пройти к цели по кратчайшему маршруту, и шайба чаще всего адресуется не партнеру, а вперед с учетом скорости движения игрока.

По первому взгляду хоккей стал проще, исчезают тактические излишества, свойственные игре в пору ее становления, замысловатые «орнаменты» и «кружева», теперь преобладают прямые линии дальних диагонально-продольных пасов. В два-три касания шайба пролетает от одних ворот к другим, и горе защитникам, неверно оценившим ситуацию.

Современный хоккей прост лишь внешне. На его облик заметно повлияла принятая несколько лет назад поправка к правилам, позволяющая спортсменам вести силовую борьбу по всему полю. Мы попросили Константина Локтева сравнить хоккей десятилетней давности с хоккеем сегодняшним.

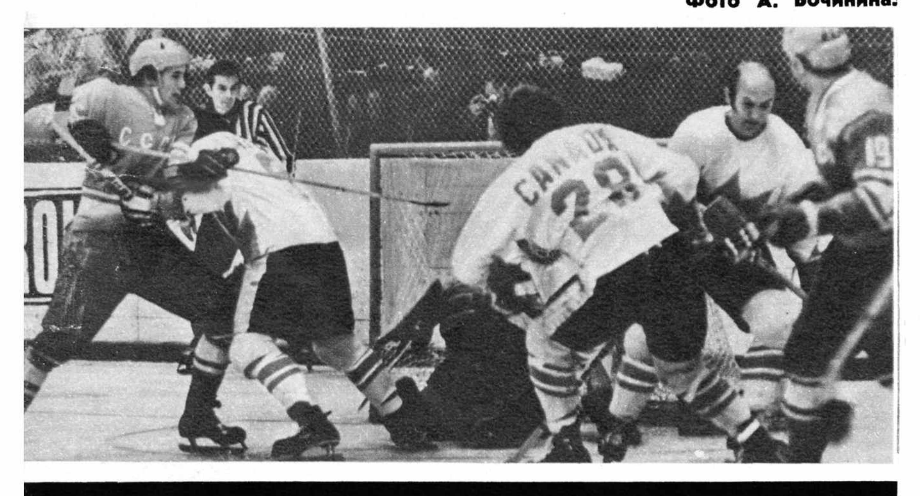
— Хоккей, разумеется, изменился. Стал ярче, интереснее, жестче, стремительнее. Но не все изменения мне по душе,— сказал Локтев.— Пожалуй, в физическом отношении сейчас средний хоккеист подготовлен лучше, чем десять лет назад. Вот и вскипают то и дело схватки на льду. Но — заметьте — борются частенько один на один. Как бы разбившись на пары. И хоккей от этого проигрывает. Я предпочитаю иную борьбу. Пять на пять. Звено на звено. И борьбу тактическую прежде всего, а не силовую. Силовые приемы должны носить только служебный характер. Это не самоцель. Мало напугать соперника. Нужно еще шайбу в его ворота забросить. Конечно, сейчас хоккеисты не имеют времени на многоходовые комбинации, ведь темп, скорости стали другими, да и хоккей теперь более рациональный. Это хорошо, но для некоторых молодых ребят тактическое искусство отходит на второй план.

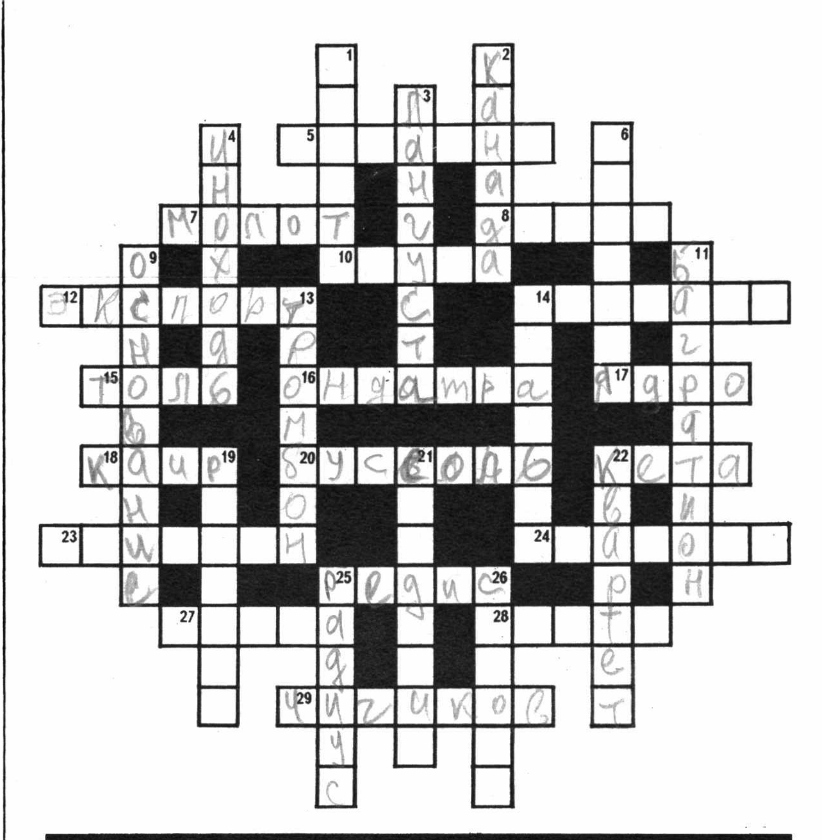
Я канадцев впервые увидел лет пятнадцать назад. Играли мы с любителями, но смотрели и поединки клубов НХЛ. Мастерство канадцев производило большое впечатление, однако мне всегда казалось, что в тактическом отношении мы подготовлены лучше... Так надо ли нам утрачивать это преимущество?..

Локтев считает, что новые матчи для нашей команды будут еще более трудными, чем те, что проходили два года назад. Тогда канадцы были в какой-то степени застигнуты врасплох и оказались психологически не готовыми к напряженной борьбе со столь сильным соперником, ведь их долгие годы убеждали, что равных им нет. На этот раз канадцы знают, что их ждет, и готовы к встречам. Но наши ребята не теряли времени зря.

Встречи двух сильнейших сборных мира многое должны дать хоккею.

1972 год. Один из моментов борьбы сборной СССР и хоккеистов НХЛ.
Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Водоразборная колонка. 7. Снаряд для метания. 8. Опера З. П. Палиашвили. 10. Порт в Югославии. 12. Вывоз товаров за границу. 14. Река в Башкирии и Оренбургской области. 15. Кровельный материал. 16. Пушной зверек. 17. Старинный орудийный снаряд. 18. Столица АРЕ. 20. Угломерный прибор. 22. Промысловая рыба. 23. Советский писатель. 24. Озеро в Казахстане. 25. Огородное растение. 27. Быстроходная легкая гребная шлюпка. 28. Приток Тобола. 29. Герой поэмы Н. Г. Гоголя «Мертвые души».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Работник театра. 2. Государство в Северной Америке. 3. Морской рак. 4. Бег лошади. 6. Гора на Урале близ Нижнего Тагила. 9. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 11. Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 13. Духовой инструмент. 14. Рассказ А. П. Чехова. 19. Полуфабрикат прядильного производства. 21. Картина В. Е. Маковского. 22. Ансамбль из четырех исполнителей. 25. Линия, соединяющая точку окружности с центром. 26. Роман Л. Фейхтвангера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 4. Шапорин. 7. Нина. 8. Трак. 10. Симпозиум. 12. Малави. 14. Альбом. 16. Писарев. 20. Антарктида. 21. «Дубровский». 22. Антенна. 24. Тициан. 26. Портик. 27. Олимпиада. 28. Икар. 30. Брно. 31. Анероид.

По вертикали: 1. Сковорода. 2. Кама. 3. Винт. 5. Тикси. 6. Гамма. 9. Санаторий. 11. Собакевич. 13. Вискоза. 15. Лукошко. 16. Плица. 17. Старт. 18. Радон. 19. Вобла. 23. Евпатория. 25. Норка. 26. Пашня. 29. Ринг. 30. Бриз.

На первой странице обложки:
Портрет А. Довженко работы художника П. Вильямса.

На последней странице обложки:
Дом отдыха автомобилестроителей «Лесной курорт».
Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/VIII—1974 г. А 00619. Подписано к печ. 27/VIII—1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2021. Тираж 2 112 000 экз. Заказ № 2582.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А. ЩЕРБАКОВ
Фото М. САВИНА.

Витебску — тысяча лет. Древний город помнит столько, что хватит, пожалуй, на сотни многотомных летописей, и каждая их страница откроет деятельным и любознательным потомкам неисчислимое множество свершений и судеб людей, которые трудолюбием и героизмом своим провели славный город через все испытания истории к его сегодняшнему достойному самой высокой оценки современников рубежу.

Город помнит многое.

1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. Витебску пришлось немало пережить в борьбе с чужеземцами и прежде. В восемьсот двенадцатом он не уронил достоинства патриота и воина. Напротив, у него есть все основания гордиться подвигами витебчан на ратных полях, и в частности тем, что сформированная в Витебске 17-я пехотная дивизия отличилась доблестью и стойкостью в знаменитом Бородинском сражении.

Город помнит своих питомцев, которые на заре организованного освободительного движения в России жертвовали собою во имя будущего счастья Родины. Среди декабристов был Иван Иванович Горбачевский. Он рос и учился в Витебске в семье директора мужской гимназии. Офицера Горбачевского одним из первых приняли в Общество соединенных славян, которое в 1825 году слилось с Южным обществом, руководимым Пестелем. Восстание декабристов потерпело неудачу, Горбачевского приговорили к вечной ссылке в Сибирь. Он и там продолжал прогрессивную деятельность до конца жизни.

Двадцатый век принес Витебску новые испытания и новую славу.

В 1917 году он держал едва ли не самый главный за всю свою историю экзамен. Большевистская организация в городе активно укрепляла свои позиции. Когда пришла весть о том, что в Петрограде большевики взяли власть, Витебск немедля последовал примеру столицы.

Витебск дал революции подвижников и героев. Он помнит, например, поручика Семена Крылова. Большевик Крылов за революционную агитацию дважды подвергался аресту. В ночь с 27 на 28 октября ворота Витебской тюрьмы распахнулись, и Крылов вместе с другими заключенными вышел на волю. И тут же оказался в центре бурных событий. Назначенный начальником гарнизона и военным комендантом города, он бросил все силы революционно настроенных солдат на закрепление октябрьской победы. Глава Временного правительства Керенский и генерал Краснов вызывали с фронта войска в Гатчину, чтобы задушить восставший Петроград. Витебские большевики посылали на железнодорожный узел своих лучших агитаторов. «Вся партийная организация, как один человек,— читаем в книге «Красная быль», изданной в 1923 году в Витебске,— прекрасно понимала и учитывала, что необходимо во что бы то ни стало задержать подобные части, не допустить их до Гатчины, не осложнить и без того тяжелую, кровавую борьбу питерских рабочих и солдат за установление диктатуры пролетариата». Почти в полном составе — 200 бойцов, 11 бронемашин и пулеметная команда — перешел на сторону большевиков третий бронеавтомобильный дивизион, отправившийся потом по приказу военно-революционного комитета в Могилев, чтобы ликвидировать там ставку царского генерала Духонина.

Витебск помнит, что в годы революции и гражданской войны здесь на благо Советской власти работали Витовт Путна, Иосиф Варейкис, Степан Вострецов. Сюда Петроград прислал рабочего-революционера Михаила Евстигнеева — он стал первым председателем Витебского губернского совнархоза.

Революция принесла в город высокий дух интернационализма. Огромную роль в сплочении большевистских сил сыграл латышский клуб, ядро которого составляли беженцы-латыши. Из них в основном формировался 1-й Латышский красногвардейский конноразведывательный отряд.

В Витебске же формировалась славная 27-я Омская имени Итальянского пролетариата дивизия, что билась потом с Колчаком, участвовала в подавлении кронштадтского мятежа, в разгроме белых банд на Нижней Волге.

Город помнит...

В сорок первом его оккупировали гитлеровцы. Однако он не покорился. Патриотические силы объединились в подполье и бесстрашно держали фронт до тех пор, пока не вернулась Красная Армия. Витебскому подполью отдала последний год своей героической жизни бессмертная Вера Хоружая. Московскую комсомолку Александру Виноградову прислали в Витебск с разведывательным заданием. Она блестяще выполнила его — собирала данные о вражеском гарнизоне, о передвижениях немецких войск, через подполье держала связь с партизанами и помогала им. Фашисты казнили ее в сорок третьем году.

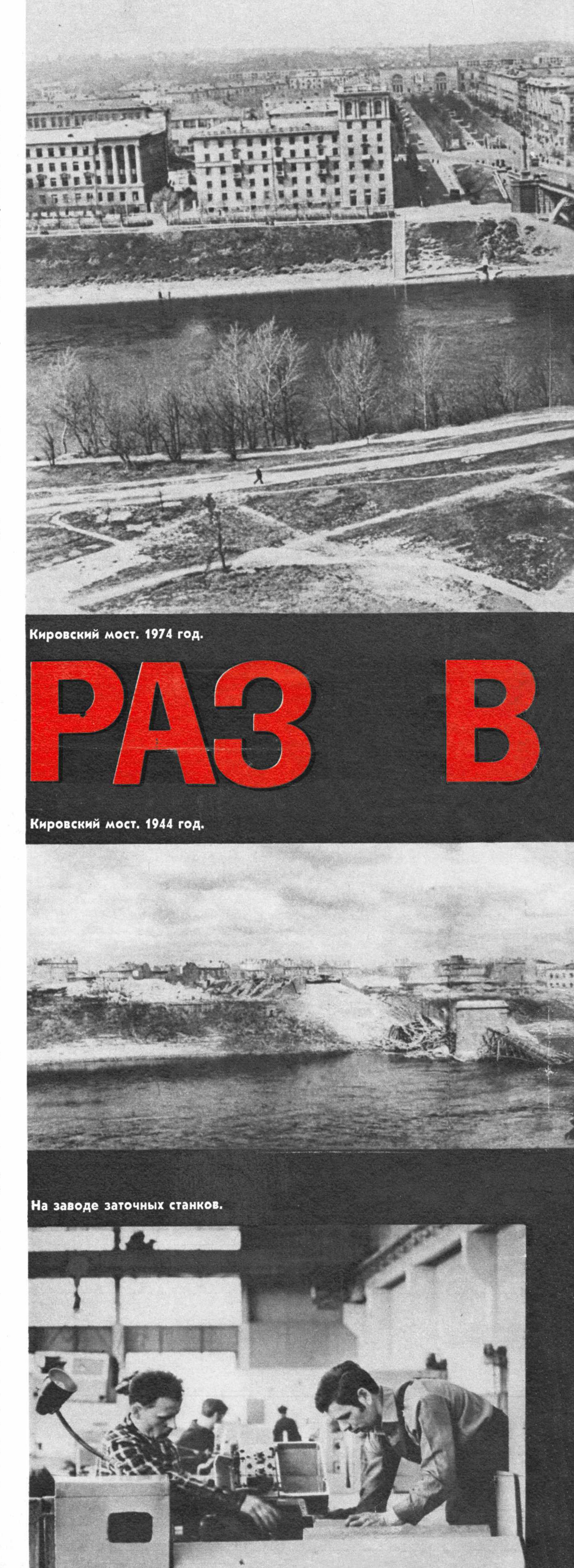
Город помнит...

У входа на мост через Западную Двину мемориальная доска: «Этот мост 26 июня 1944 года в жестокой схватке с фашистскими оккупантами был спасен от взрыва группой бойцов Героя Советского Союза Ф. Т. Блохина».

После войны вся страна помогала Витебску возродиться из пепла. Город получал обувь, строительные материалы, оборудование для заводов, школьные учебники, продукты... Теперь, выросший, обретший новые силы, он дает стране станки и ковры, трикотаж и аппаратуру, швейные изделия, меха, обувь.

Он славит сегодня представителей своей рабочей гвардии, своих педагогов и конструкторов, медиков, артистов, ученых.

Тысячелетие Витебск празднует в первый раз. Но не раз за эту тысячу лет город оказывался свидетелем и участником героических событий. Из них сложилась — столетье к столетью — его история. Мудрая, яркая, поучительная, она воспевает людей, которые дали городу жизнь и провели его через десять наполненных трудом и борьбой веков.

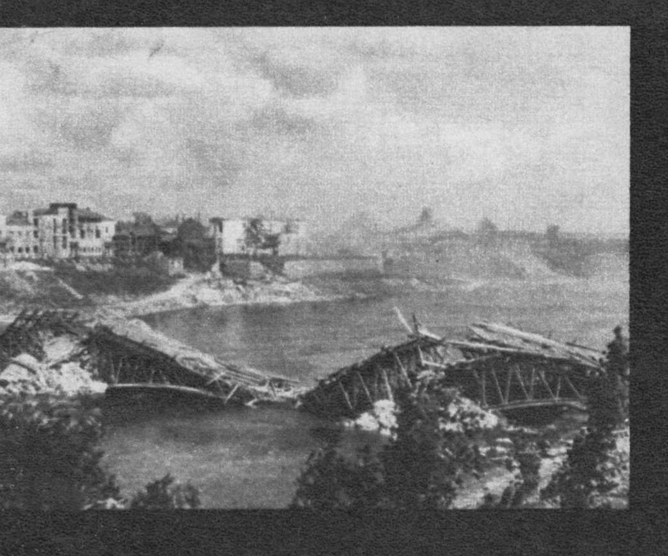

Кировский мост. 1974 год.

Кировский мост. 1944 год.

На заводе заточных станков.

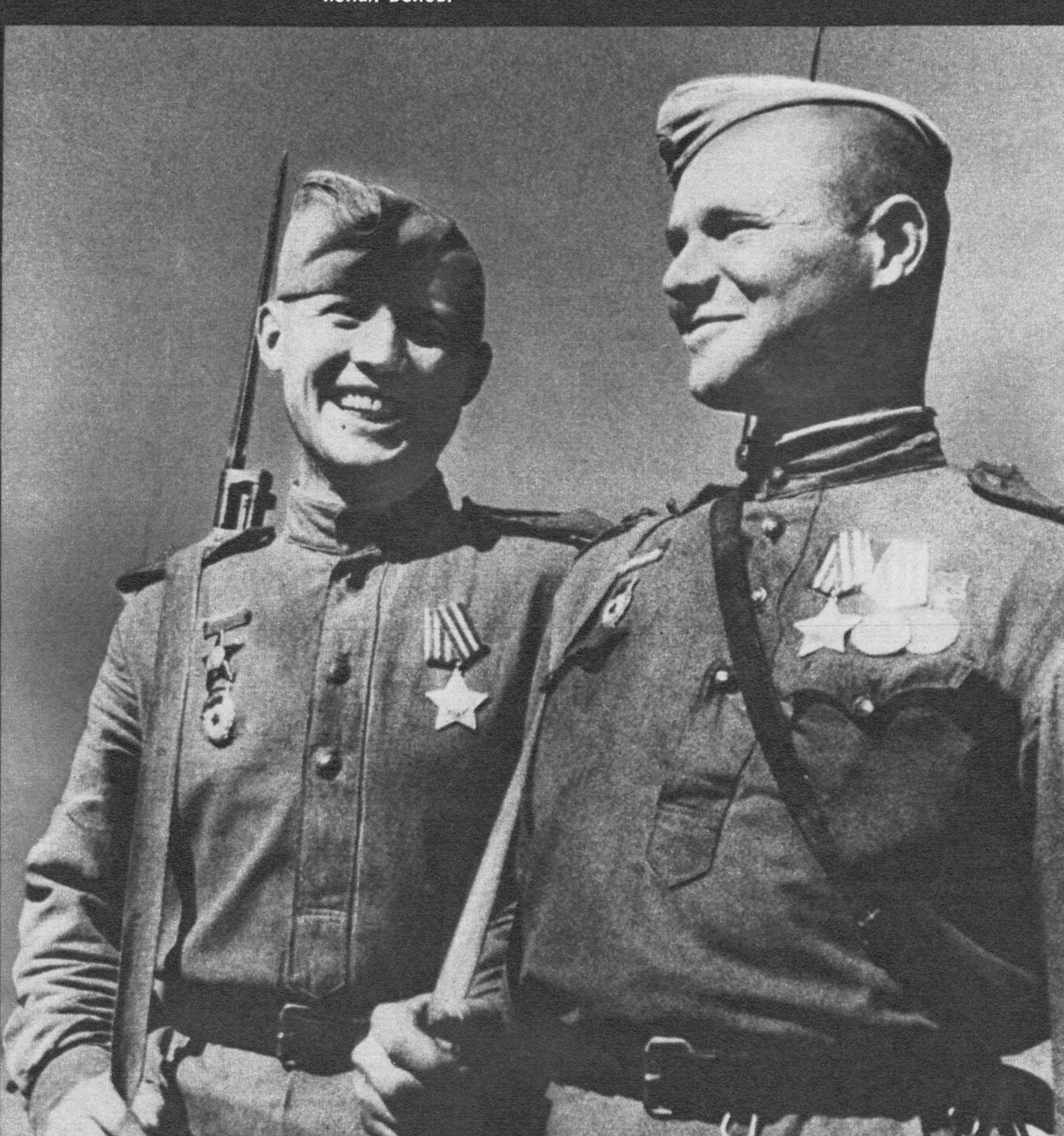
ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Студенты медицинского института Кранит Лабуть, Нина Чеботарь и Таисия Озерская.

Они освобождали Витебск: кавалеры ордена Славы Иван Шульгин и Николай Белов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

